КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ, ИЛИ КАК НАРЯЖАЛИ СОВЕТСКУЮ ЕЛКУ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2011

УДК 398.332.42(470+571)(091)
ББК 77.056
С 16

*В оформлении обложки
использована работа Ивана Дмитриева «Дед Мороз»
(2000 г.; холст, масло)*

Редактор серии
А. Красникова

Сальникова А.

С 16 **История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку** — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 240 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

Елочные игрушки таинственным образом превращают обычное дерево в волшебную сказку. Однако сказка эта всегда была тесно связана с жизнью, которая прочитывалась в елочной игрушке как в открытой книге.

В центре исследования доктора исторических наук Аллы Сальниковой находится советская елочная игрушка, хотя большое внимание уделено и ее предшественницам — игрушкам дореволюционным. Как наряжали советские елки? Как и из чего делали украшения? Как их использовала власть и как относились к ним дети и взрослые? И что произошло с елочными игрушками после распада СССР?

УДК 398.332.42(470+571)(091)
ISBN 978-5-86793-835-2 ББК 77.056

Моему сыну Аркадию,
сделавшему первые в своей жизни шаги
к наряженной новогодней елке…

1
2
3
4
5
6
7
8
9

От автора

Мир вещей, окружающих человека в повседневной жизни, разнообразен и многолик. Среди них есть такие, без которых не прожить и дня. Есть и такие, к которым обращаются лишь изредка, например елочные игрушки. В самом деле, без них легко обойтись. Но скольких счастливых и радостных минут были бы лишены дети (да и взрослые), утратив возможность увидеть елку в ее великолепном убранстве! Как тускло, уныло и «раздето» выглядела бы она без своего новогоднего праздничного наряда!

Эта книга посвящена истории советской елочной игрушки, истории далеко не простой. Безусловно, возникла эта игрушка не на пустом месте. Она не была чем-то искусственно сконструированным, как иногда могло бы показаться на первый взгляд — ведь советская власть не просто жестко разграничила православное «буржуазно-дворянское» Рождество и советский «атеистический» Новый год вместе со всеми присущими им праздничными атрибутами, но и жестко противопоставила их друг другу. Однако изменившееся почти до неузнаваемости смысловое содержание, а зачастую и форма елочных украшений отнюдь не свидетельствовали о полном разрыве с традициями, и прежде всего с традицией их широкой востребованности в праздничном быту. Другое дело, что и в имперской России елочная игрушка довольно медленно и не всегда успешно пробивалась к массовому потребителю и промышленному производителю. Потребление ее было действительно четко стратифицировано

На фронтисписе:

Малыш со снежным комом; папье-маше, роспись, слюда; 1950-е гг., Ленинград. Из коллекции Л. Блатт

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Богемская монтированнная подвеска «цветок». 2. Медведь с мячом; картон; 1936–1966 гг. 3. Ребенок в пальто; папье-маше, вата, цветная папиросная бумага; 1920-е гг. 4. Корзинка с цветком; проволока, картон; завод «Москабель», 1940-е гг. 5. Дед Мороз; пластмасса, роспись; 1960-е гг. 6. Бегемот; дрезденская картонажная, фольгированная; 1890–1920-е гг. 7. Гриб в шляпе; прессованная вата, гуашь, роспись, картон; 1960-е гг. 8. Жираф; вата, роспись, слюда; 1950-е гг. 9. Музыкальный инструмент; стекло, ручная роспись; 1920-е гг.

и ограничено по социальному принципу, а производство, даже кустарное и полукустарное, развито слабо. Оно носило в основном подражательный характер и не вылилось в создание оригинальной эстетики российского елочного украшения.

После 1917 года елочные игрушки были то жестоко гонимы властью, то всячески ею поощряемы, то отчаянно критикуемы как «контрреволюционные пережитки», то широко пропагандируемы как элементы новой советской праздничной культуры. Но именно в советское время в СССР была создана оригинальная, самобытная елочная игрушка, составляющая немаловажную часть культурного наследия советской эпохи. В середине 60-х годов прошлого века в связи с переходом к массовому промышленному производству и окончательным «затвердением» советских праздничных практик эта самобытность и динамизм в развитии советских елочных украшений были фактически утрачены — их заменило массовое шаблонное тиражирование уже имевшихся образцов. Однако вне всяких сомнений, что даже и тогда елочная игрушка продолжала играть важную роль в обретении советской идентичности. Эта роль всегда расценивалась властью как едва ли не самая главная для елочной игрушки, а сами украшения широко использовались в политических, воспитательных и образовательных целях, причем как среди детей, так и среди взрослых.

Изменив или потеряв свою прежнюю идеологическую составляющую, советская елочная игрушка органично встроилась и в постсоветское культурное пространство, продолжая успешно существовать в новых условиях.

Есть множество способов, ракурсов и аспектов репрезентации вещи в культуре. Ее можно рассматривать как результат индивидуального или группового, коллективного (социального, профессионального, возрастного, гендерного, национального и пр.) производственного и потребительского опыта и как орудие властных практик. В системе материальных и ментальных ценностей эпохи она может быть представлена и описана как изделие и как товар, как предмет и как носитель информации, как порождение культуры и как ее явление. Особую сложность заключает в себе процесс понимания, транскрибирования и интерпретации «вещного» текста и перекодирования языка его оригинала. В данной работе елочная игрушка рассматривается и как объект, и как средство изучения советской праздничной повседневности. Такой подход позволил охарактеризовать ее по возможности целостно и не односторонне, хотя, конечно же, далеко не с исчерпывающей полнотой. Представляется возможным также применение к елочной игрушке предлагаемого сегодня некоторыми исследователями метода «культурной биографии вещей» (по аналогии с антропологически ориентированной биографистикой)[1], но не в узком смысле, как только биографии товара, а в гораздо более широком, как истории

бытования вещи в культуре, как источника по истории жизни общества[2]. Все это позволяет вписать изучение елочной игрушки в контекст четко обозначившегося в последнее время «материального» познавательного поворота в гуманитаристике и показать, как «консюмеризм, семиотика и рост культурных исследований» могут обеспечить новые подходы[3] в изучении прошлого. Ведь вещи особо ценны тем, что с ними совсем по-иному «прочитывается» повседневность: они хранят в себе осколки чужих вкусов, мечтаний, настроений, желаний и просто самой жизни.

При написании книги был использован диахронный метод изложения материала. История советской елочной игрушки рассматривалась во временном континууме с учетом тех изменений, которые происходили с ней на протяжении более чем семи десятилетий ее бытования в советской, а затем и в постсоветской культуре. Особое внимание было уделено периоду второй половины 1930-х — начала 1960-х годов как времени превращения елочной игрушки в СССР в массовую производственную и художественную продукцию, времени формирования и утверждения советского елочного «игрушечного» канона, способствовавшего распространению и усвоению новых политико-культурных поведенческих и ментальных стереотипов. Стремлением проследить историко-культурную преемственность, наличие которой никак нельзя отрицать, было вызвано появление специальных разделов книги, посвященных роли и месту елочной игрушки в дореволюционной российской праздничной традиции и в современных культурных практиках и культурной памяти представителей различных поколений российских граждан.

Хотя в потреблении елочной игрушки в СССР царила известная унификация и столичный диктат здесь был очень силен, приобщение к ней в провинции, особенно провинции «национальной», имело свою специфику, обусловленную как особенностями регионального менталитета, культуры, традиций, так и наличием соответствующих сил и возможностей для следования столичной моде или для собственных экспериментов в этой области. Едва ли правильно говорить о том, что для местных елочных украшений была характерна какая-то особая инонациональная окрашенность, но культурно-бытовые практики их потребления, безусловно, разительно отличались от столичных. На материалах Архангельска, Казани, Оренбурга и ряда других городов России в книге приведены примеры такого особого, провинциального способа бытования елочной игрушки. Это дало возможность определить и сопоставить общие тенденции в «жизни» елочной игрушки в пределах всего советского пространства с некоторыми местными, региональными особенностями ее производства и потребления.

Основными источниками исследования явились прежде всего сами елочные игрушки, отложившиеся на хранение в музеях, сохранившиеся в

частных коллекциях, выставляемые на продажу в магазинах и антикварных салонах, украшающие ныне домашние и общественные елки, и их изображения из различных каталогов, картины, рисунки, фотографии, запечатлевающие новогодний праздник с его главным атрибутом — елкой и ее украшениями. Хотелось бы особо поблагодарить казанского коллекционера Л.В. Блатт — владелицу одной из крупнейших в России коллекций елочных украшений — за предоставленную возможность использовать их изображения для оформления книги.

Наряду с визуальными широко использовались и вербальные документы официального и личного происхождения, в которых нашли отражение процессы утверждения елочной игрушки в советском культурном пространстве. Особое место в книге заняли источники устной истории — собранные автором

Вверху:

Советские новогодние открытки разных лет

воспоминания, интервью и эссе (более 130)[4], которые позволили ликвидировать ряд пробелов в имеющейся информации по истории елочной игрушки в России в советское и постсоветское время. Хотя не все эти документы прямо цитируются в тексте в силу повторяемости и однотипности содержащихся в них сведений, именно эта повторяемость и придает данному комплексу источников особую ценность, поскольку, собранные вместе, они успешно воссоздают целостный образ советской/постсоветской елки и украшавшей ее елочной игрушки, а главное — позволяют выявить специфику их рецепции в массовом сознании эпохи. Наконец, невозможность абстрагироваться от собственных впечатлений, безусловно, усилила субъективность исследования, но вместе с тем сделала его более живым и «одушевленным». Именно этим и обусловлены лирические отступления мемуарного характера, приводимые в тексте книги.

Анализ имеющихся публикаций показал, что тема елочной игрушки (точнее говоря, рождественских украшений) довольно популярна в зарубежной исследовательской традиции, но до недавнего времени была практически обойдена отечественной исследовательской литературой. Это, с одной стороны, существенно облегчало задачу автора, а с другой — делало ее еще более сложной. Большую помощь при написании данной работы оказала прекрасная книга Е.В. Душечкиной[5], посвященная истории и мифологии рождественской елки в России и содержащая ряд интересных наблюдений об игрушках и украшениях «русской» елки, а также популярная, но ничуть не потерявшая от этого книга Т.В. Зелениной «Елка моего детства», повествующая об истории рождественской/новогодней елки в Архангельске[6]. Хотелось бы также привлечь внимание читателя к специальной главе, посвященной образу елочной игрушки в русской и советской детской литературе, включенной в монографию М.С. Костюхиной[7].

Отдельные факты, приведенные в книге, вероятно, общеизвестны и, может быть, даже банальны, но без их изложения невозможно было дать целостное освещение истории советской елочной игрушки. Особое внимание было обращено на ее функциональные и гуманитарно-социальные характеристики, а также на методы ее источниковедческой и историко-культурной интерпретации. Технологическая составляющая была затронута лишь вскользь, поскольку автор не считает себя достаточно компетентным специалистом в этой области.

Такая незначительная, казалось бы, вещица — елочная игрушка. Но в ней как в зеркале отразилась история огромной страны, история ее народа, ее граждан — больших и маленьких. Эту историю не всегда просто прочитать, но, прочитанная, она предстает во всем своем ярком многоцветье, таком же ярком, как и один из ее носителей и хранителей — простая елочная игрушка.

ГЛАВА 1

Формы и способы бытования елочной игрушки в культуре

Один богач купил ящик фальшивых
елочных игрушек. «Почему фальшивые?
Не вешаются? — Вешаются. —
Не блестят? — Блестят. —
Так что ж тогда? — Не радуют».
Старый анекдот

«Для чего она? — спросил Тень. — Я имею в виду:
да, она самая большая карусель в мире, сотни животных,
тысячи лампочек, и она все время вращается,
но ведь никто никогда на ней не катается».
«Она здесь не для того, чтобы на ней катались…, — сказал Среда. —
Она здесь для того, чтобы ею восхищались. Для того, чтобы быть».
Нил Гейман. Американские боги. 2001

Ночь. В комнате кромешная тьма — ставни на окнах плотно закрыты. Мне лет пять-шесть. Я лежу в кровати и напряженно вглядываюсь в темноту. Где-то там, в углу, притаилась елка. Ее совсем не видно, не просматриваются даже ее очертания, и только мой любимый шар мерцает и светится в густой тьме своим фосфорически загадочным, волшебным светом. Этот шар отнюдь не самый красивый из всех развешенных на елке украшений. Тускло-золотой, с розовыми и голубыми крапинками и шероховатыми белыми разводами, днем от теряется в массе своих более ярких и сверкающих собратьев. Но вот ночью он, безусловно, первый среди равных. Его голубоватое свечение кажется каким-то космическим, потусторонним, необъяснимо притягательным и одновременно слегка пугающим. Будто он нематериален, будто темнота реальна, а он нет. Я закрываю глаза, но мне кажется, что и с закрытыми глазами я продолжаю видеть этот таинственно светящийся предмет.

На соседней странице:

Фрагмент рождественского украшения из дерева, Эрцгебирге. Специализированный магазин елочных украшений, Берлин, Германия. Февраль 2010. Фото автора

Елочных игрушек в доме много. Елка всегда высокая, до потолка, увешена игрушками от макушки до подножия, так что кажется, что им на ней тесно. Здесь есть и мамины игрушки — первые советские елочные украшения 1930-х годов, приобретенные с огромным трудом в длиннейших очередях в Москве, и скромные кустарные и домодельные игрушки военных и первых послевоенных лет, и регулярно покупаемые мне в предпраздничные дни в большом галантерейном магазине на Советской стеклянные овощи, фрукты, сосульки и фигурки, изображающие героев пушкинских сказок. А еще на елке много немецких игрушек, из Германии, где служит отец. Немецкие игрушки (и я понимаю это еще тогда) явно затмевают отечественные не столько даже великолепием своих красок, сколько изяществом форм и некоей облагороженной натуралистичностью — грациозная пика с колокольчиками, как будто опутанная серебряной паутиной, элегантные шары из тончайшего стекла, мелодично позванивающие золотые и пурпурные колокола, соединенные блестящей тесьмой, разноцветные шишки, покрытые белоснежным инеем, как будто только что снятые с настоящей елки и принесенные из леса. В Новый год ко мне обязательно приходит Дед Мороз (это мой переодетый прадед, благо окладистая седая борода у него своя) и приносит большой мешок, где в соломе прячутся коробки с подарками и среди них — обязательно новые елочные украшения.

Предновогодний Оренбург начала 1960-х. Как обычно, мы идем встречать дедушку с работы. На центральной площади города, у Дома Советов, возвышается огромная елка. На ней — большие фанерные игрушки: самолеты и паровозы с красными звездами, пляшущие зайцы и медведи, раскрашенные мячи и пирамидки. Все сделано топорно и грубо — мне не нравится. Но привносимое яркими, пестрыми игрушками ощущение праздника, безусловно, присутствует, и в этом их безусловная прелесть.

Не нравятся мне и те игрушки, которые я позднее собственноручно произвожу из цветной бумаги на уроках труда в начальной школе — аляповатые разноцветные цепи, неуклюжие снежинки, кривые корзиночки, слегка кособокие фонарики. Дома я никогда бы не повесила их на елку — увы, рукодельница из меня никакая, и выставлять результаты моих трудов напоказ — это уж слишком, но учительница с маниакальной настойчивостью из года в год украшает нашими самоделками новогоднее дерево, стоящее в классе. Трудовое воспитание есть трудовое воспитание. Впрочем, сам процесс изготовления игрушек приятен — он символизирует приближение Нового года.

Генри Мослер.
Рождественское утро.
Ок. 1916

Переходя от собственных воспоминаний к довольно многочисленным сохранившимся «рождественско-новогодним» воспоминаниям других людей, постоянно убеждаешься в том, что, несмотря на все многообразие описанных в них елок, украшенных вызывающе шикарно и скромно, стильно и безвкусно, антикварно-раритетно и суперсовременно, все висящие на них игрушки объединяло одно: они призваны были дарить людям радость. И обычно у них это получалось. Радость эта, кстати сказать, могла быть и духовная, и телесная — ведь, как известно, на протяжении долгого времени на елке обязательно присутствовали съедобные украшения, которые раздавались детям (чаще — в конце праздника). На своей первой рождественской елке 1910 года («одно из немногих ранних воспоминаний»!) маленькая девочка была очарована не только «блестящими игрушками и дрожащим пламенем свечей». Более всего ей запомнились снятые с елки орехи и сладкие пряники, которыми ее, тогда трехлетнюю, угощали старшие сестры и брат[1]. Золотые орехи, пастилки и крымские яблочки с «очень красивой елки» — подарки приглашенным на праздник детям — оказались «опробованными» и съеденными задолго до прихода гостей пятилетним Минькой и семилетней Лелей из известного автобиографического рассказа Михаила Зощенко. Так что одному из пришедших мальчиков вместо «откусанного» яблока пришлось подарить первоначально предназначенный для Миньки паровозик[2]. Память тела оказывалась не слабее памяти души.

Fröhliche Weihnachten

При всей своей многофункциональности елочная игрушка всегда и неизменно выполняла именно эту — «радующую» — высокогуманную миссию, успешно сочетая ее с задачами образовательно-воспитательного и идеологического характера и даже подчас подчиняя ее им. Осуществляемое через столь притягательное средство воздействие было устойчивым и глубоким, а порождаемые елочной игрушкой позитивные коннотации только еще более укрепляли и усиливали его.

В мире окружающих человека предметов и вещей елочные игрушки занимают свое, особое место. Вот промелькнули новогодние праздники, елку разобрали, игрушки аккуратно уложили по коробочкам и ящичкам и убрали подальше — до очередного Нового года. До тех пор о них никто и не вспомнит, разве что дети, играя в свои обычные детские игры, вдруг подумают, что в этом построенном ими игрушечном зоопарке очень бы пригодился елочный лев, а в игрушечном продуктовом магазине — елочные морковки, огурцы или виноград. Подумают и забудут: ведь играть с елочными украшениями им едва ли когда-нибудь разрешат.

Большую часть времени елочные игрушки действительно остаются невостребованными, но этот факт отнюдь не снижает их ценности, как символической, так и материальной. Елочная игрушка — это, конечно же, вещь, находящаяся «на обочине» потребления, вещь «маргинальная» (Жан Бодрийяр), однако ее маргинальность отнюдь не сводится к ее «внефункциональности» или простой «декоративности». Выполняя «системную функцию знака», елочная игрушка маркирует праздничное досуговое пространство и представляет собой важнейший носитель информации. Как и каждая маргинальная вещь, следуя тому же Жану Бодрийяру, елочная игрушка «будто противоречит требованиям функциональной исчислимости, соответствуя желаниям иного порядка — выражать в себе свидетельство, память, ностальгию, бегство от действительности»[3].

Оказавшись в сказочном, мифологичном елочном пространстве, любая вещь превращается в «волшебный предмет» и может быть в какой-то степени соотнесена с типологией волшебных предметов, представленной в известном исследовании Владимира Проппа «Исторические корни волшебной сказки»[4]. Будучи глубоко мифологичной, она апеллирует к миру-мифу, но миру-мифу, тесно связанному, соотнесенному с действительностью и, по существу, этой самой действительностью определяемому[5]. Ведь, по словам Чарльза Диккенса, именно по веткам рождественской елки «мы карабкаемся к действительной жизни»[6]. Поэтому елочная игрушка являет собой не столько «сказку», сколько

На соседней странице:

Немецкая рождественская открытка. 1990-е гг.

образец почти автоматической — сознательной или бессознательной — фиксации реальности художественными средствами, пример «запечатления» нормативных и нормализующих установок власти в художественной форме[7]. Материальное и духовное (идеологическое) здесь «взаимно отождествляются», «переплетаются», «рождая новое, художественное единство», «не уничтожая, но уравновешивая друг друга»[8]. Находясь на елке, которая является основным, центрирующим началом всего рождественского/новогоднего ритуала, елочная игрушка выполняет важную культурно-конструирующую функцию, разъясняя и «проговаривая» его содержание и приобщая к нему таким образом участников праздничного действа.

Маргинальность русской/советской елочной игрушки дополняется такими присущими ей на различных этапах ее существования свойствами, как экзотичность (когда первые елочные игрушки ввозились в Россию из-за границы), уникальность (когда они производились мастерами-искусниками по индивидуальному заказу или изготовлялись самими будущими потребителями), фольклорность (когда елочной игрушке специально придавались стереотипно «русские» черты или она облекалась в заведомо «русские» предметные формы — кокошник Снегурочки, валенки на «игрушечных» детях, шуба Деда Мороза, русские богатыри в кольчугах, самовары, характерная орнаментальная роспись и пр.), старинность (особенно сегодня, когда коллекционирование елочной игрушки превратилось в повальное увлечение и настоящую моду). Все это повышает статус елочных игрушек в системе вещей, обеспечивая им высокую степень ценности и сохранности и превращая их в объекты особого почитания и специального хранения. Редко они валяются в ящиках стола или комода, брошенные небрежно, кое-как. Нет, они заботливо хранятся в специальных коробках, тщательно обернутые, переложенные ватой, а иногда и четко систематизированные и скрупулезно описанные, например, в частных или музейных коллекциях.

Хотя елка (и, соответственно, ее атрибуты) находятся в ситуации «детсковзрослого» культурного пограничья и входят в пространство общей, детсковзрослой праздничной повседневности, и в дореволюционной, и в советской России она традиционно рассматривалась в первую очередь как детский праздник. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля (1863–1866) при толковании слова «ель» значилось: «Переняв, через Питер, от немцев обычай готовить *детям* (курсив мой. — *А. С.*) к Рождеству разукрашенную, освещенную елку, мы зовем так иногда и самый день елки, сочельник»[9]. В православных представлениях детскость традиционно ассоциировалась со святостью, что подчеркивалось участием детей в литургии, в сакральных сюжетах Писания и иконописи, в агиографии, а главное, самим каноническим образом младенца Христа[10]. Праздник Рождества — праздник обновления,

очищения — как нельзя лучше соотносился с образом ребенка как существа срединного, переходного между ангельским и человеческим мирами. Авангард начала XX века создал концепцию «эстетизированной детскости»[11], куда прекрасно укладывалась и рождественская елка со всеми ее атрибутами.

В советское время — время торжества «префигуративной» культуры[12] — дети как носители и трансляторы нового советского опыта также оказались весьма кстати. Накануне нового, 1936 года, возвращая рождественскую, а теперь уже новогоднюю елку после ее запрета, «лучший друг всех советских детей», большевик и партийный функционер Павел Постышев (благодаря возвращению елки ему даже удалось ненадолго разделить это почетное звание с самим Сталиным), призвал в «Правде» организовать «веселую встречу Нового года *для детей* (курсив мой. — *А. С.*)», устроить «хорошую советскую елку во всех городах и колхозах!»[13]

Елка принадлежала к той категории праздников, о которых Филипп Арьес писал, что они «оставляли за молодыми монополию на главную роль, отводя другим роль зрителей» (правда, по его словам, «роль эта была подчинена определенному обычаю и соответствовала правилам коллективной игры, собиравшей вместе в одну социальную группу людей всех возрастов»[14]). Взрослые получали от «детской» елки своеобразное, «наивное», по словам А.И. Куприна, удовольствие, причем не меньшее, чем сами дети[15]. Однако елочные игрушки

Вверху:

Американская рождественская открытка. 1900-е гг.

были ориентированы прежде всего на детей, хотя в равной степени пользовались ими, а главное, производили их (если не принимать во внимание труд малолетних кустарей и отдельные самодельные елочные украшения), конечно же, взрослые. Не удивительно поэтому, что основные черты и характеристики елочных украшений формировались в соответствии со «взрослыми» представлениями о степени игрушечной «полезности» и «необходимости». Изготавливая, производя и приобретая елочные игрушки, взрослые расценивали их в том числе (а иногда в первую очередь) как важнейшее средство воспитания — религиозного, нравственного, эстетического, политико-идеологического. При таком подходе и елочная, и обычная детская игрушка как культурные (вещные) маркеры по степени воздействия на ребенка оказывались примерно равнозначными, и для воспитателя было совершенно не важно, станет ли ребенок с игрушкой играть или она просто будет висеть на еловой ветке. Главное, чтобы она стала для ребенка «своей», и тогда важнейшая задача по «присвоению» заложенного в нее взрослыми опыта и смысла была бы успешно выполнена[16].

В детском же понимании и восприятии обычная и елочная игрушки скорее разъединялись, чем объединялись. И связано это было во многом с их существенно отличающейся пространственно-культурной локализацией, прямо сказывавшейся на их функциональном назначении. Детская игрушка очевидно являла собой «вещь, служащую детям для игры»[17], хотя, как известно, и обретала этот статус длительно и постепенно, медленно, на протяжении веков выдавливая из массового сознания противопоставление игрушки массовой, народной, «низкой» игрушке «аристократической», «изысканной», «высокой», исполнявшей зачастую лишь роль «накомодной статуэтки». Такая игрушка, писал в 1923 году профессор Л.Г. Оршанский, может быть, была и хороша, «но не для детей», которым позволялось «лишь сквозь стекло ею любоваться»[18]. Однако со временем игрушка все же составила неотъемлемый и необходимый компонент детских рутинных повседневных практик. Степень ее «присутствия» в детском мире стала максимальной. Ребенок «доминировал» над ней; в обращении с ней он был абсолютно свободен и мог поступать так, как ему заблагорассудится.

Всего этого никак нельзя было сказать об игрушках елочных, принадлежащих к праздничному досуговому пространству. В их «сказочном» мире дети чувствовали себя вполне комфортно именно потому, что понимали и воспринимали елочные украшения как знаки-копии по аналогии с иконическими знаками-игрушками, например куклами. Соответственно, по аналогии они стремились наделить те и другие сходными функциями, главной из которых, с детской точки зрения, было использование их в игре. Но вот тут-то ребенок и сталкивался с непреодолимым препятствием. В XIX веке в соответствии со складывавшимся в России рождественским праздничным ритуалом елка долж-

на была быть сюрпризом, сокрытой от детей тайной, а предвкушение праздника — не менее значимым, чем сам праздник[19]. К процедуре убранства елки обычно допускались лишь «большие»[20]. Этой традиции часто придерживались и впоследствии — как на домашних, так и на публичных детских рождественских и новогодних елках. Поэтому и накануне, и во время праздника дети не имели возможности делать с елочными игрушками то, чего им, вероятно, больше всего хотелось, а именно играть с ними, как с игрушками обыкновенными[21]. Им настойчиво внушали, что эти игрушки существуют прежде всего для того, чтобы украшать елку, а не для игры, и такая «отстраненность» делала их еще более привлекательными.

Но вот праздник заканчивался, и запрещенное вдруг становилось разрешенным. В дореволюционной России существовала традиция снимать в конце праздника с веток елочные украшения и раздавать их детям либо позволять самим детям срывать с елки понравившиеся вещицы (впрочем, последнее было далеко не безопасно и на публичных елках, как правило, не поощрялось)[22]. В условиях советского игрушечного дефицита, невысокого уровня благосостояния большинства советских семей и сложностей с финансированием советских детских учреждений «грабить» елку было просто непозволительно. Поэтому на общественных советских елках ребенок обычно получал разрешение снять

Вверху:

Американская рождественская открытка. 1900-е гг.

с елки игрушку лишь как награду, как поощрение — за лучший карнавальный костюм, за рассказанное стихотворение и т. д. Что касается елок домашних, то детям иногда разрешалось снять с елки игрушки и немного с ними поиграть, а потом повесить их обратно — обычно это были менее ценные, прочные и «нетравматичные» игрушки, специально размещавшиеся на нижних ветках.

И вот тут-то детские мечты, наконец, сбывались, и елочная игрушка, потеряв свой особый статус, включалась (пусть и временно, и не навсегда, и отнюдь не всякая, и часто не самая желанная) в детскую игру именно как вещь, как предмет. А запоминание ее, в том числе и запоминание вложенной в нее информации, осуществлялось прочно и надолго. Ведь давно уже было подмечено, что к числу наиболее устойчивых детских воспоминаний относятся необычные факты и события, сопровождающиеся яркими, насыщенными зрительными образами и сенсорными ощущениями[23]. Этот момент был учтен в советских воспитательных практиках, допускавших в ряде случаев функциональную взаимозаменяемость игрушки елочной игрушкой обычной и наоборот.

С другой стороны, определенно осознавая важность и необыденность елочной игрушки, дети стремились «подтянуть» до ее уровня, приблизить к ней своих игрушечных любимцев. Так, мой сын в детстве постоянно пытался водрузить на елку, причем на самое ее видное и почетное место, своего любимого «мягкого» игрушечного зайца.

Заметим, что и во взрослых повседневных практиках подчас наблюдалось использование елочных игрушек отнюдь не по прямому назначению. Еще совсем недавно в окнах некоторых сохранившихся старых одно- и двухэтажных домов можно было видеть выложенные на вате между рамами елочные игрушки — незатейливое украшение скромного интерьера и фасада. А в провинциальных центрах, прославившихся изготовлением стеклянных елочных украшений: в Клину, Павловском Посаде, Дятькове и близлежащих селах, населенных мастерами-игрушечниками, — издавна было принято выставлять в окнах наиболее удачные образцы, созданные хозяином дома. Так что, пройдясь по улицам, можно было узнать, в каком доме живет самый искусный стеклодув[24].

Содержательная сложность понятия «елочная игрушка» и его неоднозначная трактовка были во многом предопределены самой историей елочной игрушки в России. Ведь первоначально упоминаемые в текстах висящие на русских елках вместе со съедобными украшениями игрушки были игрушками в самом прямом смысле этого слова. В своем многотомном труде «Быт русского народа» (1848) А.В. Терещенко писал: «Ее (елку. — *А. С.*) обвешивают детскими игрушками, которые раздают им (детям. — *А. С.*) после забав»[25]. Обычные детские игрушки украшали и советскую елку в период игрушечного дефицита второй половины 1930-х годов. В XIX веке наряду с термином «елочные игрушки» широко употреблялись такие синонимичные понятия, как «блестящие

Рождественская открытка. 1900-е гг.

вещицы», «безделушки»[26]. Сам же термин «елочные игрушки» достаточно рано стал использоваться в русской языковой практике расширительно, как синоним «елочных украшений». Такая трактовка его стала распространенной и общепринятой, подразумевая под собой, вероятно, не только предмет развлечения и забавы, но и что-то нарядное и очень изящное (сравним: «Автомобиль у нее — ну прямо игрушка!»). Являясь носителем социально-культурной информации, игрушка, как замечал Е.Г. Овечкин, не просто что-то слепо копирует, но специфически («игриво») отражает: отражаемое может быть увеличено или уменьшено, обострено или притуплено, расцвечено или обесцвечено и т. д.[27] Вплетаясь в ткань обыденной жизни, любые игрушки, а тем более игрушки елочные, в то же время «как бы надстраиваются или даже возвышаются над обыденностью, выделяются в особую "надповседневную" сферу жизни и деятельности человека» и возводятся, таким образом, «в ранг гиперреальности, некоего высшего, "хрустального", возвышенного мира»[28].

Многообразие елочных игрушек, сложившееся в России к началу XX века, обусловило необходимость их классификации, что достаточно отчетливо

просматривалось даже в торговых прейскурантах того времени и затем было закреплено в советских распорядительных, учетных и дидактических документах. По функциональному назначению елочные игрушки делились на игрушки, «обеспечивающие общий вид елки» (шары, звезды, флажки, дождь, гирлянды, бусы и пр.); игрушки «для рассматривания» (фигурки людей, животных, птиц, изображения различных предметов, картинки-панорамы и др.); игрушки «с движением, звуком, сюрпризами» (хлопушки, вращающиеся колеса, игрушки с колокольчиками и т. п.); «вкусные» игрушки (живые яблоки, апельсины, орехи, расписные пряники, коробочки с конфетами); игрушки под елкой, которые должны были создавать некую целостную картину, и «световые эффекты» (фейерверк, бенгальские огни и пр.)[29]. По материалу изготовления елочный ассортимент подразделялся на изделия из ваты, из папье-маше и пластичных масс, из воска и желатина, из текстиля, из мишуры, плющенки и канители, из дерева, из металла, из туалетного мыла, изделия стеклодувные и из литого стекла, картонажно-бумажно-штампованные изделия и изделия сахарно-пряничные[30]. Этот перечень несколько разрушает стереотипно сложившиеся представления о хрупкости как об одном из основных качеств елочной игрушки. На самом деле елочные украшения могли сохраняться не только годами, но и десятилетиями. И сегодня на домашних елках можно встретить даже дореволюционные елочные игрушки.

Особенно «живучими», несмотря на всю свою кажущуюся недолговечность, оказывались елочные игрушки в домашнем пространстве, поскольку в наибольшей степени — наряду с другими предметами-символами — олицетворяли собой тот «образ родного дома», о котором писал Жан Бодрийяр[31]. Сама рождественская/новогодняя елка зачастую стояла в центре семейных мифологических сюжетов, а елочные игрушки могли стать семейными реликвиями, сочетая в себе мемориальную и эстетическую ценность, часто — изготовленные в прошлом самими членами семьи. Герой романа Стивена Кинга «Мертвая зона» (1979), Джон Смит, несколько мрачно, саркастично и в то же время совершенно верно подмечает это характерное свойство елочной игрушки: «Вот ведь как забавно с этими елочными игрушками. Когда человек вырастает, мало что остается из вещей, окружавших его в детстве. Все на свете преходяще. Не многое может служить и детям и взрослым… Свою красную коляску и велосипед ты променял на взрослые игрушки — автомобиль, теннисную ракетку, модную приставку для игры в хоккей по телевизору. Мало что сохраняется от детства… Только игрушки для рождественской елки в доме родителей. Из года в год все те же облупившиеся ангелы и та же звезда из фольги, которой увенчивали елку, небольшой жизнерадостный взвод стеклянных шаров, уцелевших из целого батальона… Господь Бог — просто шутник. Большой шутник, он создал не мир, а какую-то комическую оперу, в которой стеклянный шар живет дольше, чем ты»[32].

Бережно сохранялись старые елочные игрушки в семейных дворянских коллекциях, включавших, как известно, произведения разного художественного достоинства, с которыми обычно были связаны различные «семейные истории или память о предках»[33]. Особенно отчетливо эта тенденция проявлялась в провинции, где существовала особая «традиция привязанности» к старым вещам[34]. И в советское время, несмотря на уплотнения, тесноту, частые переезды и подчас откровенную нищету, с елочными игрушками не спешили расставаться. Кроме того, в отдельные периоды советской истории купить их было практически невозможно, и приходилось довольствоваться тем, что есть.

Другое дело, что семантическая связь между елочной игрушкой и историческим контекстом специально и преднамеренно акцентировалась далеко не всегда. Но овеществленная в елочных игрушках память о прошлом[35], подкрепленная семейными меморатами, сознательно или подсознательно окрашивающими это прошлое в яркие или темные тона, безусловно способствовала конструированию как личностных, так и групповых идентичностей, наделяла представлениями о далеком и недавнем историческом прошлом, навязывала правила «чужой» и формировала правила «своей» игры в культурно-политическом пространственном контексте эпохи.

Вверху: Фото Е. Сярой. 2009

Постоянно возвращая зрителей к жизненным реалиям, елочные игрушки в то же время представляли великолепную возможность для эскапизма, для сознательного или неосознанного бегства в сферу утешительно-радостного, умиротворяющего, ведь нахождение в культурно-семантическом «елочно-игрушечном» поле так или иначе означало возвращение в детство, сулящее защищенность, беззаботность, надежду. Казалось, что жизнь еще преподнесет свои с таким нетерпением ожидаемые подарки, и достанутся они просто и легко — как игрушки с новогодней елки. Символический образ такой «вечно зеленой елки судьбы», увешенной «благами жизни», встречается в одном из рассказов А.П. Чехова. На этой елке «от низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч. Вокруг елки толпятся взрослые дети. Судьба раздает им подарки…»[36]

В поэтическом воплощении та же мысль — правда, спустя уже более чем полвека — выглядела так:

Плюшевые волки,
Зайцы, погремушки.
Детям дарят с елки
Детские игрушки.
И, состарясь, дети
До смерти без толку
Все на белом свете
Ищут эту елку.
Где жар-птица в клетке,
Золотые слитки,
Где висит на ветке
Счастье их на нитке.
Только дед-мороза
Нету на макушке,
Чтоб в ответ на слезы
Сверху снял игрушки.

К. Симонов[37]

Иллюзии улетучивались, мечты рассеивались. Но все же люди не переставали верить — каждый в «своего» Деда Мороза. Именно поэтому, наверное, в елочной игрушке начисто отсутствовало «травматизирующее» начало: она никогда не фиксировала и не эстетизировала человеческие страдания и зло. Она должна была быть прекрасна, и во многом это достигалось благодаря причудливой игре сочетавшегося в ней света и цвета[38]. Елочные украшения блестели, сверкали, сияли, переливались, многократно отражая теплый свет свечей и отражаясь

сами в «зеркалах» шаров, прожекторов и других стеклянных предметов. Особый, «рождественский» свет в высшей степени являл собой и несколько приземленную идею «домашнего уюта», и высокую идею святости[39]: «И в доме — Рождество… Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка… За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, — звездочки, как будто в лесу»[40]. Яркая пестрота елочных украшений не казалась ни назойливой, ни вульгарной: даже такие раздражающие в обычной жизни цвета, как ядовито-зеленый, пронзительно-розовый или жгуче-оранжевый, в случае с елочной игрушкой воспринимались как должное и уместное, а мишурная роскошь отнюдь не ассоциировалась с дешевым шиком.

Каждая историческая эпоха создавала свои елочные игрушки, придавала им свой, особый смысл, наделяла их своими, особыми функциями, продолжала и восполняла их «культурную биографию». У советской елочной игрушки была своя собственная судьба и своя собственная история. У нее были свои авторы и адресаты, свои почитатели и недоброжелатели, свои поклонники и противники, свои пропагандисты и критики, причем одни подчас легко превращались в других. У нее, конечно же, были и свои предшественники — ведь она не могла возникнуть «ниоткуда»! Безусловно то, что дореволюционные елочные украшения в России принципиально отличались от советских, главным образом за счет заложенного в них смысла, но безусловно и то, что, не будь в прежней России елочных игрушек, новым советским их образцам (ни в коем случае не аналогам!) едва ли удалось бы так быстро внедриться в советские культурные практики и стать неотъемлемым атрибутом праздничной повседневности каждого советского человека. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, подробно остановиться на том игрушечном «наследстве», которое получила советская власть от русской рождественской елки, чтобы затем показать, что из него было полностью отброшено как вредное и ненужное, что, напротив, освоено и присвоено и каким образом это было сделано.

ГЛАВА 2

От какого наследства хотели отказаться большевики. Елка и елочная игрушка в дореволюционной России

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки.
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.
Осип Мандельштам, 1908

Русская елочная игрушка была порождением не только отечественной, но и западноевропейской, прежде всего немецкой культуры. Если говорить об истории елочных украшений в России, об их производстве и потреблении, о здешних изменениях в елочной моде и елочных «пристрастиях», корнями своими они, безусловно, уходили в немецкую традицию. Ведь, как известно, именно Германия традиционно считалась и считается первой европейской страной, где еще в XVI веке в Рождество стали устанавливать наряженную елку[1]. Во второй половине XIX столетия рождественская елка превратилась в общегерманскую традицию, а сам праздник обрел форму устоявшегося ритуала[2].

В Германии и только в Германии, по утверждению многих иностранных путешественников и мемуаристов XIX века, можно было увидеть настоящую рождественскую ель во всей ее красе: ведь, по их мнению, Рождество было истинно немецким праздником. Оно «подходило» немцам так, как «пьеса подходит актеру, под чей характер и темперамент она специально написана», а присущая этому празднику «детскость» как нельзя лучше соответствовала «детскости» немецкой натуры[3]. Елка в Германии не была ни изысканной роскошью для богатых, ни утехой для избранных, ни причудой для избалованных. Напротив, «здесь никто не был столь беден или столь одинок, чтобы не иметь ее»[4].

На соседней странице:

Людвиг Рихтер. Рождественская ночь. Немецкая рождественская открытка. 1900-е гг.

Н. Джексон. Дети любуются рождественской елкой. Рисунок из газеты Frank Leslie's Illustrated Newspaper. 1879

Немецкое рождественское дерево — Weihnachtsbaum — воплощало собой не только романтику, чудеса и сказку — оно являлось воплощением изысканной красоты и великолепия: «Как бы безвкусно она ни выглядела днем, ночью это было истинное чудо, сияющее бесчисленными огнями и сверкающими украшениями, золотыми фруктами и серебряными мерцающими гирляндами»[5]. «В каждом городском доме, — писала одна из посетивших Германию путешественниц, — деревья... светятся огнями и маленькими позолоченными орехами и яблоками и чувствуется тот особый рождественский запах, который складывается из запахов соснового леса, восковых свечей, выпечки и разрисованных игрушек»[6]. В газетах и журналах того времени не было, пожалуй, ни одной статьи или сообщения о рождественском празднике, где бы не подчеркивался его «типично немецкий» характер, а в рождественском дереве не усматривались бы его «типично немецкие» черты[7].

Описание украшенной «классической» немецкой елки, восходящее еще к первым десятилетиям XIX века, можно найти в известнейшей рождественской сказке Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» (1816): «Большая елка посреди комнаты была увешена золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сладости. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло»[8].

Из Германии обычай устанавливать и украшать рождественскую елку — «милая немецкая затея!» (Чарльз Диккенс[9]) — распространился по всей Европе

и в Новом Свете. Не обошел он и Россию. Однако, восприняв «немецкую» елочную модель с соответствующей ей системой праздничных практик, российский потребитель елочной игрушки использовал ее исходя из результатов собственного опыта. Он ориентировался на потребности и возможности собственной социальной среды, следовал традициям собственного национального праздничного быта. В результате в России был выработан свой вариант предметного насыщения праздничного елочного пространства, окончательно оформившийся к рубежу XIX–XX веков.

Изучение истории елочной игрушки в дореволюционной России предполагает рассмотрение, с одной стороны, обстоятельств, мотивов, путей и способов ее проникновения и распространения в российском культурном поле, а с другой — специфики ее саморазвития как части вещно-предметного мира рассматриваемой эпохи, особенностей ее производства и потребления.

Вхождение елки и елочной игрушки в русский быт

Поскольку сама рождественская елка как предмет исследования в высокой степени легендарна и мифологична, постольку и информация о ее истории, украшениях и атрибутах, во многом базирующаяся на устной традиции, часто является противоречивой, неоднозначной и трудно верифицируемой. Единичность источников, в особенности относящихся к периоду зарождения и становления рождественской елки как центрального персонажа рождественского праздника, исключает возможность их сопоставления. Преобладание нарративно-художественных текстов над документальными источниками также отчасти затрудняет исследование. Эти утверждения во многом верны и применительно к российской ситуации.

Сама елка как символ новогоднего праздника появилась в России после указа от 20 декабря 1699 года, который Петр I издал по возвращении из-за границы. Этот указ предписывал украшать хвоей (елью, сосной, можжевельником и их ветвями) к новому, перенесенному отныне с 1 сентября на 1 января году улицы, дороги и дома. Но новшество имело мало отношения к немецкой рождественской елке: это был лишь способ декорирования городского праздничного пространства. Специальное украшение елки не предусматривалось. После смерти Петра I его начинание было фактически забыто и, что весьма курьезно, свято соблюдалось лишь кабатчиками, продолжавшими украшать елками крыши и входы в питейные заведения[10].

Качественный скачок в восприятии, понимании и оценке мира семьи и мира детей в России пришелся на 20–30-е годы XIX века. Казалось бы, в сфор-

мулированной и предложенной графом С.С. Уваровым в 1832 году теории «официальной народности» не было места для «западной» елки. Однако на самом деле в основе этой доктрины лежал образ России как единой семьи, в которой императору принадлежала роль заботливого отца, а его подданным — роль послушных детей. Семья становилась важнейшим локусом воспитательных практик, местом приложения идеи согласия, которая экстраполировалась на более высокий уровень взаимоотношений общества и власти. Монарх отныне уже не изображался полубогом, а выглядел как обычный человек, исповедующий и разделяющий простые семейные ценности. Как писал Ричард Уортман, «частная жизнь царя была… выставлена на обзор русской публики в соответствии с западным идеалом»[11]. В глазах современников Николай I и был таким заботливым мужем и отцом: он относился к жене и детям нежно, с подчеркнутым вниманием, что являлось составной частью создаваемого им образа императора-отца, императора-воспитателя и покровителя, носителя власти — авторитарного, но любящего.

В таком контексте домашние праздники представлялись реальным способом укрепления и сплочения и семьи, и нации. Российский «идеальный», «примерный» подданный слыл чадолюбивым семьянином, организовывавшим рождественскую елку для собственных сыновей и дочерей, и щедрым благотворителем, приглашавшим на нее детей из бедных семей. Роль семейного праздника была хорошо осознана и высоко оценена в процессе конструирования национальной идентичности. Здесь правили не разум, не здравый смысл, а чувства и эмоции. Елка и елочные игрушки и веселили, и украшали, и учили, и воспитывали, и эти «воспитательные механизмы» оказывались гораздо более результативными, чем множество других вместе взятых — более откровенных, более грубо-прямолинейных. Все это становилось особенно актуальным в эпоху европейских революций, когда российских граждан следовало всячески ограждать и «защищать» от каких бы то ни было пагубных влияний извне.

Наряду с осознанием самости семьи происходило постепенное осознание важности и значимости детства, детского пространства, детских вещей, детского досуга, детских праздников[12], а также самих детей как трансляторов идеологических, эстетических и этических ценностей. Дефицит всего «детского» начинал постепенно преодолеваться, а детская елка и украшения для нее настойчиво проникали в русский быт.

Первоначально рождественская елка в России рассматривалась как атрибут привилегированной дворянской праздничной культуры (да и реально была им), что вполне соответствовало одной из приоритетных задач социальной политики Николая I, направленной на укрепление и «очищение» дворянства. Позднее, по мере демократизации праздника и расширения его сословных границ, нарядная елка все чаще украшала собой буржуазное жилище. Все боль-

шее количество удачливых предпринимателей (купцов, торговцев, банкиров) и лиц доходных профессий (врачей, адвокатов, государственных служащих) пытались воспроизвести в своем повседневном быту дворянский образ жизни, а по роскоши и красоте елочного убранства — даже перещеголять своих более родовитых и сановных современников. Богато украшенная елка олицетворяла собой буржуазное стремление к индивидуальному и семейному материальному благополучию и подтверждала его наличие. Она была тем символом, который, с одной стороны, объединял семью и отделял, отграничивал ее от «чужих», а с другой — свидетельствовал о ее общественном престиже и мощи, значимости и богатстве, вне зависимости от знатности происхождения.

Вместе с тем домашняя елка стала знаком принадлежности к когорте «новой», интеллектуальной элиты. Не случайно этот праздник занял особое, «культовое» положение в среде выдающихся деятелей культуры Серебряного века, а его явные и неявные отзвуки и повторяющиеся мотивы отчетливо прослеживались в их творчестве.

Вверху:

Альфонс Мария Муха. Рождество в Америке (фрагмент). 1919

Известно, что с начала XIX века украшенные рождественские елки стали устанавливаться в домах петербургских немцев, перенесших на новую родину обычаи своей страны. В это время данная традиция постепенно стала распространяться по всему миру, и Россия не составила здесь исключения. Врастание немецкой елки в русскую почву было весьма успешным и стремительным во многом благодаря длительной, постоянной и устойчивой трансляции в российскую среду других немецких культурных символов. Внедрение их в российский детский мир осуществлялось через школу, учителей, учебники, детские игрушки, детскую литературу и т. д. Наличие елки в доме свидетельствовало о приобщенности к европейской культуре, что весьма поднимало социальный статус хозяев в глазах ближайшего окружения. Посещая благословенную Европу и весьма часто — Германию, русские путешественники могли наблюдать, сравнивать и воспринимать, а воспринимая — заимствовать. Результатом такого «культурного заимствования» и явилось приложение рождественской елки и многих ее атрибутов к российской культурной среде, за которым последовало ее постепенное укоренение и «обрусение», выразившееся в обретении ею ряда своеобразных «национальных» черт.

Вверху:

Фердинанд Георг Вальдмюллер. Рождественское утро (фрагмент). 1844

Точно установить, когда детская рождественская елка стала проводиться в русских домах, как указывает Е.В. Душечкина, пока невозможно в связи с нехваткой необходимых, достаточных и достоверных источников[13]. Приблизительно это событие датируется концом 1830-х годов. Появление и популяризация рождественской елки в России исследовательница связывает с именем супруги Николая I императрицы Александры Федоровны, урожденной прусской принцессы Шарлотты. Это выглядит достаточно убедительно, поскольку роль венценосных особ — выходцев из Германии — в распространении рождественской елочной традиции в Европе хорошо известна[14].

Уже на протяжении 1840-х годов рождественские елки в петербургских русских аристократических, а затем и просто состоятельных семьях становятся достаточно распространенным явлением. Устанавливаются первые рождественские елки и в русских усадьбах, хотя используемые на них помимо свечей украшения в то время были по преимуществу либо съедобными (конфеты, фигурные пряники, орехи, завернутые в золотую и серебряную фольгу, фрукты)[15], либо самодельными[16]. В повести «Детство Никиты» (1922) Алексей Толстой описывает изготовление елочных игрушек в дворянской усадьбе 1880-х — начала 1890-х годов. Мать главного героя, вспоминая «давнишнее время», рассказывает детям, что тогда «елочных украшений не было и в помине», все игрушки были самодельными — «были поэтому такие искусники, что клеили… настоящий замок с башнями, с винтовыми лестницами и подъемными мостами. Перед замком было озеро из зеркала, окруженное мхом. По озеру плыли два лебедя, запряженные в золотую лодочку»[17].

Однако настоящее знакомство России с рождественской елкой и елочной игрушкой происходит уже во второй половине XIX века. Именно на последние пять его десятилетий приходится период становления этого праздника в стране в новом качестве: во-первых, как подлинно семейного, во-вторых, по преимуществу детского и, в-третьих, широко отмечаемого не только высшей аристократией, но и в семьях профессоров, врачей, купцов, предпринимателей, творческой интеллигенции.

Факторами, определявшими степень и качество «украшенности» рождественской елки, были общественный статус хозяина дома, а также материальные возможности и культурные потребности его семьи.

Обязательный характер стала носить, например, елка в профессорском доме. Достигшая генеральских чинов и признания в обществе профессура стремилась соответствовать представлению обывателей о материальном достатке чиновников такого ранга и иногда даже из последних сил и средств воспроизводила образ жизни аристократии, куда теперь входила и великолепно убранная, богато иллюминированная елка. На такую елку обычно приглашались университетские коллеги с детьми, а также профессорские ученики[18].

Прекрасные елки устанавливались обычно в домах творческой интеллигенции. Так, например, на всю Москву славилась елка, ежегодно устраивавшаяся в доме у Ф.И. Шаляпина на Новинском бульваре, где он проживал с семьей в 1910–1922 годах. Помимо пятерых детей хозяина (который, кстати говоря, сам очень любил елку) и их юных гостей в числе приглашенных бывали Максим Горький и Сергей Рахманинов, Иван Бунин и Константин Коровин, Леонид Андреев и Александр Головин[19].

Со второй половины XIX века рождественская елка и елочная игрушка начали распространяться в провинции, особенно в тех губернских и уездных городах страны, где сильна была немецкая диаспора. Весьма показательным является в данном случае пример такого крупного губернского центра, как Казань[20]. Если в 1840-е годы раздобыть елочную игрушку в Казани было практически невозможно (из отчета за 1844 год, например, видно, что, хотя в городе в то время было более 1000 лавок, в прейскуранте ни одной из них не значились елочные украшения[21]), то во второй половине XIX века положение существенно изменилось. Теперь казанцы не только выписывали елочные украшения по каталогам и привозили их из Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Одессы и Варшавы (основных мест сбыта елочной игрушки в России)[22], но и закупали их в ряде местных магазинов и лавок, специализировавшихся на продаже галантереи и так называемых «кабинетных», «роскошных» и «изящных вещей», писчебумажных товаров и игрушек (многими из таких магазинов владели немцы). Специализированных магазинов по продаже елочных украшений в Казани в то время еще не было. Даже в первые десятилетия XX века елочные игрушки продавались здесь в основном в магазинах «общего профиля». «Наступление Рождества радовало красавицей елкой, — писал в своих воспоминаниях профессор Казанского университета Е.П. Бусыгин (род. в 1914 году). — Елка украшалась многочисленными игрушками, фонариками, гирляндами разноцветных блестящих бумажных лент. Украшений было великое множество. Отец работал доверенным магазина, хозяином которого был известный в Казани коммерсант Опарин. Магазин торговал канцелярскими товарами, игрушками, открытками, музыкальными инструментами. Так что большое количество и разнообразие елочных игрушек в нашем доме было закономерно»[23].

Поступающие в продажу елочные игрушки были исключительно привозными. К концу 1860-х годов в Казани вообще не было ремесленных заведений, специально производивших елочную игрушку[24]. Как отмечал в 1890 году казанский историк и краевед М. Пинегин, «ремесленное производство предметов роскоши, вещей изящных» развито было в городе «очень слабо»[25].

Магазины, торгующие предметами роскоши, к которым в то время относились и импортируемые из Германии игрушки на елку, располагались на главных торговых улицах города — Воскресенской и Большой Проломной[26].

Наиболее крупными среди них были Московский базар игрушек Черкасова, магазины Чарушина и Дозе, магазин Крекнина в Гостином дворе. Свежие фрукты, а также лучшие пряничные и кондитерские изделия для украшения елки можно было приобрести во «фруктовом магазине» Степанова на Проломной, где имелся специальный кондитерский цех[27].

Внимание покупателей привлекали рождественские распродажи, проходившие с 1850-х годов и начинавшиеся уже с середины ноября. Именно на это время, что вполне понятно, приходился и пик продаж елочных игрушек. Скидки доходили до 50 %[28].

Большую роль в распространении елочных украшений в провинции играла реклама. В предрождественские и рождественские дни на потенциальных покупателей обрушивался целый поток рекламных материалов, предлагавших приобрести елочные игрушки, мишуру, канитель, гирлянды, сласти, бенгальские огни, хлопушки, бонбоньерки. Взгляд рядового обывателя постоянно натыкался на такие объявления, развешенные на каждом шагу: на стенах, столбах, тумбах, в витринах магазинов, на специальных рекламных стендах и даже в вагонах конки[29]. К Рождеству выходили специальные справочно-рекламные издания, например «Рождественский альманах-реклама»[30].

В канун Рождества дети с удовольствием посещали базар на Николаевской площади, специализировавшийся на продаже елок и елочных украшений[31]. Это была наиболее «демократичная» «игрушечная» торговая точка города, куда

Вверху:

Рождественский бызар. Открытка. Германия. 1900 (?)

Рождество XIX —
начала XX в.
Немецкая открытка

наведывались казанцы состоятельные и не очень, ведь уже в то время елочные игрушки были разной стоимости — и для тех, кто побогаче (самыми дорогими были изделия из стекла), и для тех, кто победнее. Тем не менее, по наблюдению того же М. Пинегина, даже несмотря на приемлемые цены игрушечный товар шел «довольно вяло»: из-за «сильного безденежья в местном населении» назад увозили до 38,8 % изделий[32].

Распространение елочной игрушки в Казани облегчалось тем, что здесь была очень сильна и представительна немецкая диаспора, оказывавшая заметное влияние на культурную жизнь города[33]. Среди жителей Казани были и выходцы из скандинавских стран, для которых украшенная елка была не в новинку. «У нас всегда был большой запас елочных украшений, — вспоминал на закате жизни сын крупного казанского чиновника, швед по происхождению В.И. Адо (1905–1995), — стеклянные фигурки, бусы, шарики, бумажные картонажи, флажки, блестящие нити, хлопушки в золотых и серебряных обертках. Но каждый год покупались и готовились новые украшения»[34].

Большую роль в приобщении к елочной игрушке в России сыграли русские женские журналы как литературно-общественного характера, так и в особенности журналы по домоводству, рукоделиям и искусству, адресованные хозяйке и матери, которые уже с середины XIX века публиковали материалы, связанные с подготовкой и проведением домашней рождественской елки. Вопросы декоративного искусства традиционно занимали в этих журналах значительное место. Ведь декоративное, так называемое «низкое» искусство — в противовес искусству «высокому» — традиционно интерпретировалось тогда не как свободная художественная деятельность, а как почти трудовая, семейная обязанность женщины — «женская работа»[35]. Много таких материалов помещалось в журналах «Ваза» (1831–1884) и «Гирлянда» (1846–1860), о чем свидетельство-

Иллюстрация к повести А. Вороновой «Святки в 1847 году» (Детские портреты. СПб., 1855). Из книги: М.С. Костюхина. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008

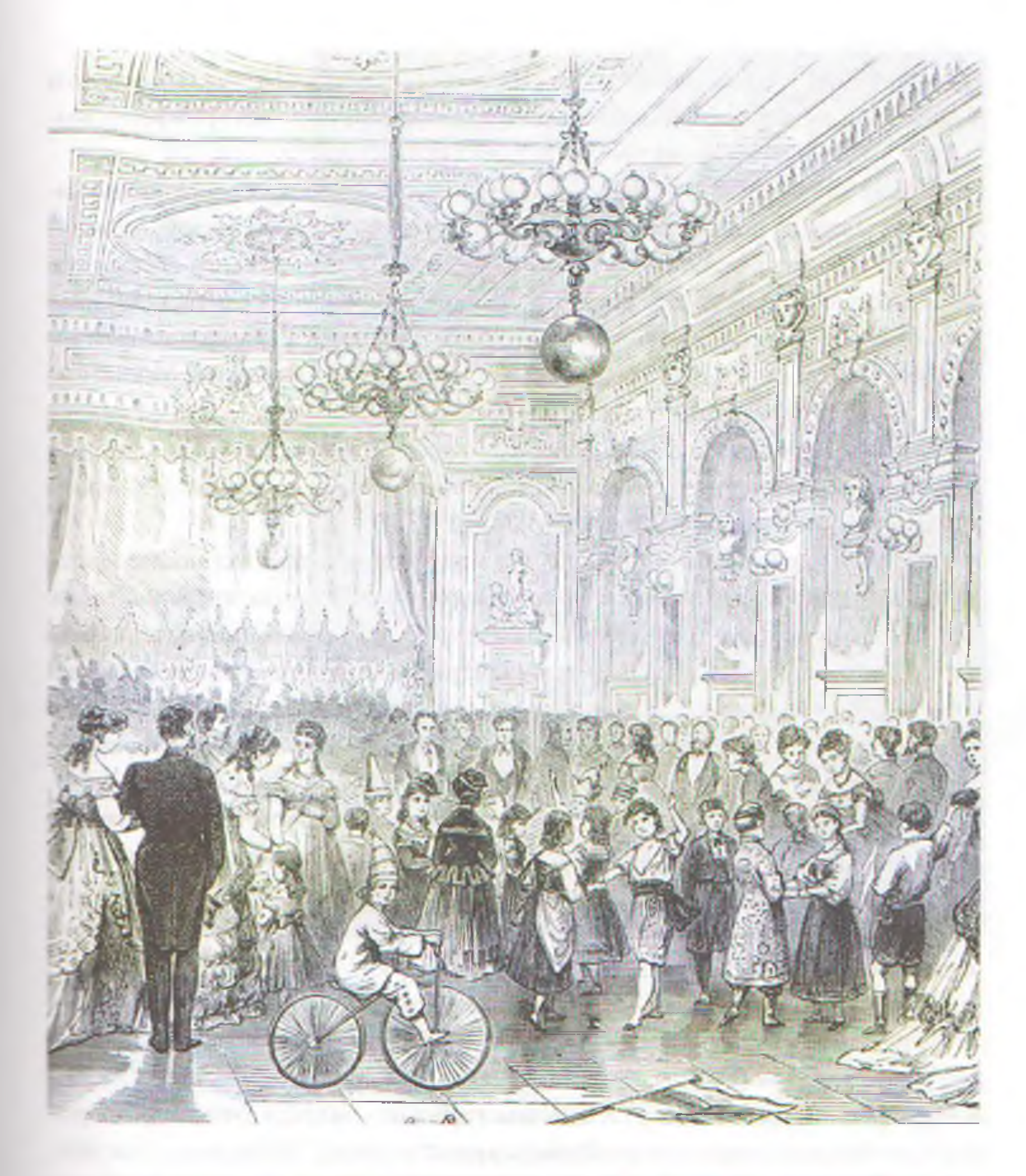
вало даже само название последнего. Во второй половине XIX — начале XX века подобные материалы можно было обнаружить в таких изданиях, как «Друг женщины» (1882–1884), «На помощь матерям» (1894–1904), «Женщина» (1907–1917), «Дамский мир» (1907–1917), «Журнал для хозяек» (1912–1918), «Журнал для женщин» (1914–1918) и многих других. Их комплекты, а также комплекты таких, например, широко распространенных и любимых населением иллюстрированных изданий, как «Нива» и «Огонек», обычно откладывались в семейных архивах, многократно перечитывались и пересматривались. Помещенный здесь иллюстративный материал мог использоваться и действительно использовался для украшения интерьера. Поэтому эти журналы во многом способствовали установлению и распространению особой русской «елочной» моды и закреплению ее в массовом сознании.

Что касается специальных детских изданий, то ни одно из них, пожалуй, не сыграло такой большой роли в утверждении елочной рождественской традиции в России, как издававшийся с 1876 года известным издателем М.О. Вольфом журнал для детей «Задушевное слово» (название журнала было придумано И.А. Гончаровым). Рождественские номера журнала содержали не только приуроченные к празднику стихи, рассказы и исторические очерки известных русских писателей и поэтов, но и богатые иллюстрации, создающие образ русской елки. Успех «Задушевного слова» не сумело превзойти ни одно из дореволюционных детских изданий.

Считается, что первая русская «публичная» елка, украшенная разноцветными бумажными лоскутами, была установлена в 1852 году в Петербурге на Екатерингофском вокзале[36]. Но лишь начиная с последней трети XIX века украшенные елки стали устанавливаться в общественных местах повсеместно. Например, в той же Казани в первые рождественские дни публичные детские

елки устраивались практически во всех театрах и клубах города[37]. Новогодние балы (часто костюмированные) с великолепными, богато украшенными рождественскими деревьями традиционно проводились в залах Дворянского, Военного и Купеческого собраний. Они не носили замкнутого, сословного характера. Уплатив 50 копеек и получив рекомендацию члена клуба, можно было посетить взрослые и детские новогодние балы и маскарады в Благородном (Дворянском) и Военном собрании, а в Купеческий клуб вход был возможен вообще «без всякой рекомендации»[38]. Большой танцевальный зал Дворянского собрания, где обычно устанавливалась елка, вмещал более 1200 человек. Новогодние балы и елки обычно продолжались до Крещения — 6 января.

Обывателю же и даже городскому интеллигенту нарядить елку было непросто. Привозные елочные игрушки стоили дорого (например, цена выставленной на продажу полностью украшенной елки колебалась в 1840-е годы от 20 до 200 рублей ассигнациями)[39], а доходы населения были низкими. В середине XIX века провинциальные приказчики получали 50–100 рублей в год, работники при домах — 15–40 рублей, мелкие канцелярские служащие — 36–72 рубля, уездные и городские врачи — 180–224 рубля, библиотекари и их

На соседней странице и на этой странице вверху:

Празднование Рождества в России XIX века. Публичная елка. Из книги: Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005

помощники — 108–168 рублей[40]. Значительная часть горожан жила ниже черты бедности. Недешево обходились и свечи для елки, спрос на которые резко возрастал накануне и во время рождественских праздников[41].

В канун Рождества витрины и столичных, и крупных провинциальных магазинов сверкали великолепным елочным убранством, остающимся — увы! — недоступным для большинства городских жителей и вызывавшим смешанную с восхищением зависть у тех, кто не в состоянии был его купить. Описывая увиденную им в витрине одного из шикарных магазинов на Невском наряженную елку, переполненный впечатлениями нищий мальчик-сирота оживленно рассказывает своему пьянице-покровителю: «Большущая… а под ей старик весь белый-пребелый с длинной бородой… а на елке-то, дяденька, видимо-невидимо всяких штучек… И яблоки… и апельсины… и фигуры… И вся-то она горит… свечей много… И все вертится…»[42]

Даже в первые десятилетия XX века наряженные елки устанавливались преимущественно в богатых и зажиточных домах, в домах интеллигенции. В низшей городской, а тем более в сельской среде это было не принято[43] — ведь ни праздновавшееся здесь Рождество, ни традиционно отмечавшиеся святки никогда не включали в себя обряда украшения ели. Показателен в этой связи один из самых популярных русских дореволюционных букварей — «Букварь» известного педагога и просветителя Д.И. Тихомирова (1844–1915), переиздававшийся более 160 раз. В разделе о временах года этой книги не только нет каких-либо упоминаний о Рождестве, рождественской елке или веселых святочных гуляниях, но и сами зимние месяцы благодаря помещенному здесь стихотворению Ивана Никитина предстают как время безмолвной тишины и умиротворяющего покоя:

Пусто, одиноко
Сонное село.
Вьюгами глубоко
Избы занесло[44].

Правда, существовали общественные благотворительные елки для бедных, которые позволяли побывать на празднике детям из малообеспеченных семей[45]. «Нищая русская деревня елки не знала, как не знала ее и детвора городских рабочих окраин», — утверждал советский педагог в 1936 году[46]. Но это было не так. Информация о проведении елок для бедных регулярно встречалась в казанских, пензенских, симбирских, самарских и других губернских дореволюционных газетах[47]. Кроме того, дети из бедных семей могли быть приглашены на елку в дома своих более обеспеченных родственников и знакомых (вспомним Сашку из знаменитого «Ангелочка» Леонида Андреева или

Празднование Рождества в России XIX века. Домашняя елка. Из книги: Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Культура повседневности провинциального города. Казань, 2008

чеховского Ваньку Жукова, который просит деда, «когда у господ будет елка с гостинцами», взять для него у барыни Ольги Игнатьевны «золоченый орех»[48]). Но, в сущности, елка была не их: такая роскошная, такая чужая. Для этих детей наряженная елка казалась скорее чудом, чем устоявшейся деталью праздничной повседневности. Поэтому сами упоминания о рождественской елке и ее украшениях и в русской мемуарной литературе, и в русской беллетристике всегда четко указывали на социально-сословную принадлежность семьи.

К концу XIX века круг людей, приобщившихся к елке и елочной игрушке в России, заметно расширился и демократизировался. Елочная игрушка вошла в праздничный быт многих русских детей. Как отмечал в 1898 году священник, педагог и воспитатель Е. Швидченко (Б. Быстров), автор одной из первых в России работ, специально посвященных рождественской елке, «редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает… для детей елки»[49], и все они обязательно украшаются. И если ямщик Евстрат из рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Около нодьи» (1891) еще «не слыхал никогда»

о рождественской елке, то земский почтальон Лука не только рассказывает ему про это «баловство», но и упоминает о елке, которую его жена, служившая швеей у господ и выучившаяся «разным господским порядкам», устраивает для их семилетней дочери и четырехлетнего сына[50]. В данном случае имеет место случай двойной рецепции елки — как праздничного атрибута, заимствованного из «господского дома», и как рефлексии по его поводу.

Вплоть до середины XX века редко можно было встретить наряженную елку в крестьянской избе. Тем не менее в документальных источниках и литературе не только приводятся примеры устройства на исходе 1890-х годов рождественской елки в российских сельских школах, но в ряде случаев обоснованно заявляется, что на рубеже XIX–XX веков праздник этот стал здесь повсеместной традицией. «Викторианская традиция рождественского дерева, уже прочно утвердившаяся в российских больших и малых городах к концу века, — пишет американский исследователь Стивен Фрэнк, — проявилась в сельских школах в 1890-е годы и широко распространилась в сельской местности после 1900 года»[51]. В своей книге, посвященной истории школы и детства в российской Карелии в конце XIX — начале XX века, О.П. Илюха подробно описывает «елочные» мероприятия в земских и министерских школах Олонецкой губернии, приходившиеся на 90-е годы XIX века. Елку обязательно украшали. Правда, большинство игрушек были самодельными — флажки, фонарики, фигурки животных, сказочные персонажи изготовлялись детьми под руководством учителя по выкройкам, помещенным в педагогических и детских журналах. Венчала елку Вифлеемская звезда. Некоторые украшения выписывались из Петербурга: в специальные наборы для украшения школьных елок входили флаги, свечи, подсвечники, обезьянки, птички, картонажи, дождь, кометы, звезды и пр.[52]

По свидетельству сельских учителей из различных российских губерний — Рязанской, Орловской, Вятской, Олонецкой,[53] — елки были «единственным развлечением для здешнего захолустья», их приезжали смотреть из деревень, расположенных на расстоянии 20–30 верст. Народу набиралось столько, что небольшие школьные помещения не могли всех вместить. Тогда люди стояли на улице, любуясь наряженным рождественским деревом через окно[54]. К концу XIX века елки в сельских школах, как отмечали современники, «крепко прижились и крепко полюбились детям и самим отцам»[55]. Процесс украшения елки должен был развивать у учащихся эстетические чувства и интеллектуальные способности, отвлекать их от занятий, «не подходящих для детского возраста», и воспитывать таким образом «более здоровое (физически и морально) новое поколение» российских граждан[56].

На Рождество елки традиционно и повсеместно устанавливались как в сельских, так и в городских церковно-приходских школах[57]. В XX веке сельская

Рождественский сочельник в России. Эстамп. 1876

елка вышла за пределы школы. В рассказе М. Круковского, опубликованном в рождественском номере журнала «Мирок» за 1914 год, упоминается случай, когда в одной из сельских школ Олонецкой губернии детям отказались устраивать елку. Тогда они сами срубили и установили рождественское дерево, а затем нарядили его так, как смогли, — в тряпочки и конфетные обертки — и зажгли на нем свечи. Анализируя этот случай, О.П. Илюха усматривает причину столь быстрого и стойкого приобщения детей к «елочной» традиции в созвучии ее карельским языческим ритуалам[58].

В литературе сложилось устойчивое представление о том, что в рабочее жилище елка пришла только в советское время, ближе к концу 1930-х годов. Однако согласно источникам, наиболее «передовые» рабочие Москвы и Петербурга устраивали рождественские елки для своих детей еще в начале прошлого века[59]. Тем не менее даже в первое послеоктябрьское десятилетие елка в доме рабочего была действительно явлением крайне редким, если не уникальным — ведь, как показывали обследования тех лет, даже в семьях «наиболее сознательных» рабочих с тремя и более детьми дошкольного возраста средний расход на игрушки в середине 1920-х годов не превышал 0,4 % от годового бюджета[60], а следы присутствия самих детей («уголок с жалкими игрушками или кучка учебников и рисунков на столе или на окошке, иногда коробочки из-под конфет, картинки, цветочки, яички где-нибудь на полочке или на стене») были минимальны[61]. Что уж было говорить о рождественской елке и украшениях!

Елочная игрушка стала своеобразным «мостиком» в установлении межкультурных контактов с представителями иных, далеких от рождественской традиции конфессиональных групп. Так, по данным местной русскоязычной газеты «Харбинский вестник», в управлении КВЖД в декабре 1904 года была устроена рождественская елка «для детей обоего пола» с приглашением

«нескольких китайцев с семьями» и вручением им снятых с елки подарков[62]. Потому совсем не удивительно, что, по свидетельству современницы, китайцы «никогда не опаздывали оказаться на улицах… с елками перед Рождеством», чтобы успеть их продать[63].

К 1917 году елка и елочная игрушка представляли собой непременные атрибуты российской рождественской праздничной культуры, четко стратифицированные по социальному принципу (елка «богатая» и «бедная», «семейная» и «благотворительная», «дворянская», «купеческая» и «интеллигентская», «городская» и «сельская» и т. д.). История ее существования в России насчитывала к тому времени уже несколько десятилетий, на протяжении которых мода на елочный стиль и убранство постоянно менялась. Долгое время — вплоть до начала XX века — в моде была елка богато украшенная, елка, на которой было много золота, серебра и блеска. В богатых домах в качестве елочных украшений (особенно в 1840-е — 1850-е годы, когда в России явно ощущался их дефицит) использовались дорогие ткани и ленты, драгоценности, ювелирные изделия — кольца, перстни, серьги[64]. Образ «дорогой» елки прочно утвердился в детском сознании. В этой связи Е.В. Душечкина приводит весьма курьезный случай (со ссылкой на воспоминания А.Ф. Кони), когда маленький мальчик на вопрос матери «Кто этот дядя?» о нанесшем им праздничный визит господине, грудь которого была щедро увешена орденами, ответил: «Я знаю — это елка»[65]. И впоследствии о женщине, без меры увешанной украшениями, часто говорили — «ряженая елка».

На рубеже XIX–XX веков елочная мода стала резко меняться. Раздавались призывы к простоте и естественности, выдвигался лозунг: «Убрать больше, чем добавить!» Перегруженное игрушками рождественское дерево конца XIX столетия должна была заменить «новая» елка, но какая? Единого мнения по этому поводу не существовало. В Европе ратовали за «возврат к старине», когда рождественское дерево украшалось лишь яблоками и выпечкой, или за его «органическое» украшение, запрещавшее вывешивать на елку все то, что не имело отношения к хвойным растениям — никаких яблок, никаких пряников! Модной считалась также «серебряная» елка. Такую елку должны были украшать лишь белые свечи и имитации снега и льда: серебряные шары и мишура, блестящая вата, «волосы ангела» и пр., что считалось показателем хорошего вкуса и изысканности. Как пишет одна из наиболее видных немецких исследователей елочной игрушки Э. Штилле, это были попытки создать из рождественского дерева произведение искусства не посредством внешних символов, а через воспитание эмоций, но особого успеха они не имели[66].

В России в моду также стала входить более строгая елка, выполненная в бело-серебристых тонах, и фольклорная елка в «неорусском стиле», с деревянными резными украшениями, изготовленными русскими мастерами-

игрушечниками, знаменовавшая собой тенденцию к возрождению национального своеобразия русской культуры. Но далеко не все следовали этой новой елочно-игрушечной моде. Многие продолжали наряжать пышную, шикарную елку. Так, елка конца XIX века, по описанию А.И. Куприна, — это елка, «украшенная сотнями свечей, золотыми и серебряными лентами, сверкающими погремушками, дорогими подарками, китайскими фонариками и целой коллекцией плюшевых птиц, жуков из фольги, стрекоз, пестрых бабочек и рыбок»[67]. Все это, естественно, требовало игрушечного изобилия, и такое изобилие в первые десятилетия XX века действительно было достигнуто.

Что «росло» на русской елке: елочные украшения второй половины XIX — начала XX века

В мемуарной и детской художественной литературе последней трети XIX — начала XX века встречается множество описаний русской рождественской елки с украшавшими ее игрушками. Очень часто такие тексты начинаются восторженной фразой «И чего там только не было!» и, как правило, относятся к категории «девичьих» текстов:

> Чего тут не было! Какие прелестные бонбоньерки, шкатулочки, игрушки, фигурки и блестящие разноцветные гирлянды и цепи из леденца и золотых и серебряных шариков!.. Особенно красивы казались мне разные фрукты: яблоки, груши, апельсины, сливы и персики, прекрасно сделанные из сахара, и огромный пряничный дом, украшенный фольгой вместо окон, с шоколадными дверями и миндальными ручками, который стоял на самой верхушке дерева.
>
> И чего только на ней не было! — Разные мелкие игрушки с конфектами: куколки в тюфячке, голубок, собачка, корзиночка с цветами, с ягодами, с фруктами, лошадка, слон, часы, органчик, полишинель, волшебный горшок — поднимешь крышку, выскочит уродец с преуморительной гримасой… А сколько блестящих украшений на этой елке было! Звезды, разноцветные шары, лампочки, золотые и серебряные подвески, жар-птица, павлины, а наверху большая звезда…[68]

Заметим, однако, что «этот пестрый набор предметов, висевших на дереве, как волшебные плоды»[69], являлся отнюдь не случайным. Первоначально расположенные на ветвях русского рождественского дерева игрушки воссоздавали религиозный, евангельский сюжет, а само елочное дерево было наполнено религиозной символикой от макушки до подножия[70].

1
2
3
4
5
6
7

Верхушку дерева обычно венчала Вифлеемская звезда, а крестовина у подножия несла в себе изображение распятия как символа страстей Христовых. Человекоподобные крылатые создания — ангелы, возвестившие о рождении Христа, — отождествлялись с божественной волей. Кстати говоря, традиционный канон изображения детей, воспринятый впоследствии на советской елке, сложился в елочной иконографии применительно именно к изображению ангелов.

Гирлянда (бусы, цепи, венок, венец) как атрибут святости, страдания, смерти, воскрешения и бессмертия соседствовала на елке с флажками (флагами) — священным символом борьбы за веру. Елочные колокола (колокольчики) знаменовали собой божественный голос, проповедующий истину, а также напоминали те колокольчики, которые привешивали овцам палестинские пастухи, первыми узнавшие о рождении Младенца Христа и первыми поклонившиеся ему. Фрукты как особая «райская пища» были представлены на елке обязательными яблоками (символ Спасения и Познания[71]) и виноградом, выступающим в Ветхом Завете эмблемой плодов земли, равноценной Древу жизни[72]. Птица (Голубь Благовещения) выступала как носитель послания из божественных сфер, а ягненок (Агнец Божий) — как символ Христа. Овечка (овца) являла собой также символ паствы, нуждающейся в духовном проводнике и наставнике. Важнейшим символом христианских традиций являлись размещенные на елке свечи — эмблемы Христа, Церкви, Благодати и Веры, краткостью своего существования символизировавшие одинокую трепетную человеческую душу. Их прообразами были звезды и огни костров, освещавших путь Вифлеемских пастырей в Светлую ночь.

Большое значение придавалось не только световому, но и цветовому убранству рождественской елки. Золото как символ божественного начала и серебро как символ чистоты и целомудрия часто сочетались здесь с красным цветом (на фоне зеленых веток), ассоциировавшимся с Иоанном Крестителем и Страстями Господними (терновый венец и капли крови).

Под елкой мог располагаться рождественский вертеп — игрушечная пещера со Святым семейством и другими участниками рождественского действа, — изготовленный из дерева, кости, обожженной глины или картона.

Это были по существу готовые и хорошо узнаваемые образы. Но постепенно они утрачивали прямо прочитываемую религиозную символику, оставаясь

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1, 4, 6. Игрушки с хромолитографией с использованием ваты и мишуры, 1890–1920-е гг. 2. Собака; дрезденская картонажная, ручная роспись; 1890–1920-е гг. 3. «Викторианская» подвеска; богемское стекло; 1890–1910-е гг. 5. Птица; цветной лак, перламутр; 1900–1910-е гг. 7. «Китайский бумажный фонарик»; стекло, цветной лак; 1920-е гг.

1
2
3
4
5
6
7

в то же время непременным атрибутом елочного убранства — религиозный компонент в елочном украшении был важным, но не главным:

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие.
Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити…
А. Блок. Рождество[73]

Процесс «обмирщения» Рождества в России происходил, с одной стороны, путем насыщения этого праздника западными традициями, а с другой — путем причудливого переплетения его со сложившимися святочными обычаями. Начавшись приблизительно в середине XIX века, он отчетливо обозначился на рубеже XIX–XX столетий. Тем не менее в источниках можно обнаружить случаи, когда отдельные елочные украшения с отчетливо выраженной религиозной символикой (например, елочные ангелы) использовались детьми в качестве предметов религиозного культа: «Я вспомнила, что у меня над кроватью висит картонный елочный ангел, и решила: буду молиться перед ним… С того дня я с увлечением стала молиться каждый вечер на коленях перед этим ангелом»[74].

Наглядным примером сочетания западноевропейской религиозной и русской фольклорной традиции явился образ Деда Мороза (Святой Николай — Санта-Клаус — Мороз, Мороз Иванович, Морозко), утвердившийся на русских елках и в качестве висящей игрушки, и в качестве главной фигуры, стоящей под украшенным деревом, к рубежу XIX–XX веков[75]. А вот гораздо менее распространенная Снегурочка, по мнению Е.В. Душечкиной, своих западноевропейских предшественниц не имела[76].

Вначале из-за недостатка и дороговизны елочных игрушек, поступавших в продажу, а затем уже в силу складывавшейся традиции даже в аристократических семьях их часто мастерили дома. Считалось, что процесс изготовления елочных игрушек и украшения ими рождественской елки заключает в себе важный эмоциональный и воспитательный смысл. «Посмотрите, — писал в конце XIX века уже упоминавшийся выше Е. Швидченко (Б. Быстров), —

На соседней странице:

1, 3. Рождественские Деды. Музей игрушки, Прага. 2010. Фото автора. 2. Шоколадная фигурка Св. Николая. 4. Дед Мороз. Деревянные рождественские украшения из Эрцгебирге. Специализированный магазин елочных украшений, Берлин, Германия. Февраль 2010. Фото автора. 5. Шоколадная фигурка Санта-Клауса. 6. Дед Мороз; прессованный картон, аппликация, бархат, ручная роспись; 1950-е гг., производство УССР. Из коллекции Л. Блатт. 7. Деды Морозы. Магазин стеклянной и деревянной елочной игрушки, Прага. Февраль 2010. Фото автора

с каким восторгом один ребенок клеит самый простой мешочек для конфет и пряников, другой подчищает и заправляет свечи, третий ввязывает свечи, четвертый вешает на ветки игрушки»[77].

Накануне Рождества дети вместе с матерями, старшими сестрами, гувернантками и боннами проводили немало часов за изготовлением звезд и снежинок, за шитьем маленьких мешочков для подарков или склеиванием бумажных корзиночек, которые наполнялись сластями. Процесс изготовления «самодельной» елочной игрушки в дворянской усадьбе 1870-х годов подробно описан в воспоминаниях дочери Льва Толстого Т.Л. Сухотиной-Толстой, созданных на основе ее дневников:

> По вечерам мы все собирались вокруг круглого стола под лампой и принимались за работу… Мама приносила большой мешок с грецкими орехами. Распущенный в какой-нибудь посудине вишневый клей… и каждому из нас давалось по кисточке и по тетрадочке с тоненькими, трепетавшими от всякого движения воздуха, золотыми и серебряными листочками. Кисточками мы обмазывали грецкий орех, потом клали его на золотую бумажку и осторожно, едва касаясь ее пальцами, прилепляли бумажку к ореху. Готовые орехи клались на блюдо и потом, когда они высыхали, к ним булавкой прикалывалась розовая ленточка в виде петли так, чтобы за эту петлю вешать орех на елку. Это была самая трудная работа: надо было найти в орехе то место, в которое свободно входила бы булавка, и надо было ее всю всунуть в орех. Часто булавка гнулась, не войдя в орех до головки, кололись пальцы, иногда плохо захватывалась ленточка и, не выдерживая тяжести ореха, выщипывалась и обрывалась. Кончивши орехи, мы принимались за картонажи. Заранее куплена бумага, пестрая, золотая и серебряная. Были и каемки золотые, и звездочки для украшения склеенных нами коробочек… Клеились корзиночки, кружечки, кастрюлечки, бочонки, коробочки с крышками и без них, украшенные картиночками, звездочками и разными фигурами.
>
> Потом одевались “скелетцы”… В мое детство ни одна елка не обходилась без “скелетцев”. Это были неодетые деревянные куклы, которые гнулись только в бедрах. Головка с крашеными черными волосами и очень розовыми щеками была сделана заодно с туловищем. Ноги были вделаны в круглую деревянную дощечку, чтобы кукла могла стоять. Этих “скелетцев” мама покупала целый ящик, штук сто. Они… раздавались уже одетыми каждому приходящему на елку ребенку. Вместе с ящиком “скелетцев” мама приносила огромный узел с разноцветными лоскутами. Все мы запасались иголками, нитками, ножницами и начинали мастерить платья для голых скелетцев. Одевали мы их девочками, и мальчиками, и ангела-

ми, и царями, и царицами, и наряжали в разные национальные костюмы: тут были и русские крестьянки, шотландцы, итальянцы и итальянки[78].

Впрочем, куколки-«скелетцы» (а точнее говоря, «скелетки») — самый дешевый сорт кукол, идущий по три копейки за штуку, — продавались и одетыми и могли попасть на елку уже в таком виде[79].

Помимо «скелеток» на елки попадали и куклы-«талии», туловища которых делались из двух половинок папье-маше (отсюда и тонкая талия, давшая название игрушке), а головки с покатыми плечами — из мастики; глаза прорезывались и вставлялись стеклянные[80].

Нехватка елочных игрушек в провинции делала «домодельные» их образцы особенно популярными. «Мои сестры и я под руководством Юнишны (няни. — *А. С.*) вырезали и клеили картонажи, бумажные цепи, привязывали

Вверху:

Куклы-«скелетки». Музей игрушки, Мюнхен. 2009. Фото Е. Сярой

A Merry Christmas
Съ Рождествомъ Христовымъ!
Съ Рождествомъ Христовымъ
Съ Рождествомъ Христовымъ!
Христовымъ

нити к пряникам с картинками, к позолоченным грецким орехам, которые тоже вешались на елку»[81], — писал В.И. Адо, и подобных свидетельств было немало[82]. Такие игрушки часто изготавливались в благотворительных целях. Их раздавали на елках «для бедных» и приглашенным в богатые дома детям «из простых», отправляли в сиротские приюты и даже посылали на фронт во время Первой мировой войны.

Между тем профессионально изготовленных елочных украшений на русских елках становилось все больше и больше. Авторы мемуаров сообщали, что на елках наряду с самодельными украшениями обычно висело и много других вещей: «Вот пряники в виде львов, рыб, кошек… Вот огромные конфеты в блестящих бумажках, с приклеенными к ним фигурами лебедей, бабочек и других животных, сидящих в гнезде пышной кисеи… Вот очень забавные флакончики в виде козлят, поросят и гусей, с красными, желтыми и зелеными духами. У поросят и козлят пробки воткнуты в морды, а у гусей в хвосты»[83].

Особенно богатым стал предлагаемый и потребляемый елочный ассортимент к началу XX века. Он насчитывал не одну сотню наименований. Так, один из крупнейших торговых домов России, продававших елочные украшения, — «Торговый дом Тихомирова и К°» — предлагал в 1913 году перечень елочных игрушек и карнавально-праздничных изделий, изложенный «в сжатом виде» на 12 листах убористой печати и включавший 72 наименования одного только комнатного фейерверка[84]. В Москве елочную игрушку, в том числе кустарную русскую, можно было приобрести в магазинах Аксенова и Васильева, Тихонова и Зверева, у Мюра и Мерилиза[85].

Целостное и достаточно полное представление о мире елочной игрушки дает нам русская рождественская и новогодняя иконография второй половины XIX — начала XX века, представленная, в частности, новогодней и рождественской открыткой. Как отмечал Е.В. Иванов, на русской новогодней открытке начала XX века можно было видеть украшавшие елку шары, бусы, гирлянды, звезды, канитель, снег и снежинки, дождик, серпантин, конфетти, свечи, хлопушки, флаги, кольца, колокольчики, шишки, фонарики, деревья, грибы, веера, кукол, письма, корзинки, домики, коней, всадников, трубочистов, детей, чертей, ангелов, клоунов, воздушные шары, парашюты, сердца, барабаны, горны, свиней, яблоки, орехи, груши, огурцы, цветы, конфеты, баранки, пряники, печенье, рогалики, кренделя и многое-многое другое[86].

Круг елочных игрушек все более расширялся, а сами они становились все более разнообразными. По технологии производства и применяемым материалам елочные игрушки конца XIX — первых десятилетий XX века условно

На соседней странице:

Старые рождественские открытки

можно было подразделить на следующие основные группы: игрушки, сделанные из папье-маше или ваты, накрученной на жесткий каркас; изделия из воска; игрушки, изготовленные с использованием метода хромолитографии; картонажные («дрезденские») елочные украшения; изделия из стекла; сахарно-пряничные изделия. Производились также елочные украшения из металла, дерева, бумаги и пр.

Внедрение папье-маше произвело настоящую революцию в игрушечном производстве[87]. Это произошло в Германии приблизительно в 20-е годы XIX века, когда данный материал был использован при изготовлении детских игрушек зоннебергским кустарем Фридрихом Миллером[88]. С тех пор Тюрингия стала считаться колыбелью декоративного елочного производства. На протяжении многих десятилетий именно папье-маше в значительной степени составляло основу этой отрасли ремесленно-кустарной и фабричной промышленности. Формовщики легко делали из пластичной массы фигурки людей, животных, рыб и птиц, овощи и фрукты. Сверху они обычно покрывались специальной солью, уплотнявшей поверхность и придававшей ей слабый искрящийся блеск. Изделия из папье-маше, реже — ваты, накрученной на жесткий каркас (иногда они комбинировались), обычно расписывались вручную и украшались дополнительно цветной папиросной бумагой, пряжей, стеклянными вставками. Такие игрушки были относительно дешевы и несложны в произ-

водстве, неплохо сохранялись, поэтому они оказались очень востребованными потребителем. Они успешно выдержали конкуренцию с деревянными резными украшениями, главным недостатком которых было отсутствие пластичности, и с украшениями из ржаного теста (из него обычно изготовлялись отдельные части елочных фигурок, например головы) — тесто плесневело, крошилось, его грызли мыши; такие игрушки плохо сохранялись. Наиболее распространенными видами елочных игрушек из папье-маше, висевшими в XIX веке на русских елках, были изображения ангелов, фей, зверей и птиц.

Другим популярным видом елочных игрушек были украшения из воска. В их изготовлении обычно использовался обесцвеченный цветной пчелиный воск с добавками для усиления прочности. Воск легко отливался в формы, а игрушки получались изящные и «как настоящие». Вот как трепетно и нежно описывает воскового ангелочка, «небрежно повешенного в гуще темных ветвей» на рождественской елке в богатом доме Свешниковых, Леонид Андреев: этот ангелочек казался «словно реявшим по воздуху. Его прозрачные стрекозиные крылышки трепетали от падавшего на них света, и весь он казался живым и готовым улететь. Розовые ручки с изящно сделанными пальцами протягивались

На соседней странице и на этой странице вверху:

К концу XIX в. украшенная рождественская елка стала непременным атрибутом даже кукольных домов. Музей игрушки, Прага. 2010. Фото автора

1
2
3
4
5
6
7
8
9

кверху». Далее автор пишет о том, что эта игрушка была не только «изящная», но и «дорогая»[89]. Действительно, воск был мягким, дорогим и непростым в производстве материалом. Кроме того, он легко плавился в пламени свечей.

Нестойкость материала вела к утрате игрушек. Растаял повешенный у горячей печки восковой «ангелочек» Леонида Андреева. В жарко натопленной комнате без следа исчез и блоковский сахарный «сусальный ангел»:

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад.
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат…
Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его…[90]

Помимо чисто восковых делались также игрушки комбинированные — из папье-маше с нанесением воска. Основным недостатком таких изделий было то, что тонкий слой воска давал усадку с разной скоростью, и образовывались трещины[91]. Большой популярностью на рынке елочных украшений пользовались прелестные ватные куколки с проволочным каркасом внутри и личиками, сделанными из того же воска или папье-маше, производство которых началось в последние десятилетия XIX века. В первые десятилетия XX века популярна была серия, изображавшая по-зимнему одетых детей с фарфоровыми головками.

Весьма популярны также были елочные игрушки, изготовленные с применением техники хромолитографии (иногда их называли «облатками» или «хромосами»). Уже в первые десятилетия XIX века в Германии стали изготавливать для елок фигурки ангелочков, фей, принцев и принцесс с красивыми, но как бы застывшими, в соответствии с художественным вкусом той эпохи, плоскими («нарисованными») литографическими (бумажными) лицами, приклеенными к туловищу из бумаги, ваты, картона, ткани, кружев. Эта технология позднее пришла и в Россию. К началу XX века лица стали делать выпуклыми — из картона, позже из фарфора. Фарфоровые кукольные головки-заготовки ввозились в Россию из Саксонии и Тюрингии.

Одними из самых дешевых были картонажные игрушки, которые начали производить в последней трети XIX века. Их могли позволить себе и представители средних слоев населения. В связи с тем, что родиной этих игрушек

На соседней странице:

И коллекции Л. Блатт. 1. Сова; папье-маше, стеклянные глаза, ручная роспись; 1910–1920-е гг. 2–4, 6, 7. Картонажные дрезденские игрушки: лебедь (ручная роспись, 7 см), заяц с мячиком (фольгированная, 11 см), «викторианская» пчела (фольгированная, разносторонняя, 9 см), Лейпциг. 5, 8. Богемские монтированнные игрушки: лестница, велосипед. 9. Мухомор; вата, папье-маше, ручная роспись; 1920-е гг.

был немецкий Дрезден, их стали называть «дрезденскими», хотя картонажное производство в неменьшей степени было развито также и в Лейпциге. Картонажные игрушки — объемные и плоские — обычно изображали животных, птиц, рыб, насекомых, позднее — военную и гражданскую технику (дирижабли, самолеты, парашюты, автомобили и пр.). Такие игрушки склеивались из двух половинок выпуклого тонированного картона, покрывались золотой или серебряной монохромной фольгой, иногда — крошками стекла, расписывались вручную. Можно сказать, что вплоть до революции именно картонажи были самым распространенным, доступным и любимым елочным украшением в России.

При всем многообразии игрушек, украшавших русские елки, особое место среди них, безусловно, занимали игрушки из стекла. Ведь именно посеребренное стекло позволяло рождественскому дереву сиять во всем его блестящем великолепии, отражая и усиливая игру света.

Первые стеклянные украшения, появившиеся на русских елках в середине XIX века, представляли собой исключительно немецкие образцы. Однако вплоть до 1870-х годов их производилось в самой Германии еще явно недостаточно, чтобы полностью обеспечить ими другие страны, в том числе Россию. На российский рынок также ввозились чешские (богемские) стеклянные елочные украшения, но несмотря на их изящество и разнообразие они так и не сумели превзойти немецкие изделия по степени распространенности и востребованности. Стоили все эти игрушки недешево, кроме того, таможенные

пошлины на ввоз готовых изделий из стекла были очень высоки. Иметь на елке хотя бы одну такую вещицу было весьма престижно, а общее их количество свидетельствовало об уровне обеспеченности семьи и статусе хозяина дома[92].

Среди елочных украшений немало было и сахарно-пряничных изделий, конфет и фруктов. Популярны были пряничные домики и украшения из соленого теста — ангелочки, гномики, девочки, мальчики. «Сладкие» украшения делались из сахара и леденцов, из карамели и шоколада. Часто им придавалась форма игрушек[93]. В связи с тем, что произведения «кондитерской архитектуры» (Е.В. Душечкина) так долго преобладали среди украшений рождественского дерева, сами елки в России в конце 1830-х — 1840-е годы обычно продавались в кондитерских Москвы и Петербурга, принадлежавших иностранцам, в первую очередь швейцарцам. Причем это были елки, если можно так выразиться, готовые к употреблению, елки уже украшенные — картонажами, китайскими фонариками, свечами, «моделями вещей, уменьшенными по масштабу» и, конечно же, разнообразными сластями[94].

Именно среди «съедобных» елочных украшений встречались, пожалуй, одни из наиболее ранних изделий сугубо российского происхождения.

На соседней странице: Северо-русские козули. Из книги: Т.В. Зеленина. Елка моего детства. Архангельск, 2006.

Вверху: Пряничные рождественские домики. Из книги: Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. Verlag Karl Nitzsche, Niederwiesa, 1987. Фото: Klaus Götze

Речь идет об особой разновидности пряников — северо-русских козулях, национальном лакомстве поморов, выпекавшемся обычно только раз в году, на Рождество[95]. Холмогорские и мезенские козули изготавливались из ржаного теста, а затем поливались сахарной глазурью — белой или цветной (чаще — розовой) и украшались сусальным золотом. В святочной обрядности они символизировали достаток и благополучие в доме, хранились до следующего Рождества и часто использовались детьми вместо игрушек. С утверждением рождественской елки козули стали широко использоваться для ее украшения, прежде всего жителями Архангельской губернии. Этому способствовала не только их популярность, но и подходящий размер — около 1,5–2 вершков (7–9 см). Правда, встречались и 50-сантиметровые пряники, которые обычно ставились под елку. Стоили козули от копейки до рубля, но наиболее вычурные изделия кондитеров могли достигать цены в 10 рублей и более. Если первоначально козули изображали преимущественно домашних животных (козликов, коровок, бычков, оленей, коньков), то впоследствии для украшения елки стали изготавливаться изделия с рождественской тематикой: звезды, ангелы, пастухи, корзины с дарами, вазы с цветами, елочки, виноград и даже Деды Морозы. В начале XX века на елки вешались козули, изображавшие пароходы, паровозы, велосипедистов и аэропланы, а позднее, в советское время, — даже орлы в короне с надписью «РСФСР»[96]. Эта традиция была перенята у поморов жителями Урала. Такие пряники рассылались накануне Рождества не только по всей России, но отправлялись также и за границу.

«Сладкие» елочные игрушки были необычайно популярны и очень причудливо и искусно изготовлены. В авторизованном переводе рождественского стихотворения немецкого поэта и писателя Арно Гольца (Хольца), опубликованном в журнале «Нива» в 1908 году и не раз уже цитировавшемся отечественными исследователями русской елки, помимо «с тельцем розовым из марципана» свинки упоминаются и гораздо более сложные и затейливые украшения, в том числе сахарные:

И в комнате у нас вдруг елка вырастает!
Дивишься, трешь глаза: стоит, не исчезает…
Зеленые шнуры протянуты — на них
Фигурок множество и страшных и смешных:
То парня на коньках увидишь, то китайца,
То птичье гнездышко, то с барабаном зайца;
Где — красноносый хват, где — бородатый гном,
Чуть не целуются теленок со слоном,
И черный трубочист, и черный негр, и это
Из сахара ведь все! Что ни возьмешь — конфета!

Пушистый, желтенький, как пленник из оков,
Цыпленок вылезти из скорлупы готов;
Степенный господин, весь бритый и в манишке,
Как будто держится за длинный хвост мартышки.
А наверху-то что! Что наверху для нас!
Там пушка медная — вот выпалит сейчас;
И рядом с ней гусар, обшитый галунами:
Сдается, что и он съедобен, между нами…

В. Лихачев. Рождественские ночи[97]

Именно «съедобные» украшения наделяли елку тем специфическим, присущим ей «праздничным» запахом, который сохранялся в индивидуальной и коллективной памяти прочно и надолго и, в общем-то, не менялся на протяжении десятилетий — когда «мандаринами и бором пахло так долго после Рождества»[98] («и мандаринами, и бором в гостиной пахнет голубой»[99]).

Особое место среди елочных украшений занимали изделия из бумаги, фольги, металла. Популярными украшениями для рождественской елки стали хлопушки[100], елочная мишура, первоначально изготовлявшаяся из олова, гирлянды, звезды, косички, цветы из металлической проволоки. Огромную роль в совершенствовании процесса производства елочных украшений сыграло открытие все в той же Германии, в Нюрнберге, способа имитации сусального золота. Тончайшую пленку — поталь («фальшивое» сусальное золото) — получали из латуни, сплава меди и цинка.

Мода украшать елку электрическими гирляндами возникла ближе к рубежу XIX–XX веков[101], но они были так дороги, что купить их могли только состоятельные люди. Чаще гирлянды брали напрокат. При этом они были не менее пожароопасны, чем обычные свечи, — лампочки накалялись настолько сильно, что хвоя вспыхивала. Кроме того, гирлянды эти не отличались надежностью: лампочки в цепи соединялись последовательно, если перегорала одна из них, то сразу отключалась вся гирлянда.

Во многих домах обычай зажигать свечи на елках сохранялся вплоть до середины XX столетия. Даже в советских сценариях детских новогодних праздников, относящихся ко второй половине 1940-х годов, Дед Мороз все еще призывает «зажечь на елке свечи»[102] (что, кстати говоря, неоднократно приводило к драматическим и даже трагическим последствиям[103]).

Умельцы украшали елки самодельными гирляндами, изготовленными из обычных электрических лампочек. Лампочки эти, как, впрочем, и другие лампы в той комнате, где стояла елка, «для красоты» обертывали цветной бумагой[104]. Только с 1950-х годов электрическая гирлянда стала более привычным украшением на домашней елке.

Все эти красивые и разнообразные висящие на елке украшения создавали впечатление богатства и праздничного изобилия и формировали, как казалось, целостный образ широкой и щедрой «русской» елки. Но взятые сами по себе, вне складывавшегося елочного декоративного ансамбля, они с трудом могли быть применены в практиках наделения национальной идентичностью. Как уже отмечалось, львиная доля этих украшений производилась за пределами страны в соответствии с «чужими» идеологическими, эстетическими и художественными стереотипами. «Весь наш рынок заполнен иностранными игрушками, — с горечью констатировал профессор Л.Г. Оршанский в 1912 году. — Игрушки эти — памятники чуждого нам быта»[105].

Начиная со второй половины XIX века Германия стала основным производителем и экспортером елочных украшений и оставалась в этой области мировым лидером и монополистом вплоть до 1918 года. Промышленная революция создала недорогие производственные технологии, облегчившие и усовершенствовавшие процесс изготовления елочных игрушек и существенно снизившие стоимость продукции. По подсчетам Л.Г. Оршанского, среди производимых в Германии в 1880-е годы игрушечных изделий 70 % составляли дешевые, 25 % — средние и только 5 % — дорогие[106]. Вместе с ростом производства расширялся и круг потребителей — представителей среднего класса с доходами, которые позволяли приобретать игрушки, изготовленные машинным способом[107]. Немецкая елочная игрушка стала одной из самых дешевых и, соответственно, распространенных в мире[108].

Особенно интенсивно развивалось ее производство в Саксонии и Тюрингии[109]. В Саксонии изготавливались игрушки из ваты, тонкой проволоки, миниатюрные восковые фигурки. Изготовители из Тюрингии предлагали маленьких, похожих на ангелочков, куколок из папье-маше, с фарфоровыми головками, белокурыми локонами из овечьей шерсти, в коротеньких юбочках, с крылышками, выдутыми из стекла. Были ангелочки, и полностью сделанные из воска. Производство, специализировавшееся на изготовлении дорогой бумаги, предлагало украсить елку карточками в форме листочков, виноградных гроздьев, звездочек, колокольчиков и крестиков с напечатанными на них высказываниями из Библии. На выбор предлагались также разноцветные пестрые флажки из тончайшей «шелковой» бумаги, коробочки, сундучки, мешочки различных форм и цветов, наполненные подарками. Тисненые глянцевые картинки, использовавшиеся раньше для оформления альбомов, теперь с успехом украшали елку: на них изображался Святой Николай, ангелы и т. д.

Разнообразны и совершенно не ограничены по тематике были картонажные украшения: помимо коров, слонов, экипажей и повозок, запряженных осликами, здесь были и кофемолки, и дамские ботинки, и локомотивы, и пароходы. Немецкие стеклянные шары обретали подчас самые причудливые

Богемское рождественское дерево, изготовленное из гусиных перьев, с дрезденскими украшениями из прессованного картона и фигурками из ваты. Конец XIX в. Музей игрушки, Прага. 2010. Фото автора

формы — фруктов, звезд, лир, якорных крестов. В общем, как писала Э. Штилле, елочные украшения в Германии в это время производили из всех мыслимых и немыслимых материалов во всех отраслях народного хозяйства[110]. Достигнутый здесь высокий технологический уровень елочно-игрушечного производства позволил успешно решить проблему доступности, массовизации, а главное — разнообразия елочной игрушки.

Русские оптовые торговцы один-два раза в год обязательно выезжали в Германию за елочной игрушкой. Как отмечал тот же Л.Г. Оршанский, «все дешевое, доступное, умело распространяемое, крепко оседающее» на рынке игрушек и елочных украшений шло в то время в Россию из Германии и в 1910 году, например, даже несколько превышало, по его подсчетам, экспорт в такие страны, как США или Англия[111]. Тающий «сусальный ангел» Александра Блока — это тоже немецкая елочная игрушка, о чем прямо сказано в одноименном стихотворении, написанном 25 ноября 1909 года («Но ангел тает. Он — немецкий, ему не больно и тепло»)[112]. Преобладание немецкой игрушки отмечалось и в частной переписке того времени: «Елка, как всегда… великолепна. Огромная, пушистая, со множеством новых немецких игрушек!»[113]

Карл Ларссон. Рождественское утро. 1890-е гг.

Из Германии же ввозились в Россию и игрушечные заготовки — цветные и фольгированные картонажные фигурки, фарфоровые головки, заготовки из стекла, которые уже здесь превращались в готовую игрушку.

Отсутствие собственного производства елочной игрушки до некоторой степени обусловило тот факт, что русская елка долгое время оставалась «аполитичной» и была практически лишена той «национальной» символики, которая отличала елки германские или британские. Так, одним из непременных британских елочных атрибутов стал во второй половине XIX века британский национальный (Union Jack) флаг, вывешиваемый на верхушку дерева (вместо звезды или ангела) вплоть до конца столетия[114]. Иногда под флагом метрополии на расположенных ниже еловых ветвях вывешивались флаги доминионов. Таким путем демонстрировались не только сила и могущество великой Британской империи, но и четкая территориально-политическая субординация внутри нее и в то же время мнимая гомогенность имперского пространства. А елочные украшения в «эпоху национализма» выполняли важную функцию одного из таких гомогенизирующих средств[115].

Расцвет «патриотической» немецкой елочной игрушки пришелся на время Первой мировой войны, когда празднование Рождества в Германии приобрело особое идеологическое звучание. Как указывал немецкий историк Ю. Мюллер,

формируя единство и сплоченность германской нации, производители выпускали елочную игрушку в виде черно-бело-красных национальных флажков (флагов) и гирлянд, орлов, железных крестов, ставших в ту пору основной военной наградой, шаров, стеклянных розеток и нитяных звезд с изображением кайзера Вильгельма. В черно-бело-красный цвет раскрашивались и другие рождественские украшения, на елку они подвешивались на черно-бело-красных ленточках. Популярными стали елочные игрушки в виде ручных гранат, мин и винтовок, подводных лодок, дирижаблей и цепеллинов. Существовала даже специальная рождественская выпечка в форме железного креста[116].

Елочные украшения, висевшие на русских елках, были практически лишены какой-либо политической символической соотнесенности. Даже советские педагоги 1930-х годов, анализируя состав и характер предреволюционных российских елочных украшений, обвиняли их прежде всего в «беспредметной красивости», за исключением, пожалуй, лишь рождественских «херувимов» как типичного образца «сюжетной религиозной» елочной игрушки[117].

Вверху:

Немецкие «патриотические» елочные игрушки периода Первой мировой войны.
Экспозиция Документационного центра, Кельн. Фото Наталии Королевой

Правда, со временем у немецких игрушек появился российский конкурент: постепенно, шаг за шагом, в стране стал налаживаться кустарный промысел по производству елочных украшений, хотя развитие его шло медленно, и он не мог удовлетворить даже малой доли потребительского спроса.

Одни из первых стеклодувных мастерских в России находились в Круговской волости Клинского уезда Московской губернии[118]. В 1848 году в небольшом селе Александровка — имении князей Меньшиковых — был открыт стекольный завод. Первоначально на заводе было всего три печи, количество рабочих из числа крепостных составляло 80 человек, и производились здесь лампы, бутылки и изделия из цветного стекла.

Своего наивысшего расцвета производство достигло в 1860–1870-е годы: ежегодно на заводе производилось более 1,5 млн. стеклянных и хрустальных ваз, ламп, люстр, флаконов и пр.[119], получивших заслуженное признание как в России, так и за рубежом[120]. С конца 1870-х годов производство стекла начинает развиваться в самом Клину и в соседних деревнях.

Первоначально на предприятиях работали выписанные из Владимирской и Тверской губерний мастера, но постепенно в производственном процессе оказалось задействовано все больше крестьян из окрестных деревень. Овладев необходимыми навыками, они начали открывать собственные мастерские по изготовлению так называемых «камушных» изделий — «дутых» бус, серег, пуговиц из толстостенного стекла. К концу XIX века кустари подмосковных деревень Гологузово, Семчино, Крюково, Крутицы, Чертянино, Воловниково, Копылово, Коросты весьма преуспели в этом промысле. Именно здесь находились богатые залежи кварцевого песка, необходимые для стекольного производства. Изделия выдувались из стеклянных трубочек-дротов разной длины и диаметра. Используя кружку-горелку, стеклодув разогревал такую трубочку до пластического состояния, а затем путем выдувания получал бусинки, одновременно подкачивая воздух для поддержания горения с помощью самодельных кожаных мехов. Затем для придания металлического блеска бусины выдерживали в растворе, содержащем соли свинца, сушили, раскрашивали и нанизывали на нити. Такие стеклянные бусы использовались и для украшения елок.

К началу XX века бусы являлись основным видом производимых клинскими стеклодувами елочных украшений. Других игрушек, выполненных как путем свободного выдувания, так и с помощью металлических форм или смонтированных на проволоку, пока обнаружить не удалось, за исключением формованотянутой игрушки «Самовар», датируемой концом XIX — началом XX века и хранящейся в ассортиментном кабинете ОАО «Елочка» в городе Высоковске. (До этого игрушка хранилась в семье потомственных клинских стеклодувов[121].)

Клинские кустари стремились придать своим украшениям многокрасочность, затейливость и насыщенный колорит, присущие художественному

Орудия труда, использовавшиеся в кустарном производстве стеклянных елочных украшений. Из книги: Клинские елочные украшения. Мелихово, 2006

решению «традиционных» праздничных русских крестьянских костюмов[122]. Однако, безусловно, нельзя было отрицать и немецкое влияние, в частности через скупщиков, которые могли познакомить российских стеклодувов с образцами привозимых из-за границы елочных игрушек.

Другим известным центром по производству стеклянных елочных украшений стала старообрядческая деревня Данилово, расположенная к югу от подмосковного Павловского Посада и принадлежавшая когда-то помещикам Самариным. Игрушечный промысел вырос из изготавливаемых местными крестьянами лампад и подсвечников[123].

В начале XX века в производстве елочных украшений в России преобладало кустарное и полукустарное производство с сильными традициями патриархально-семейного уклада[124]. Обычно оно носило семейный, потомственный характер, когда производством занималась вся семья, а трудовые навыки передавались от поколения к поколению. В кустарном производстве игрушек и украшений — стеклянных, деревянных, лепных, мастичных — традиционно было задействовано много женщин и детей. Так, по подворной переписи 1894–1895 годов основная часть «работников» в возрасте до 13 лет трудилась в промыслах «недоходных», куда как раз традиционно и относились ложкарный, игрушечный и другие «прикладные» промыслы[125]. Многие дети обретали навыки одевальщиц — кустарей, которые одевали кукол, разрисовщиков и сборщиков бус («нанизывателей камушков на проволоки»), «тесальщиков» и «буравщиков» (они тесали клинышки, буравили дырочки) начиная уже с 7–8-летнего возраста. Один из таких юных мастеров впоследствии вспоминал: «Скучно, бывало, станет… режешь, режешь. Урвешь минуту и для отдыха вырежешь лодочку или там птичку. Конечно, стукнут за это»[126].

Известный художник-игрушечник Н.Д. Бартрам так описывал работу кустарей-«одевальщиц»: «У маленького окошечка, за столом, две девочки, мать

и бабушка. На столе яркие куски тарлатана, марли, коленкора, цветной бумаги, золотые и серебряные бордюры. Грудой лежат детали "скелеток": туловища, ноги, руки. Нет ни швейной машины, ни ниток. Все делается "на клею". Быстро смазываются кусочки коленкора и раз, раз — ножки и ручки прикреплены к туловищу: не успеешь оглянуться — приклеены панталошки, шляпка и платье из торчащего тарлатана, последний мазок кисточкой по кукольной талии, и на ней пояс из золотого бордюра. Куколка готова!.. Смешная она, но уж очень небрежно сделана. Говорю об этом, а мне в ответ: "Сам видишь, кто работает. Вот этой 8, а этой 10"»[127].

Труд кустарей был тяжел и вреден. Обычно они жили в том же помещении, где и работали. Вентиляция отсутствовала. При производстве стеклянных изделий стены изб были покрыты толстым слоем сажи, а воздух пропитан запахом гари и свинцовыми испарениями; при производстве лепной и мастичной игрушки помещение наполнял тяжелый, влажный воздух, идущий от сушилок, запах порошковой краски или пыль от кнопа — состриженной с сукна шерсти, которой обсыпали готовую игрушку[128].

Накануне Первой мировой войны елочные украшения изготовлялись как в частных семейных мастерских, так и в мастерских с небольшим количеством наемных рабочих, а также в артелях, в которые начали объединяться мастера-игрушечники.

Ситуация с русской елочной игрушкой чуть улучшилась с появлением в Подмосковье (в Марьиной Роще) кустарного промысла по производству елочного картонажа, «русского» не только по происхождению, но и по содержанию (герои русских народных сказок, лесные звери и птицы и пр.). Как вспоминала дочь художника Н.Д. Бартрама, «Марьина роща в Москве была известна своими мастерами, изготовлявшими сезонный товар: Дедов Морозов из ваты, хлопушки, орехи с сюрпризами к елке». Бартрам делал рисунки бумажных костюмов для этой мастерской — там были наряды пьеро, пьеретты, девочки-крестьянки, мухомора и др. Затем эти костюмы укладывались в огромные хлопушки, которые продавались в магазине Кустарного музея Московского губернского земства[129].

Колоритных персонажей русского сказочного мира для елки производила также Сергиево-Посадская земская учебно-показательная мастерская, открытая в 1891 году, где давние традиции изготовления деревянной кустарной игрушки, восходящие, по преданию, еще к XIV веку (якобы сам основатель Троице-Сергиевой лавры преподобный Сергий выделывал простые деревянные игрушки и оделял ими приходивших к нему крестьянских детей)[130], были применены для изготовления игрушки елочной. Село Богородское, входившее в число вотчинных владений Троице-Сергиевой лавры, уже в XVII веке было известно игрушечным резным промыслом, сложившимся в самостоятельном

виде к концу XVIII века. В XIX веке игрушки резались в Богородском, а раскрашивались в Сергиеве. Производимые здесь деревянные резные и расписные елочные украшения «шли ходко» через Кустарный музей в Москве и Склад кустарных изделий в Петербурге, а несколько позднее — накануне Первой мировой войны — успешно экспонировались на международных выставках в Париже (1904), Льеже (1905) и Милане (1906), неоднократно — на Лейпцигской ярмарке. По содержанию это были изображения животных, сказочные персонажи, бытовые образы. Таким образом, в основе русской кустарной елочной игрушки лежали навыки и традиции русского народного кустарного промысла. Такая елочная игрушка была оригинальна и самобытна, но «недостаток техники затруднял воплощение идеи: фигурам придавались орнаментальные формы с сохранением лишь общей идеи предмета»[131], они были даны «во фронтальном положении, неподвижны, массивны, не расчленены, окрашены в один-два цвета», отделка деталей оставалась «условной и символичной»[132].

В 1848 году в Москве было налажено производство огней «без цвета и запаха» — бенгальских.

Другим центром по производству елочных украшений в России стал столичный Петербург. На петербургской фабрике игрушки изготавливались в основном из ввезенных немецких заготовок, например, использовались «немецкие» кукольные лица, выполненные в технике хромолитографии[133], что затрудняло и затрудняет сегодня атрибуцию этих изделий.

В начале XX века часть производимой в России елочной игрушки изготавливалась в Москве и Петербурге кустарями-надомниками. Появились частные хозяева, которые сумели наладить на дому небольшие производства с наемными работниками по изготовлению мишуры, картонажа, стеклянных гирлянд и бус. В Москве в то время открылось несколько специальных магазинов по продаже кустарных товаров, в основном игрушек, в том числе елочных[134]. Н.Д. Бартрам организовал в Москве специальный базар под названием «Лель», который действовал с 1 декабря 1907 до 1 января 1908 года. Наряду с массовыми и уникальными кустарными художественными изделиями из дерева, металла, кожи, стекла и фарфора здесь продавались елочные игрушки и елочные украшения[135].

Начавшаяся Первая мировая война привела к сокращению и затуханию игрушечного производства. Ранее занятые, например, в производстве деревянных елочных украшений работники учебных мастерских были заняты теперь изготовлением мебели для нужд Красного Креста, а кустари переключились на изготовление костылей для раненых.

Всплеск патриотической лихорадки и усиление германофобских настроений стимулировали кампанию по борьбе с «немецким засильем», что вылилось, в частности, в попытки ограничить ввоз и распространение немецкой елочной игрушки в России. Началось постепенное вытеснение Германии

с мировых рынков елочных украшений[136]. Но собственное кустарное производство не могло насытить рынок[137], поэтому немецкие елочные украшения по-прежнему господствовали на прилавках российских магазинов, хотя цены на них существенно повысились. И по-прежнему они раскупались с удовольствием и быстро — Первая мировая война не смогла резко изменить положительное отношение к рождественскому дереву на отрицательное. Среди рождественских рисунков, выполненных русскими детьми в годы Первой мировой войны после зимних каникул, наиболее популярным сюжетом был сюжет «Встреча Рождества на позиции» (у мальчиков) и «Рождество в лазарете» и «Раненые убирают елку» (у девочек)[138]. Многие дети в своих мечтах именно к Рождеству приурочивали момент долгожданного «замирения» с германцем: «Пришла бумага, что война кончилась. Дело случилось как раз пред Рождеством и на радушках мы сделали большую елку. И на ней мы очень здорово плясали и песни играли»[139]. Да и русские педагоги и воспитатели в ответ на слова некоторых детей о том, что «веселиться в такое печальное время не следует» и нужно «отказаться от елки», замечали, что дети «так задолго мечтают, так долго, целый год вспоминают об елке, что лишить их такого праздника… прямо жестоко»[140].

Рождественская елка стала в это время не только объектом для развязывания шовинистической пропаганды, но и своеобразным «мостиком» для сближения противника и хоть кратковременной приостановки кровавой бойни. Выставленные на бруствер немецких окопов 24 декабря 1914 года светящиеся огнями небольшие рождественские елочки явились знаком, призывавшим к братанию солдат воюющих сторон. И такое братание на северо-западном участке Западного фронта, недалеко от города Ипр, действительно состоялось[141]. В январе 1915 года газета The Times опубликовала сообщение о необычной «международной встрече» — рождественском футбольном матче, сыгранном в ходе такого временного перемирия между немецкими и английскими солдатами (мячей у игравших, естественно, не было — в ход шли подручные средства, например завернутые в тряпье гильзы от снарядов)[142]. Немецкий историк М. Юргс утверждает, что подобные примеры были не единичны — то же происходило и на других участках Западного фронта[143]. Братания на Восточном фронте не имели такой «рождественской» подоплеки, в том числе и из-за несовпадения календарного Рождества у воюющих сторон.

Именно Первая мировая война окончательно превратила рождественскую елку в общенациональный немецкий символ. В кайзеровской Германии специально для фронта выпускались сборные искусственные елочки. На фотографиях того времени, сделанных на позициях или в лазарете, в матросских кубриках и в блиндажах, можно увидеть группы военнослужащих, расположившихся вокруг маленьких, тоненьких украшенных рождественских деревьев[144]. Такие

«рождественские приветы» из дома с большим искусством изготовлялись из перьев, проволоки, цветной бумаги.

Аскетично украшенная «военная» елка устанавливалась и в «русских» окопах, но она по-прежнему была лишена какой бы то ни было «патриотической» символики: как писал в школьном сочинении со слов своего двоюродного брата, воевавшего под Варшавой, ученик одной из петроградских школ П. Курочкин, «у них была на Рождество (1914 года. — *А. С.*) елка в окопах и горело пять штук свечей»[145].

Как бы то ни было, к 1917 году и елка, и елочная игрушка стали для большинства людей (особенно принадлежащих к высшим и средним слоям городского населения России) явлением привычным. Изменения, происходившие в материальной, социальной, культурной сферах жизни российского общества на протяжении второй половины XIX — начала XX века, не могли не сказаться на специфике производства и распространения елочной игрушки в здешних праздничных практиках. В них присутствовал ряд противоречивых и даже противоборствующих тенденций, влиявших на саму возможность, а также на стиль и качество потребления елочных украшений: широкий торговый ассортимент елочной игрушки и сравнительно небольшое количество ее отечественных образцов; расширение возможностей для российского товаропроизводителя и сильная конкуренция со стороны западных изготовителей; рост потребительских соблазнов и сложности с реализацией из-за высоких цен на елочно-игрушечную продукцию; увеличение численности интеллигенции и буржуазной прослойки, активно включавших елочную игрушку в сферу своего постоянного потребления, и относительно медленное приобщение к ней широких слоев городского и уж тем более сельского населения; углубление контраста между убранством елки «богатой» и елки «бедной»; освоение и приобщение к зарубежной рождественской праздничной традиции и обогащение ее «национальной» спецификой; «обобществление» елки и ее украшений и индивидуализация и даже некая интимизация праздника, выражавшаяся в том числе в появлении елочных игрушек — символов домашнего очага, в особых, присущих только данной семье ритуалах и способах декорирования рождественского дерева.

Елочные игрушки сыграли существенную роль в процессе инкорпорации населения страны в единое «воображаемое сообщество» русской нации. И произошедшая в 1917 году революция, казалось, мало что могла здесь изменить.

ГЛАВА 3

Куда улетел «желтый ангел»? Елочная игрушка в Советской России: конец 1910-х — первая половина 1930-х годов

> И тогда с потухшей елки
> Тихо спрыгнул желтый ангел…
> *А. Вертинский. Желтый ангел. Париж, 1934*

> Рождество в стране моей родной.
> Добрый дед с пушистой бородой,
> Пахнет мандаринами и елкой
> С пушками, хлопушками в кошелке.
> Детский праздник, а когда-то мой…
> Кто-то близкий, теплый и родной
> Тихо гладит ласковой рукой…
> Время унесло тебя с собой,
> Рождество страны моей родной.
> *А. Вертинский. Рождество. Париж, 1934*

Начиная уже с первых послеоктябрьских дней существенное место в стратегических планах и тактиках большевиков занимало преобразование старого имперского праздничного пространства. На то был целый ряд причин, и в первую очередь политико-идеологических. Советское государство как государство с очевидными «социально-инженерными» претензиями (Зигмунт Бауман) не могло оставаться в стороне от процесса конструирования новой советской праздничной системы, создаваемой в рамках того образа мира и тех доминантных политических, социальных, культурных и художественных ценностей, которые были присущи отныне доминирующей политической группе. Данная группа передавала и навязывала обществу свои представления о «нормальных» праздниках, а советскому «государству-садовнику» посредством «устрашения вперемешку с идеологической индоктринацией» предстояло

На соседней странице:

Александр Бенуа. Рисунок на обложке сборника «Елка» (Петроград, 1918, под ред. К. Чуковского)

осуществить «трудоемкое обеспечение общего согласия»[1], придавая таким образом упомянутым праздникам статус «доминантных» и наиболее благоприятных для формирования субъекта-подданного.

Предполагаемая всеобщность и универсальность самого большевистского проекта неизбежно предусматривала некое «выравнивание» и универсализацию той праздничной среды, в которой обретался новый советский человек. Соответственно, субдоминантные, или альтернативные, праздники, которые отличались с точки зрения своих прежде всего политических, а также этнических, конфессиональных и прочих свойств, вместе с их атрибутами подлежали в лучшем случае преобразованию и подтягиванию до уровня доминантных, а в худшем — прямому запрету.

С точки зрения новой, советской власти елочные игрушки и украшения в ряду бытовавших и насаждавшихся знаков-символов безусловно принадлежали к категории «инструментальных» («субдоминантных»), которые отныне должны были носить остаточный характер и даже подавляться, дискриминироваться[2]. Удивительная и дерзкая «горячая» раннесоветская Культура Один[3] была нацелена на попрание всего сущего, в том числе и «буржуазной» елки с ее атрибутами. Но сделать это быстро было попросту невозможно как в силу укорененности прежних символов в массовом сознании, так и в силу невозможности немедленной замены их чем-то другим, более-менее равнозначным.

В тех тяжелейших экономических условиях, в которых оказалось молодое советское государство в ранний послеоктябрьский период, главной для него становилась проблема элементарного выживания и спасения детей от голодной смерти. Детские учреждения не были обеспечены даже самым необходимым, не говоря уже об игрушках[4], тем более елочных. В дни Рождества комитеты бедноты раздавали детям не игрушки и не елочные украшения, а хлеб[5]. Но, как ни странно, праздник елки сохранился и в этих экстремальных условиях. Так, в предрождественском номере казанской газеты «Знамя революции» за 1917 год упоминались случаи проведения бесплатных елок для детей в Народном доме, в Гоголевском театре и других местах[6]. Сразу после установления советской власти в Казани, в декабре 1917 года, рабочий Алексей Смирнов предложил Казанскому совету «осовеченный» проект рождественской елки. Ее следовало устроить в одном из лучших городских залов — в зале Дворянского собрания или в Городском театре — для детей солдат, рабочих и вообще городской бедноты[7]. Юный житель Омска, мальчик из обеспеченной, «буржуйской» семьи, сообщал о том, что в 1918 году «на праздник Рождества большевики устраивали елки, на которые приглашали *всех* (курсив мой. — *А. С.*) детей; там был и я»[8]. В 1923 году правление Татарского отдела Союза кожевников выделило деньги на празднование Рождества в казанских школах[9].

Наверное, это была одна из немногих возможностей вернуть изголодавшимся, разутым и раздетым детям — «своим» и даже «чужим» — частицу беззаботной радости их детского бытия.

Елка, елочные украшения и рождественская тематика продолжали сохраняться на страницах учебной литературы, по которой обучались дети в первые годы советской власти. В отсутствие новых учебников старые, дореволюционные буквари и книги для чтения не только использовались в школе, но и переиздавались, правда, подчас под новым названием. При этом рождественские тексты и визуальные изображения иногда оставались незамеченными и попадали в новые, советские издания. Обычно это происходило в провинции, где контроль над учебной литературой не был особенно жестким, а потребность в ней была необычайно велика. Так, например, в 1922 году в Иваново-Вознесенске была издана перепечатанная с дореволюционного издания книга для чтения В. Флерова «Ясное утро», куда вошло рождественское стихотворение «Со звездой», заканчивавшееся словами: «Так отрадна весть святая о рождении Христа»[10].

Уже хрестоматийным стал для отечественных исследований пример с изданием зимой 1918 года сборника «Елка» под редакцией Корнея Чуковского. На обложке книги был помещен рисунок Александра Бенуа, изображающий рождественскую елку, наряженную веселыми играющими ангелочками со свечами. Венчал елку младенец Иисус, сидящий на облаке в ореоле мерцающей шестиконечной звезды[11].

В процессе национализации игрушечных и писчебумажных магазинов конфискованные елочные игрушки поступали в детские учреждения[12]. Поступления эти были стихийны и неупорядочены, однако в результате дети подчас получали шикарно наряженные елки, ничуть не уступавшие в своем убранстве дореволюционным елкам из «богатых» домов. В воспоминаниях елочные игрушки первых послереволюционных лет, украшавшие тогдашние елки «в детских садиках и на детских площадках», описываются как «прекрасные игрушки из недавнего прошлого»[13].

Учительница одной из советских трудовых школ записала в своем дневнике 28 декабря 1918 года, что в школу поступило большое количество елочных украшений, «большая часть — заграничное стекло очень тонкой работы. Дети любуются: "Ах, у буржуев взяли. Вот хорошо. А теперь нам"»[14]. Елку наряжали два дня — и дети, и учителя. Но легко обретенное столь же легко утрачивалось. Наступил праздник. «Человек двести детей водят вокруг елки каравай… И вдруг в один миг, вся масса, все двести накидываются на елку. Накидываются с безумным криком, как разъяренные звери… Все на полу, все измято, разбито и уничтожено… "Как вы могли?" Они смущены: "…Что же тут жалеть, ведь это все реквизировано"[15]. Таков был результат успешного «классового» воспитания.

1
2
3
4
5
6

Однако уже в то время советские педагоги стремились наделить «старый» праздник новым содержанием и распространить его на новые категории детей. Так, вследствие страшного голода 1921 года население Петрограда существенно пополнилось за счет беженцев из голодающих губерний Поволжья. Для детей-татар в Петрограде в октябре 1921 года были созданы 13 детских домов, которые курировал татарский (мусульманский) отдел Комиссариата национальных меньшинств. Среди проводившихся для этих детей праздников был и новогодний, который сопровождался наряженной елкой и проходил на татарском языке. Вначале дети пели песни о зиме, а в заключение, когда им предлагалось спеть их «любимую песню», звучал «Интернационал»[16].

Именно страшный голод 1921 года, как вспоминают современники, обеспечил Поволжье очень «подходящим» и «качественным» материалом для изготовления самодельной елочной игрушки — жестяными банками от сгущенного молока от американских, датских и норвежских производителей, которое поставлялось в голодающую Россию Американской администрацией помощи (АРА), Международным рабочим комитетом, Шведской организацией и другими гуманитарными миссиями и фондами. Из них вырезали самолеты, планеры и другие «техноигрушки»[17].

С началом нэпа и оживлением частной торговли елочные игрушки вновь появились на предновогодних прилавках: «1922 год. Был декабрь месяц. В школах наступили рождественские каникулы. В магазинах необычное оживление. Ангелочки, звездочки, елочная мишура заполняли витрины»[18]. Это были в основном все те же кустарные игрушки «старого образца» — семейные и кооперативные кустарные артели продолжали производить их вплоть до 1929 года[19].

На протяжении первой половины 1920-х годов елка успешно уживалась с новыми, революционными праздниками и была особо востребована в детской среде. Старые, религиозные праздники оставались «неотъемлемой частью жизни»[20]. Елочные украшения и свечи еще можно было найти в магазинах и на базарах (в последнем случае — обычно кустарные). Не следует забывать о том, что в демографической структуре тогдашнего российского общества дети, несмотря на ощутимый провал в возрастной группе 1916–1921 годов рождения, составляли весьма существенный компонент[21]. Именно им в первую очередь нужна была и елка, и елочная игрушка.

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блат. Поздние копии следующих игрушек: 1. мальчик в народном костюме (папье-маше, ручная роспись, цветная папиросная бумага, 1930–1941 гг., Артель «Парижская коммуна»); 2. мишка на дереве (стекло, роспись; 1930–1941 гг.); 3. девочка на качелях (вата, стеклярус, папье-маше, ручная роспись, 1930–1941 гг., Ленигрушка и Промигрушка); 4. царь (богемское цветное стекло, роспись, 1930–1941 гг.); 5. павлин (картон, цветная папиросная бумага, ручная роспись, 1930–1941-е гг., мастерская при издательстве «Детская книга»); 6. поросенок на карнавале (стекло, роспись, 1930–1941 гг.)

Казалось, что все остается по-прежнему. Но это было обманчивое впечатление. Чуть оправившись от ударов военной интервенции и Гражданской войны, не до конца преодолев последствия голода и разрухи, советская власть не просто разработала, но начала применять на практике особую стратегию образования и воспитания детей на новых, социалистических началах (соцвос). Среди возможных методов, способов, путей и средств, направленных на социализацию детей и внедрение советских ценностей в детское сознание, особое место уделялось новым советским праздникам, призванным вытеснить и полностью заменить старую имперскую праздничную традицию[22]. Первоначально елке среди них не было места: Рождество устойчиво трактовалось как праздник «буржуазный», а потому ненужный и вредный. Русский эмигрантский поэт Валентин Горянский в стихотворении «Про елочку!» (1919) саркастично писал:

Скоро будет Рождество —
Гадкий праздник буржуазный,
Связан испокон веков
С ним обычай безобразный:
В лес придет капиталист,
Косный, верный предрассудку,

Елку срубит топором,
Отпустивши злую шутку.
Тот, кто елочку срубил,
Тот вредней врага раз в десять:
Ведь на каждом деревце
Можно белого повесить!

Хотя в детских учреждениях елку в первые послереволюционные годы продолжали проводить, педагоги в отдельных случаях констатировали отсутствие у детей интереса к ней и непонимание того, зачем елка вообще нужна и зачем ее следует украшать игрушками[23]. Особенно заметным было такое непонимание среди детей младших возрастных групп. Происходило оно не в результате преднамеренной «антиелочной» агитации со стороны воспитателей и учителей — просто дети были слишком малы, чтобы что-то знать и помнить о прежнем, «старом» празднике, если его теперь не отмечали дома, а новым идейным содержанием он пока еще не был наполнен. Как замечала по этому поводу в своей книге, посвященной детскому советскому дошкольному воспитанию, Лайза Киршенбаум, «избавление рождественского праздника от его религиозной наполняющей делало его более политически приемлемым, но и менее полезным в качестве воспитательной модели для "социалистического" детского сада»[24].

Сами еловые ветки, а также некоторые елочные украшения (например, гирлянды, флажки) отныне активно использовались как элементы оформления новых, советских революционных праздников[25] и зачастую сопрягались в детском сознании именно с ними. Этот факт закрепился в советской художественной литературе того времени. «Завтра поедем за елками за город. Ура!» — радостно

Вверху:

Эскиз памятника Ленину в виде украшенной елки, предложенный учащимися 4-й Опытной школы им. Каменева г. Москвы. 1924. Из книги: А.А. Сальникова. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007

Д.С. Моор.
Рождество.
Плакат. 1921

констатирует в своем дневнике 3 ноября 1923 года — накануне октябрьского праздника — ученик советской школы II ступени Костя Рябцев, герой повести Николая Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1927)[26]. «Все лаборатории, и зал, и аудитории украсили флагами и елками», — добавляет он 5 ноября[27].

Во время проведения в 1922–1924 годах весьма жесткой по форме атеистической молодежной кампании по празднованию «комсомольского рождества» («комсвяток», «комсомольской елки»)[28] как отрицания устаревшей формы праздничного досуга елка вновь оказалась востребованной. Вместе с ней оказались нужны не только и не столько елочные игрушки, сколько карнавальные костюмы и маски, в особенности те, что имели ярко выраженную сатирическую «антибуржуазную» и антирелигиозную направленность, — в основе нового празднества лежала смеховая культура и элементы карнавализации.

Праздник «комсомольского рождества» проводился в школах для всех возрастных категорий учащихся[29]. Устраивался он и для взрослых — с целью показать пагубность религиозной рождественской затеи и ее взаимосвязь с вражеским капиталистическим окружением. Игрушки для этой цели использовались «особенные»: «В энском стрелковом полку была оформлена сцена, на ней вместо буржуазной, разукрашенной ликами святош елки стояла большая ветвистая сосна, которая была закреплена в чучеле, изображавшем мировой капитал, на ветках сосны висели проткнутые щепками и штыками куклы Колчака, Юденича, Деникина, Махно и других прислужников капитала» (1922)[30].

Идея противопоставления «старого», буржуазного и «нового», советского рождества в наиболее яркой и доступной форме была представлена в знаменитом агитационном плакате Д.С. Моора «Рождество» (1921), сопровождавшемся стихами Н. Горлова («Наше Рождество — воскресенье, / Выход из ада времен, / Празднуем мы под сенью / Октябрьских знамен»). Изображение рождественской елки отсутствовало даже в «негативно-критической» части

этого плаката, изображавшей «старое» Рождество и его поборников. В советской плакатной живописи конца 1920-х — первой половины 1930-х годов идея «замалчивания» елки выдерживалась столь же строго — ведь елка, тем более украшенная, была слишком привлекательна, особенно для детей. Поэтому советский плакат этого периода отдавал предпочтение яркому и детализированному изображению новых, революционных советских праздников, широко используя в этих целях образы тех же самых детей (см., например, плакат Николая Терпсихорова «Да здравствует праздник трудящихся!» (1934)[31]).

Между тем такие воспитательные меры оказались слишком грубыми и малорезультативными. Как писал в своем сочинении один из юных современников событий, «советское Рождество в нашей деревне Кривошеино никто не праздновал, а все праздновали старое Рождество… Во время празднования старого Рождества у нас очень много народа ходит в церковь и все принимали к себе в дом попа, давая ему белых пирогов и денег»[32]. Другой сельский школьник вторил ему: «У нас был вечер, веселый, веселый праздник. Мы собрали к празднику денег по 250 рублей, собрали елку, красивую, увешанную бусами»[33].

К 1925 году «комсомольский штурм» религии начал стихать. На смену ему пришла планомерная борьба с православными праздниками, в том числе с Рождеством, и, соответственно, с елкой и елочной игрушкой, вылившаяся в широкомасштабную антирождественскую кампанию 1927–1928 годов и завершившаяся окончательным исчезновением праздника из советского праздничного календаря[34]. XVI партконференция, состоявшаяся в апреле 1929 года, утвердила в стране «непрерывный» рабочий год и пятидневную неделю с единым днем отдыха, приходившимся на пятый день. Таким образом, прежние религиозные праздники были превращены в обычные рабочие дни, а различия между субботними, воскресными и будними днями попросту стерты. Один из идеологов проведения антирелигиозной кампании в СССР, большевик Емельян Ярославский, называл это решение «важнейшим», поскольку, по его мнению, оно принципиально по-иному ставило вопрос о религиозных праздниках и способствовало «ускорению выкорчевывания религиозного быта»[35]. Как вспоминала современница, после введения «непрерывки» «собираться вместе стало еще труднее. Обязательно кому-нибудь на другой день приходилось работать. Наши встречи свелись к государственным дням отдыха: 1-ое мая, 7-ое ноября, Новый год. О Рождестве уже никто не говорил, и если устраивали елку для детей, то старательно запрятывали ее, чтобы ни соседи, ни управдом не заметили. Боялись доносов, что празднуем церковные праздники»[36].

Изменения, которые происходили в российском календаре на протяжении 1920-х годов, как отмечала И.Н. Котылева, были направлены на переориентацию общественного и индивидуального сознания и переключение всего культурного кода[37]. Отныне каждый пионер и комсомолец «словом и делом»

должен был бороться с Рождеством, рождественской елкой и ее атрибутами. Посещение кружков «юных безбожников» в школе становилось не только настоятельно рекомендуемым, но и обязательным, а встреча Нового года с «буржуазным символом» — наряженной «елкой» — жестоко каралась, вплоть до исключения из рядов РКСМ[38]. В стране начали создаваться «безбожные» бригады, цеха, заводы, колхозы, нацеленные на борьбу с религиозными праздника-

ми. Отвлечение населения, прежде всего детей, от праздника осуществлялось путем проведения в это время альтернативных праздничных или спортивных мероприятий, вроде дня Зимы, куда дети приходили с лозунгами «долой старые праздники», «мы — дошкольники — за новую жизнь», или лыжного пробега в соседнюю деревню[39].

Кампания по борьбе с елочной игрушкой была частью не только антирелигиозной кампании, но и кампании по борьбе с мещанством. Нарядная елочка как символ буржуазного уюта должна была быть изъята из советской квартиры, а игрушки попросту уничтожены. Популярным массовым действом, направленным на вытеснение елки из общественного сознания, были так называемые «похороны елки» и сопутствовавшего ей «рождественского хлама». Учителя на уроках рисования предлагали детям изобразить рождественскую елку, а затем перечеркнуть ее жирным крестом[40].

Советские писатели, поэты, художники были мобилизованы на борьбу с Рождеством и рождественской елкой. В сатирическом «Рождественском рассказе», впервые опубликованном 25 декабря 1928 года — в разгар проходившей в СССР антирождественской кампании — в берлинской эмигрантской газете «Руль», Владимир Набоков поведал читателю о метаниях маститого, примкнувшего к советской власти и верно служившего ей писателя Новодворцева, которому в сочельник было предложено написать что-нибудь «о борьбе двух миров» на «фоне снега».

Сев за стол, взяв в руки перо и пытаясь сосредоточиться, Новодворцев «подумал о том, что, вероятно, в некоторых домах бывшие люди, запуганные, злобные, обреченные... украшают бумажками тайно срубленную в лесу елку. Этой мишуры теперь негде купить, елок не сваливают больше под тенью Исакия...», но услужливое воображение тут же нарисовало ему совсем другую картину — он вдруг неожиданно «вспомнил гостиную в одном купеческом доме... и елку в гостиной, и женщину, которую он тогда любил, и то, как все огни елки хрустальным дрожанием отражались в ее широко раскрытых глазах, когда она с высокой ветки срывала мандарин». Он попытался представить, как «эмигранты плачут вокруг елки, напялили мундиры, пахнущие нафталином, смотрят на елку и плачут. Где-нибудь в Париже. Старый генерал... вырезает ангела из золотого картона... Он подумал о генерале, которого действительно знал, который действительно был теперь за границей, — и никак не мог представить его себе плачущим, коленопреклоненным перед елкой...»

И вот, наконец, нужный образ явился. Новодворцев представил себе: вот «европейский город, сытые люди в шубах. Озаренная витрина. За стеклом

На соседней странице:

Советский революционный календарь 1921 г. и календарь с пятидневной неделей 1930 г.

огромная елка, обложенная по низу окороками; и на ветках дорогие фрукты. Символ довольствия. А перед витриной, на ледяном тротуаре… И, с торжественным волнением, чувствуя, что он нашел нужное, единственное, что напишет нечто изумительное, изобразит, как никто, столкновение двух классов, двух миров, он принялся писать. Он писал о дородной елке в бесстыдно освещенной витрине и о голодном рабочем, жертве локаута, который на елку смотрел суровым и тяжелым взглядом. "Наглая елка", писал Новодворцев, "переливалась всеми огнями радуги"»[41].

Вероятно, только такой блистательный мастер слова, как Набоков, мог найти столь точно отражающий отношение большевиков к рождественскому дереву и столь неожиданный и редкий, примененный к нему эпитет.

Антиелочные статьи, публиковавшиеся в то время на страницах советской периодики, были, безусловно, далеко не такими изысканными, но зато всем понятными и не требовавшими дополнительных разъяснений. Так, поводом для «искреннего негодования трудящихся» послужило размещенное на страницах «Правды» накануне нового, 1929 года объявление Универпочты о рассылке наборов елочных украшений. В редакции газет посыпались письма возмущенных читателей: «Меня, как безбожника, ведущего антирелигиозную пропаганду среди учащихся и рабочих, удивляет, почему газета "Правда" в своих объявлениях на весь СССР публикует, что Универпочта предлагает ЕЛОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ… Предлагаю Универпочте поставить на вид за то, что она способствует старому быту, рассылая всякую мишуру и разную дребедень для украшения елок»[42].

Центральные, а вслед за ними и местные власти издавали распоряжения по изъятию из магазинов и кооперативных лавок «предметов религиозного культа», и в частности «рождественских атрибутов» (поздравительных открыток, свечей, елочных игрушек и т. п.)[43]. Исследователь истории города Москвы Ю.А. Федосюк, называющий себя «обожателем праздничной елки», детство которого пришлось на рубеж 1920–1930-х годов, вспоминал, что в то время в Москве закрылись елочные базары, прекратился выпуск елочных украшений и свечей, а устройство елки строго возбранялось. Тем не менее «маленькие елки потихоньку рубились в подмосковных лесах и тайком, в мешках, обложенные тряпьем, привозились в московские квартиры»[44].

Советские газетные публикации того времени дают яркое представление о мерах, направленных на противостояние Рождеству, и способах их применения. Так, в статье «Небо — попам, земля — наша!», напечатанной в газете «Вечерняя Москва» 25 декабря 1932 года, сообщалось об открытии в магазине антирелигиозной литературы на Сретенке выставки плакатов и новых поступлений. Среди прочих особо рекламировалась специально написанная для школьников книга Градова «По Евангелию!»[45] В тот же день в «Правде» от

Обложка ноябрьского номера журнала «Юные безбожники» за 1931 г.

имени ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса и ВЦСПС было опубликовано инструктивное письмо «Порядок проведения школьных каникул», где всем нижестоящим органам предписывалось «охватить во время каникул всех детей в городе и в деревне культурно-массовыми и оздоровительными мероприятиями, организованными в живых и красочных формах», которые следовало противопоставить «религиозным влияниям со стороны классово чуждых элементов и отсталой части населения»[46]. Но что могло сравниться по красоте и привлекательности с нарядно украшенной елкой?

Кустарное производство елочных украшений, и без того уже влачившее в стране жалкое существование и находящееся на грани самоликвидации, было свернуто. С конца 1927 года государство стало применять жесткие административные и даже репрессивные меры против кустарей[47]. Московский

областной союз потребительских обществ запретил кооперативным магазинам «продажу елочной дребедени и украшение витрин к Рождеству»[48]. Артели либо закрывались одна за другой, либо находились на полулегальном положении. По воспоминаниям жителей деревень бывшей Круговской волости — центра кустарного производства стеклянной елочной игрушки в России, — только немногие мастера продолжали в эти годы изготавливать елочные игрушки, и то лишь для своих детей. Большинство же стеклодувных артелей перешло на производство термометров и лабораторного химического оборудования[49]. Деятельность их жестко регламентировалась. Кустарное производство могло быть только индивидуальным — наем рабочих категорически запрещался[50].

Что касается мелких фабрик, то они вообще были ликвидированы. Так, например, знаменитая Клинская фабрика елочных игрушек в начале 1930-х годов была закрыта. Одного из бывших ее хозяев репрессировали. Старые — рождественские — игрушки должны были быть изъяты из детских садов и школ.

Большую роль в борьбе с елкой и елочной игрушкой сыграл журнал «Юные безбожники» — орган ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса и Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, издававшийся в Москве с марта 1931 по январь 1933 года[51]. Помимо статей о методах антирелигиозной пропаганды, анонсов детской атеистической литературы и материалов для инсценировок и литмонтажей значительное место в журнале занимала «антиелочная» и «антиигрушечная» беллетристика, отличавшаяся крайней категоричностью и воинствующей риторикой. Так, в рассказе для октябрят В. Смирновой «Чей праздник» елочная игрушка изображалась не просто как чуждый, но и как абсолютно ненужный советскому ребенку предмет. И если «цветные бусы, пестрые блестки, круглые коробочки, картонные звезды», покачивающиеся на еловой ветке в руках уличного торговца, детям в соответствии с сюжетом публикуемого рассказа были просто неинтересны, то «толстая голая кукла с крыльями из марли» все же привлекла их внимание. «“Это летчик?” — спрашивают ребята. — “Это ангелочек на елку”. — “А зачем он?”». «Скоро будет праздник, — заключала автор. — Праздновать будут капиталисты за границей, толстые нэпманы, кулаки, жадные торговцы и всякие отжившие старушки… Это чужой, не наш праздник. Мы его и знать не хотим»[52].

Долой поповское рождество,
Мерцанье свечей на зеленых ветках —
По-большевистски войдем в боевой,
Последний год пятилетки!
Нам противны попов слова,
Ерунду о боге слушать доколе!

Не в церковь пойдем в дни рождества,
А все как один в школу! —

призывал своих читателей журнал[53].

В репортажах с мест сообщалось о ходе антирождественских кампаний, их содержании, разновидностях и результатах:

> В антирождественскую кампанию на родительских собраниях 1-го и 2-го концентра ячейкой Союза воинствующих безбожников Будской школы-семилетки были поставлены доклады о происхождении рождества. По трем группам было проведено шесть бесед на антирелигиозные темы, и на общем собрании учащихся был устроен доклад на тему о вреде каких бы то ни было религиозных праздников.
>
> Пионеры-безбожники Ушакинской школы Тосненского района во время антирождественской К° усилили сбор денег на танк «Безбожник». Собрано 19 руб. 50 коп.
>
> Школьники Ибресинской школы II ступени организовали в день «рождества» субботник на лесозаготовках, поставив своей целью добиться, чтобы в поповский праздник темп лесозаготовок не был снижен[54].

«Гадание, ряжение, рождественская елка, рождественские украшения — все это пережитки дикарских времен», — внушали авторы статей юным читателям и противопоставляли рождественской символике символику новую, советскую: «Вифлеемская звезда не светилась никогда, засияла вечная у нас пятиконечная!»[55]

Символика ели, связанная в русской народной традиции с темой смерти[56], также была использована для отстранения детей от елки. Встраиваемая в такой идеологический контекст, елка должна была вызывать негативные, скорбные, горестные ассоциации: «Неисправимые обыватели тащили по домам рождественские елки. Елочные ветки куриным следом рассыпались по белому снегу; казалось, что в городе умерло много людей и их хоронили»[57]. Исследуя феномен детской тревожности и детского страха, советские педологи утверждали, что именно елочные персонажи, в частности Дед Мороз (как «живой», так и «игрушечный»), часто пугают маленьких детей, и потому от них следует отказаться[58]. Принципу «здоровой реалистичности», необходимой для правильного воспитания подрастающего поколения, они противопоставляли «стилизаторскую искусственность», которую и воплощали, с их точки зрения, елочные игрушки[59].

Такая агрессивная антиелочная кампания не могла не принести своих плодов. Среди детских высказываний рубежа 1920–1930-х годов встречались

и такие: «У меня елочные игрушки есть — я их всех в печке сожгу»; «буржуй стоял около елки, а красноармеец зарядил патроны и прямо в него»[60].

Однако во многих случаях на антирождественские воспитательные меры дети, которые знали, что такое елка, отвечали своими контрмерами. Так, например, накануне Рождества 1931 года в стенной газете одной из саратовских школ появилась статья, заканчивавшаяся призывом не ходить в рождественские праздники в школу, а лучше навестить ее автора дома, чтобы увидеть там великолепно украшенную — «золотую», по его словам, — рождественскую елку[61].

Несмотря на настоятельное «выдавливание» Рождества из советского праздничного календаря, население продолжало его отмечать. Бороться с этой традицией было чрезвычайно трудно: не случайно в начале 1930-х годов антирождественские кампании постоянно проводились во всех советских школах[62]. Несмотря на это, учителя отмечали тот факт, что в первые дни Рождества в некоторых городских школах отсутствовало от половины до двух третей школьников. А в Ленинграде был зафиксирован случай полной неявки на уроки учащихся нескольких школ центральных районов[63]. За неимением елки люди тайно наряжали дома то, что хоть как-то могло ее заменить, — растущие в горшках фикус, бегонию, алоэ. Автор одних воспоминаний рассказывала о том, как ребенком она ежедневно украшала елочными игрушками перенесенный в дальнюю комнату (от чужого взгляда подальше) растущий в глиняном горшке цветок, играла с такой «елкой», любовалась ею, но каждый вечер игрушки снимались и цветок возвращался на место[64]. Елочные игрушки прятали подальше — «до лучших времен». И, несмотря ни на что, как вспоминала в 2003 году ленинградка 1916 года рождения, в ее доме, как и во многих других, «елка была обязательно»[65].

Эмигрантские «Последние новости» со ссылкой на московского корреспондента Sunday Times сообщали 26 декабря 1932 года, что, хотя антирождественская кампания в Москве и проходит по обычной программе — «с митингами безбожников, богохульными процессиями и т. д.», магазины Торгсина, обычно закрывающиеся в шесть часов вечера, работали накануне до полуночи — так велик был поток желающих приобрести рождественские яства и украшения для елки[66].

Мальчики и девочки продолжали мечтать о елке, и даже противодействие родителей-партийцев не могло этому помешать. Елена Боннер писала в своих мемуарах о том, как в 1928 году потребовала у родителей нарядить елку. Отчим пытался объяснить пятилетнему ребенку, что елка «буржуазна» и «атавистична». В результате Люська (как звали Елену в детстве) стала, по ее словам, хорошо понимать всю «антипартийность» своего желания, но это делало елку только еще более притягательной[67].

Агрессивная запретительная кампания против Рождества, «буржуазной» елки и ее атрибутов оказалась малоуспешной. Новые, революционные празднества не смогли их ни вытеснить, ни заменить: Рождество оставалось для большинства советских людей, и особенно детей, едва ли не самым любимым и с нетерпением ожидаемым праздником. Елка по-прежнему была любима, востребована и не забыта, хотя и запрещена.

Вскоре власть поняла свою ошибку и накануне нового, 1936 года вернула рождественскую елку, получившую отныне статус новогодней, удачно вписав это радостное событие в общий концепт «счастливого советского детства».

ГЛАВА 4

«Блестящий воспитатель». Елочная игрушка как инструмент наделения «советскостью»

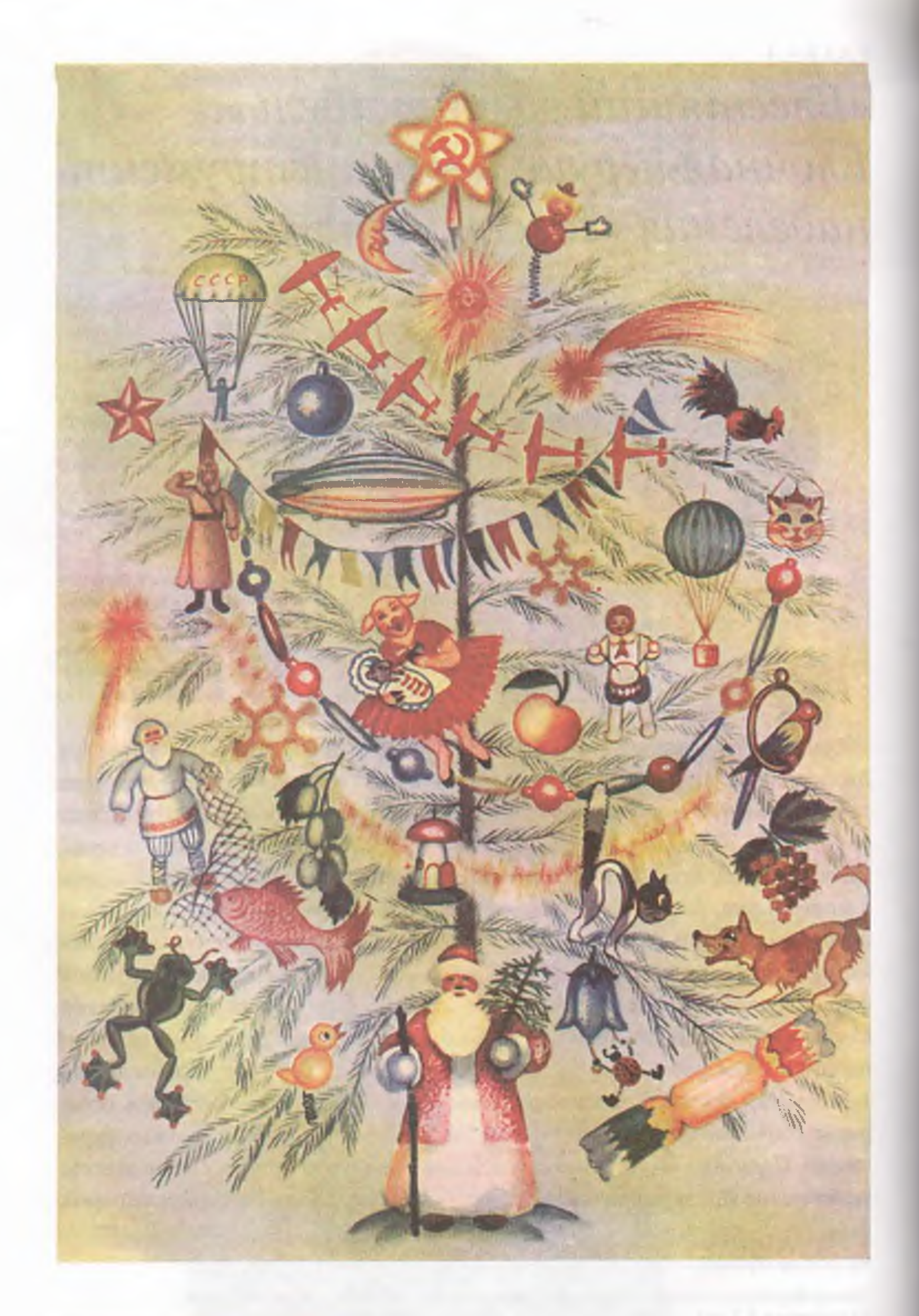
Елочка-елка, погляди вокруг,
Сколько здесь товарищей,
Сколько здесь подруг!
У тебя на ветках звезды загораются,
А с портрета Сталин смотрит, улыбается!
Н. Саконская. Елочка, елка (песенка). 1938

Да, веселые елки опять
Будут детям огнями сиять.
Так скажем же, дети, спасибо ему,
Защитнику, другу, отцу своему,
Великому нашему Сталину!
К. Чуковский. Елка. 1944

«Жизнеутверждающая», «веселящаяся» и «радостная» сталинская Культура Два[1] отлилась не только в классическую формулировку «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее»[2], но и в целый ряд канонических, знаковых определений и понятий, связанных с детьми («Нигде нет такой заботы о детях, как у нас! Наши дети — самые веселые, самые здоровые, самые счастливые дети в мире!»[3]). Богато украшенная, сияющая елка становилась отныне символом новой, «советской» радости, веселья и изобилия[4], а новая советская елочная игрушка призвана была в материализованной и внешне очень привлекательной форме воплощать, фиксировать и пропагандировать достижения советской власти и преимущества социалистического строя. Как утверждалось в одной из передовиц советского журнала «Игрушка», сейчас «вряд ли нашлись бы люди», которые бы осмелились, как они это делали всего несколько лет назад, оспаривать большое педагогическое значение» новогодней елки и елочных украшений. Педагоги — «левые загибщики», «ославившие это прекрасное детское развлечение как буржуазную затею»[5], были развенчаны и гневно заклеймены.

На соседней странице:

Пионер-барабанщик; папье-маше, ручная роспись, слюда; 1940–1950-е гг.; реставрация.
Из коллекции Л. Блатт

Образцовая новогодняя елка. Журнал «Игрушка». 1937. № 8

В случае с елкой и елочной игрушкой власти применили проверенный и отлично зарекомендовавший себя прием вливания «нового вина в старые мехи». Укоренившуюся традицию наполнили новым смыслом, попутно заменив и соответствовавшую ей атрибутику: «Сейчас бы мы назвали эту перемену идеологическим ребрэндингом... В молодой советской стране должны были возникнуть новая мифология и новые герои, которые могли бы заменить волхвов и младенца. Но в случае с елкой эта смена породила самую, возможно, трогательную и человечную традицию советского времени»[6].

Возвращение елки как феномена уже новой — советской — праздничной культуры требовало «осовечивания» ее содержания, которое легко можно было представить и манифестировать через изменение ее праздничного убранства. Этот процесс нашел свое отражение даже в новой елочной «декоративной» терминологии. Так, знаменитая «Песня о елке» Самуила Маршака (1939), начинающаяся риторическим вопросом: «Что растет на елке?», продолжающаяся разъяснением: «Шишки да иголки. Шоколадные шары не растут на елке», завершалась ударной и вполне советской концовкой: «Эти флаги и шары выросли сегодня для советской детворы в праздник новогодний»[7]. Именно «флаги», а не флажки символизировали на новой елке новую, советскую действительность[8]. То же находим чуть позднее у Корнея Чуковского: «Завертелись бы на елочке флаги из зеленой, из малиновой бумаги»[9].

Процесс формирования визуальной «елочной» идеологии пришелся на вторую половину 1930-х годов. Образуя изначально довольно случайный и даже противоречивый (в силу отсутствия необходимых — да и вообще всяких — игрушек и украшений и неразработанности методик оформления елки) текст, этот визуальный ряд все более «застывал» и «кристаллизировался» (Владимир Паперный), чтобы обрести, наконец, статус визуального елочного канона. Причем канонизация образа новой советской елки произошла довольно стремительно: уже к началу 1940-х годов он довольно прочно закрепился в массовом сознании. Военные и послевоенные годы лишь способствовали его дальнейшей стандартизации и унификации. В определенной степени это можно было объяснить тем, что к середине 1930-х годов тот тип визуальной репрезентации, который принято определять как «соцреалистический канон», уже оформился[10] и мог быть быстро и успешно воплощен во вновь возникающих носителях социалистической идеологии, к которым, безусловно, относилась и советская елочная игрушка. Она была фактически исключена из сферы производства в эпоху художественного плюрализма 1920-х годов и, напротив, активно насаждалась в эпоху «идеологического монизма тоталитарного государства в 1930-е годы, предполагавшего монолитность всей советской культуры, включая единый Большой стиль "соцреализма" во всех без исключения культурных явлениях времени»[11].

Это была одна из многочисленных разновидностей и форм «ритуализированного искусства», «искусства эстетики тождества»[12].

Если следовать теории «жизненных фаз соцреалистического канона», предложенной Хансом Гюнтером[13], то елочная игрушка успешно обошла фазу «протоканона», быстро миновала стадию «канонизации» и достаточно долго задержалась на стадии «канонoприменения». В своей наиболее откровенной, полной и «классической» форме советский елочно-игрушечный канон явил себя к середине 1950-х годов, чтобы затем деканонизироваться к рубежу 1960-х и 1970-х и раствориться в последующие годы (впрочем, даже в постсоветской елочной игрушке иногда можно уловить элементы «советского клише»).

Наличие канона, однако, отнюдь не означало, что все советские елки были похожи друг на друга, как близнецы. Несмотря на общую тенденцию к унификации и типизации, не могло существовать двух совершенно одинаковых елок: каждая игрушка на каждой елке в зависимости от окружающего ее контекста выглядела по-разному. В каждой семье была «своя» елка, и наряжаться она могла — вне зависимости от политической моды — в соответствии с семейными традициями. Кроме того, сами бытовые реалии не способствовали созданию унифицированного образа елки: зачастую в семьях сохранялись еще дореволюционные или самодельные игрушки, которые совершенно не вписывались в новый политизированный образ советской елки, но неизменно вешались на елку и в условиях советского товарного потребительского дефицита даже могли преобладать. Нельзя забывать также и о том, что, несмотря на явный и определенный официальный идеологический диктат, в каждый конкретный исторический момент власти осуществляли довольно гибкую политику «визуального» воспитания, удачно подчеркивая те моменты, которые могли оказать наиболее сильное эмоциональное воздействие на воспитуемых. Примером может служить широкое внедрение «цирковой» тематики на советской елке конца 1930-х годов после выхода на экраны чрезвычайно популярной музыкальной кинокомедии «Цирк» (1936) или «космической» тематики в конце 1950-х и особенно в первой половине 1960-х годов, с удовольствием воспринятой массовым потребителем елочной игрушки. Таким образом, идеология оказывалась растворенной в праздничной повседневности. И потому зачастую она была не пафосна, не декларативна, не натужна, что еще более усиливало ее влияние.

Характеризуя типы канона, Х. Гюнтер выделял каноны текстовые, в которых «культурные ценности зафиксированы в форме ограниченного корпуса образцовых текстов», и каноны регулирующие, где «предопределены сами нормы производства текстов». При этом он утверждал, что в соцреализме эти типы канонов настолько переплетаются, что зачастую бывает трудно определить, что же было первоначально[14]. В случае с елочной игрушкой ответ был

Елка в детском саду. Журнал «Игрушка». 1937. № 11

достаточно очевиден: приоритет здесь принадлежал регуляторам, формирующим и стимулирующим советские канонические нормы.

В частности, существенную роль в выработке идеологически корректного взгляда на елочные украшения сыграл журнал «Советская игрушка» (с 1937 года — «Игрушка») — орган Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР, Всесоюзного научно-исследовательского института игрушки и Всекопромсовета, четко формулировавший социальный заказ на елочную игрушечную продукцию. «Выход в свет истории ВКП(б), — утверждал журнал в канун нового, 1939 года, — должен стать поворотом для кадров игрушечников в ликвидации ими своей теоретической отсталости»; елочная игрушка, как и детская игрушка вообще, — это «мощное оружие коммунистического воспитания наших детей, чувствительный идеологический инструмент, воздействующий на детей», производство ее должно находиться «под неослабным политико-идеологическим и педагогическим контролем»[15]. А в претенденте на роль такого «контролера» никто и не сомневался. Им должны были стать и стали правящая партия и советское государство в лице партийных и советских функционеров.

Вторая половина 1930-х годов — время особого и пристального внимания советского государства к елке и елочной игрушке. Анализ директивных

и исполнительных документов этого периода позволяет определить те требования, которые предъявлялись к советским елочным украшениям, и те критерии, которым они должны были соответствовать. Это были: доступность, массовость, эстетичность, разнообразие, эмоциональная насыщенность, идеологическая наполненность.

Планируемые к производству и уже изготовляемые игрушки были четко систематизированы по функциональному назначению, сырьевому материалу и содержанию. Классификации по последнему признаку подлежали в первую очередь «тематические» елочные игрушки, создаваемые по образцу игрушки обычной. Так, например, на ленинградских предприятиях и в артелях по планам 1938 года в ближайшее пятилетие предполагалось выпустить елочные игрушки следующего содержания: 1) Красная Армия (пехотинцы, кавалеристы, летчики, пограничники, танкисты, связисты, краснофлотцы, подводники, милиционеры, военное оснащение в масштабе фигурок, корабли «Аврора», «Марат», «Октябрьская революция», крейсеры и подводные лодки); 2) физкультура и спорт (спортсмены — представители различных видов спорта); 3) дети (в школе, лагере, отряде, дома); 4) улица (новые дома, трамваи, троллейбусы); 5) этнографические игрушки, жилища, национальные орнаменты; 6) игрушки, изображающие быт и труд колхозной деревни; 7) комплексные наборы игрушек (парад Красной Армии, парад физкультурников, лыжный переход, канал Москва — Волга и др.)[16].

Производству и распространению елочной игрушки придавалось в тех условиях особое значение, поскольку не только и не столько «высокое искусство», сколько массовая художественная продукция, представлявшая и воплощавшая «малое искусство» (minor art, термин П. Бурдье), должна была способствовать выработке и распространению новых «культурно-политических» художественных стереотипов[17]. На художников, работавших в промышленности, была возложена ответственная задача, которая не ограничивалась только воспитанием «хорошего» вкуса, а предполагала оказание прямого идеологического воздействия на население: «эстетизация политики» сопровождалась всемерной «политизацией искусства»[18]. Елочной игрушке следовало превратиться в товар массового спроса и потребления, что вполне укладывалось в общую концепцию «окультуривания» всего населения Страны Советов, и детей в том числе, и «всеобщей массовизации» советского искусства. Пропаганда «монументальных, героизированных» форм искусства предполагала понимание монументальности прежде всего как «повышенного и героического ощущения жизни», а потому эта монументальность могла проявляться и в бытовой картине, и в натюрморте, и в «мелкой пластике», и, как это ни курьезно звучит, даже в елочной игрушке[19]. Таким путем героическое максимально типизировалось, оно становилось частью советской

Разборка готовой елочной продукции работником Союзкультторга. Журнал «Игрушка». 1937. № 8

Елочная витрина в одном из московских универмагов. Журнал «Игрушка». 1938. № 11

повседневности, а сконструированная «идеальная» реальность существовала бок о бок с реальностью «действительной».

Само производство елочной игрушки, будучи по преимуществу кустарным и полукустарным, тем не менее начиная со второй половины 1930-х годов было «встроено» в советскую экономическую систему и должно было подчиняться ее порядкам, законам и правилам. Отныне оно осуществлялось на основе централизованного планирования и жесткой регламентации, здесь так же, как и в других сферах и отраслях советской экономики, существовала жесткая система государственных заказов и государственного распределения[20]. Широко применялась система соцсоревнования. Ход его постоянно освещался, в частности, на страницах журнала «Советская игрушка»/«Игрушка» (1935–1939). Кстати, именно благодаря участию в соцсоревновании становились известны имена авторов елочной игрушки — не только передовиков производства, но и некоторых художников, работавших над созданием новых проектов. Нормы авторского права в этой сфере художественной жизни соблюдались не всегда, если вообще соблюдались.

Неотъемлемой чертой процесса производства советской елочной игрушки стал жесткий контроль и надзор со стороны партийных и государственных органов. Система цензуры, осуществляемая через художественно-экспертные советы, предполагала создание идейно выдержанной елочной игрушки,

1
2
3
4
5
6
7

соответствующей советским идеологическим и эстетическим стандартам. Однако идеология могла быть выражена и непосредственно, и опосредованно с учетом специфики художественной формы каждого украшения.

«Признав» и оценив елочную игрушку как важное воспитательное средство, власти столкнулись с массой проблем. Оказалось, что между планами по внедрению елочной игрушки в праздничную повседневность и их воплощением в жизнь, тем более немедленным, — огромная дистанция. Неожиданно нагрянувшая елка 1935 года была устроена «почти экспромтом, без подготовки, без нужного количества елочных украшений»[21], производство которых в стране к тому моменту было фактически полностью прекращено. Даже если бы оно и существовало, то наследием, доставшимся от царской России, тоже едва ли можно было похвастаться. Мелкие кустарные мастерские, ориентированные на ручной труд, безусловно, не смогли бы насытить огромный советский потребительский рынок. Советская же легкая промышленность, не имевшая приоритетного статуса и финансировавшаяся по остаточному принципу, вообще не владела технологиями елочного игрушечного производства.

Первый номер журнала «Советская игрушка» за 1936 год подвел итоги прошедшей новогодней кампании. Результаты ее оказались очень противоречивыми. С одной стороны, потребность в елочной игрушке была необыкновенно высокой, с другой — немедленно удовлетворить ее было очень сложно. Описывая убранство елок, прошедших 30–31 декабря 1935 — в начале января 1936 года в детских садах, школах, домах культуры пионера и школьника, жилищно-арендных кооперативных товариществах (жактах) Москвы, журнал сообщал, что на елках были развешены либо игрушки обычные («пришлось довольствоваться деревянными шарами, мягкими куклами, различными целлулоидными игрушками»)[22], либо самодельные («подвешивали спичечные коробки, папиросные, из-под пудры; все это тщательно закрашивали, заклеивали, придавали новую форму»)[23], либо старые, хранившиеся дома елочные игрушки («собрали у себя, у кого что было; нанесли столько, сколько мы и не ожидали»)[24].

Немногочисленные сохранившиеся и подходящие по профилю производства работали день и ночь. Так, все ночи напролет изготовляли елочные игрушки на предприятиях и в мастерских Мособлстеклокерамсоюза[25]. 28 декабря 1935 года московский «Детский мир» торговал елочными игрушками до 11 часов ночи, столь же оживленно торговля шла вплоть до 2 января (позднее елочные

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Две сороки; ручная роспись, картон, слюда; 1930-е гг. 2. Заяц в капусте; цветной ватин, роспись, слюда; 1930–1940-е гг., Ленинград; из серии игрушек по сказкам Беатрис Поттер. 3. Лебедь; картон, слюда; 1930–1940-е гг. 4. Девочка с флажком; папье-маше; Самара, послевоенное время. 5. Медведь с повязкой; цветной ватин, слюда; 1930-е гг. 6. Мальчик в матроске; вата, ткань, ручная роспись, слюда, техника горячего прессования трикотажа; 1930-е гг., Москва. 7. Девочка в шубке; вата, папиросная бумага, ручная роспись, слюда; 1930-е гг., Артель «Х ВЛКСМ», Харьков

1
2
3
4
5
6

игрушки уже не продавали, чтобы не поощрять празднование Рождества)[26]. Заведующий магазином № 8 Москоопкультторга рассказывал: «Вечером 29 декабря (1935 года. — *А. С.*) мне было предложено выставить в витрине магазина елку. Не было специальных елочных украшений. Деда Мороза сделали сами, обернув куклу ватой… Я спросил у сотрудницы магазина, не сохранилось ли у нее чего-нибудь от елок дореволюционного времени. Нашелся небольшой ассортимент цветных фонариков, блесток, стеклянных украшений. К ним добавили летние игрушки. Поставили хоровод из кукол». Далее он сообщал о том, что «буквально каждый покупатель требовал елочных украшений. Это заменялось гуттаперчевыми лебедями, утками, целлулоидными мальчиками, цветными шариками из материи, дореволюционными раскрашенными шариками, парашютистами, картинками, различной деревянной мелкой игрушкой, маленькими медвежатами»[27].

Местную промышленность разворачивали на производство елочных игрушек, и результаты не заставили себя долго ждать. Актуальными производственными задачами становилось как восстановление старых елочных производств и привлечение к работе старых кустарей, так и создание нового производства и подготовка новых кадров игрушечников[28]. С 1936 года в СССР вновь начали изготавливать игрушки из стекла. В Клину и его окрестностях заработало сразу несколько игрушечных артелей: Клинское объединение стеклодувов (КОС) и Клинская артель инвалидов им. XI годовщины Октября, а также Гологузовский промколхоз им. 1-го Мая, промколхоз «Искра революции», колхоз им. 2-й пятилетки в Семчино и др.[29] Следуя веяниям времени, уже в этот период клинские стеклодувы освоили производство игрушек с советской эмблематикой — серпом и молотом, пятиконечными звездами, современными образцами воздухоплавания: аэростатами, дирижаблями, самолетами[30]. Создавались новые артели по производству елочных игрушек в Москве, Ленинграде, Горьком, Калинине, Воронеже и других городах страны. Елочные игрушки изготавливались и в артелях и мастерских ГУЛАГа, например в трудкоммуне № 2 НКВД[31].

И далее — вплоть до середины 1960-х годов — в Советском Союзе сохранялось и даже преобладало производство елочных игрушек небольшими артелями и вручную. «Подавляющее большинство наркоматов и объединений, — сообщал журнал «Игрушка» весной 1937 года, — упорно не желают заниматься игрушкой и, если их все же обязывают производить игрушку, они рассматривают

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Шар «полевые цветы»; ручная роспись; 1937. 2. Шар «Кот в сапогах»; ручная роспись; 1930-е гг. 3. Шар «подснежники»; ручная роспись; 1930-е гг. 4. Шар «колосья»; цветной лак, ручная роспись; 1940-е гг. 5. Шар прозрачный; цветной лак; 1950–1960-е гг. 6. Абстрактное украшение; цветной лак, ручная роспись; 1950–1960-е гг., производство УССР

Елочные новинки московских предприятий в 1938 г. Журнал «Игрушка». 1938. № 1

это только как неизбежное зло»[32]. В ноябре 1937 года Наркомвнуторг СССР провел два совещания — одно с производящими, другое — с торгующими организациями. Оба они «выявили пренебрежительное отношение к елке»[33]. Наболевшим вопросом оставалась несогласованность в производстве елочной игрушки между государственными и кооперативными предприятиями[34].

Крупнейшим производителем елочной игрушки по-прежнему оставался Всекопромсовет. Как отмечал в начале 1939 года председатель московской артели «Елочная игрушка» Г. Березин, в артели продолжали работать, как и прежде, исключительно надомники[35]. Елочные сценарии второй половины 1930-х годов не просто предусматривали, но и пропагандировали использование обычной кустарной детской игрушки в качестве елочного украшения: «Входит взрослый в костюме Матрешки. Он несет пестро разрисованную корзину, в которой лежат деревянные кустарные игрушки, знакомые детям: куры-клевалки, матрешки, бумажные птицы, филин, дядя Федот и медведь». Он вешает эти игрушки на елку со словами: «А вот игрушки отличные, / Прочные, симпатичные, / Самые новые, / Кустарные, дешевые. / Про эти игрушки детские / Знает вся страна советская»[36].

Отсутствие сырья и форс-мажорные обстоятельства производства потребовали «приспособления» под елочную игрушку любых пригодных для этого заготовок и полуфабрикатов. Так, например, во второй половине 1930-х годов в магазины поступали шары, изготовленные из электрических лампочек. Лампочку раскрашивали изнутри, цокольную часть ее спиливали и запаивали, а сверху наносили рисунок. Эти шары легко было отличить от других, поскольку они имели несколько грушевидную форму. В коллекции автора этой книги имеется такой шар изумрудно-зеленого цвета с изображенной на нем чернильного цвета ласточкой.

У детей, родители которых работали в авиапромышленности, елка была «вся усыпана цветными парашютами и планерами, а на тракторном заводе на одной елке висели разукрашенные металлические звезды из барабана для очистки деталей»[37].

Неожиданно вспомнили и некоторые старые технологии и материалы для производства елочных украшений. Так, в 1939 году киевская артель «Игрушка» стала производить маленькие елочки по старой, еще дореволюционной технологии — из гусиных перьев[38].

В 1937 году Госпланом РСФСР перед Наркомлегпромом РСФСР была поставлена задача увеличить производство только ватных елочных украшений до 10 млн. штук, а Наркомвнуторг дал специальное указание всем торгующим организациям (Союзкульттоpгу, Союзунивермагу, главторгам) завозить больше елочных игрушек[39]. С 1938 года под эгидой Всекопромсовета некоторые артели начали специализироваться на изготовлении исключительно елочных украшений. Так, полностью на их производство перешли московские артели

«Кооперигрушка» и «Елочная игрушка», воронежская артель «Химпродукция» и ряд других. Торговым организациям центра и периферии настоятельно предписывалось расширить в универмагах отделы елочных игрушек, оборудовать киоски, усилить и разнообразить рекламу елочных украшений[40].

К новому, 1940 году елочной игрушкой были полностью обеспечены Московская, Ленинградская, Киевская, Харьковская, Кировская области и большинство крупных городов СССР. Только одна артель «Елочная игрушка» Мосгоркультигрушсоюза в 1940 году предполагала выпустить 1,7 млн. штук игрушек различных наименований[41]. К концу 1930-х годов в Москве и ряде других крупных городов России открылись магазины, специально торгующие елочными украшениями, масками и карнавальными костюмами, например, знаменитый московский «Магазин веселья»[42]. В Москве и провинциальных городах страны организовывались специальные елочные базары, где можно было приобрести понравившиеся украшения. Одним из наиболее крупных среди них был елочный базар в московском Лубянском пассаже, открывавшийся с начала ноября и состоявший из нескольких десятков киосков[43]. «Молодой художник-стахановец Балашов, работающий в горьковской артели "Детская игрушка", — писала горьковская газета «Ленинская смена» в начале 1938 года, — сделал для новогоднего базара ларек "Советский полюс". В центре земного шара стоит старый хозяин полюса — белый медведь и протягивает ключ О.Ю. Шмидту. Внутри ларька продаются елочные украшения»[44].

В воспоминаниях встречается информация о том, что в то время, «несмотря на высокую цену, наиболее красивые и интересные игрушки раскупались мгновенно»[45]. Подводя итоги предновогодней торговли, «Правда» сообщала, что на 1 января 1937 года московские магазины продали елочных украшений на 4 млн. рублей[46], а всего по стране Союзкультторг реализовал их более чем на 15 млн. руб. В новом, 1937 году эта сумма возросла до 40 млн. рублей[47].

Елочная игрушка все прочнее утверждалась в городском пространстве. С конца 1930-х годов наряженные новогодние елки стали устанавливать в городских парках, на центральных площадях и улицах, на катках и детских площадках. Главная советская 15-метровая общественная елка, установленная в Колонном зале Дома Союзов в Москве на новый, 1937 год, была украшена 10 тыс. елочных игрушек. Две самые большие елки на открытом пространстве разместились в ЦПКиО им. Горького и на Манежной площади в Москве. Значение таких публичных елок было необычайно велико, поскольку они не только могли отвлечь граждан от празднования «старорежимного» Рождества, но и представляли собой образцовое новогоднее дерево с точки зрения его оформления и декорирования, пример, на который следовало равняться.

Правда, в тех краях и областях, где производство елочной игрушки еще не было налажено, спрос по-прежнему превышал предложение, и, как предпола-

галось, елочной игрушки «могло не хватить»[48]. И ее действительно не хватало. «Накануне нового, 1939 года мы сидели с папой на кухне и клеили самодельные игрушки для елки. Особенно нравилось мне делать пакеты, в которые мы клали подарки: из журналов мод на обычные бумажные пакеты переводились картинки, изображавшие детей с игрушками, а потом эти картинки раскрашивались. Вдруг в дверь кто-то позвонил. Я подбежала и спросила: "Кто там?" — "Вам посылка". Когда мы открыли ящик, оказалось, что он полон переложенных газетами, бумагой и ватой елочных украшений. И чего тут только не было! Дед Мороз и Снегурочка с туеском, наполненным конфетами, игрушечные овощи и фрукты, рыбки, попугаи, обезьяны и зайцы, маленькие конькобежцы и лыжники, стеклянная дудочка с желтой кисточкой и старичок-лесовичок из еловой шишки, золотые и серебряные грецкие орехи, которые хотелось немедленно съесть (что, кстати говоря, я и сделала, сорвав их с уже наряженной елки). Но особенно поразили меня два лебедя, плававшие на поверхности крошечного зеркального пруда. Таков был новогодний подарок моей московской тети»[49]. Прошло семьдесят лет, но эта новогодняя сказка, этот неожиданный, прекрасный и щедрый дар рассказчица помнит и по сей день. Ведь достать елочную игрушку в тогдашнем провинциальном Оренбурге было если и не невозможно, то крайне сложно, хотя прошло уже три года с тех пор, как по велению властей «запрещенная» елка вновь была возвращена советским детям.

В канун нового, 1938 года отряды Дедов Морозов, срочно сформированные из парашютистов агитэскадрилий, отправились в самые труднодоступные регионы страны, чтобы обеспечить детей новогодними подарками и елочной игрушкой. Новогодние атрибуты распространялись также через агитпоезда, агитавтомобили, лыжников и специальных курьеров, разъезжавших на аэросанях и даже на оленьих упряжках[50].

Но такие меры, конечно же, не могли решить проблему. В небольших городах и городках в магазины елочные игрушки практически не поступали, а если и поступали, то разбирались с неимоверной быстротой. С производством дела обстояли еще хуже. Подводя итоги работы провинциальных артелей, занимающихся производством елочной игрушки, за 1938 год, руководитель отдела культпромышленности Всекопромсовета А. Головатюк отмечал, что в отдельных областях ситуация с изготовлением елочной игрушки сложилась просто критическая. Так, например, артели Курской области выполнили годовое плановое задание лишь на 9,3 %, Оренбургской области — на 9,7 %, а Читинской — всего на 3,2 %. Потребности в гирляндах удовлетворялись в лучшем случае на 10 %[51]. Выручали в какой-то степени «толчки» и «барахолки», где можно было приобрести самодельные или старые, еще дореволюционные елочные украшения. Правда, ряд провинциальных артелей делал мелкие детские игрушки, пригодные и в качестве елочных.

1
2
3
4
5
6

Тем не менее несмотря ни на что в большинстве областных и даже районных центров новогодние елки для детей стали устраивать начиная уже с 1936 года. Современники вспоминают елки, которые они посещали по месту работы родителей; им запомнились театрализованные представления, угощение («какао и пирожные»), подарки, но, к сожалению, далеко не всегда — елочные игрушки.

В провинции елку устанавливали и наряжали и дома, часто вешая на нее — за неимением или скудостью других украшений — «съедобные» предметы: конфеты, печенье, фрукты[52]. Детей учили ценить и беречь елочные игрушки. Недаром в воспоминаниях нередко встречаются сюжеты об их нечаянной «гибели», запомнившейся надолго: «Часть из них (елочных игрушек. — *А. С.*) погибла, разбившись… Помню, как однажды, оставшись со мной наедине, папа стал передо мной плясать и прыгать на одной ножке, должно быть, подавая пример мне, с елки сорвалась и упала груша…»[53]

Общественные елки продолжали наряжать чем придется. На маленькую Галю Савину огромное впечатление произвела елка, которую устроили для детей рабочие артели меховщиков, где в то время работал ее дед: все игрушки на елке, даже шары, были меховые. Их изготовили из отходов производства[54]. Хотя такие игрушки и изготовляли из подручных средств, но предназначались они специально для елки в отличие от «квазиелочных» украшений — различных предметов и вещей, по происхождению и первоначальному функциональному назначению не имевших к елке никакого отношения, но ставших елочными игрушками в силу сложившихся обстоятельств.

Производство елочной игрушки в провинции наталкивалось на ряд дополнительных трудностей. Во-первых, здесь ощущалась явная нехватка квалифицированных кадров. Эта проблема лишь отчасти могла быть решена и решалась за счет выселенных в провинцию ссыльных и ссыльнопоселенцев. Высланная из Ленинграда в Казань в конце 1935 года художница Вера Шолпо вспоминала впоследствии, что долго не могла найти себе в городе никакой работы, пока случайно не прочитала в газете «Красная Татария» маленькое объявление об открытии в Казани мастерской фанерной игрушки, располагавшейся «в глубине большого грязного двора, в одноэтажном длинном каменном доме», организованной высланным в Казань из-за жены-англичанки бывшим бароном Г.А. Остен-Сакеном. Коллектив сотрудников показался художнице

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Девочка в платке; цветной ватин, роспись, слюда; 1930–1940-е гг. 2. Пионер с флажком; вата, роспись, пряжа, слюда; 1950-е гг; реставрация. 3. Пионер; роспись, цветной ватин, ткань, слюда; 1930–1940-е гг. 4. Лидочка (персонаж к/ф «Слон и веревочка»); цветной ватин, пряжа, слюда; 1946. 5. Ребенок на коньках; цветной ватин, роспись, слюда; 1930-е гг. 6. Хоккеист; роспись, слюда; 1940–1950-е гг., Ленинград

несколько «странным». Кроме нее самой в мастерской работали пятеро учеников-беспризорников, трудившихся за символическую плату, «бывший морской командир... Эдуард Эдуардович Фришмут, высланный, не спрашивала, откуда и когда», «пожилой человек, высланный из Ленинграда за религиозные убеждения и прошедший уже ссылку, научный работник Царевский Сергей Федорович», «художник Бобровицкий Иосиф Ефимович, высланный из Баку за принадлежность жены к партии эсеров»[55].

Другой проблемой было плохое качество или нехватка материалов, необходимых для изготовления елочных украшений. В той же мастерской Остен-Сакена из отходов фанеры изготовлялись плоские игрушки — и на подставках, и для елки (серии «Колхоз», «Красная Армия», «Сказка о рыбаке и рыбке»). Первоначально в официальных источниках и тогдашних средствах массовой информации они характеризовались как прочные и изящные, хотя в действительности были хрупки, ненадежны и «несерьезны в художественном отношении»[56]. В 1937 году было объявлено о вредительстве, имевшем место в мастерской, и о «контрреволюционности» игрушек из серии «Красная Армия», поскольку они быстро ломались: «Говорили: "Остен-Сакен — сукин сын, заказывает мощную "Красную Армию", которая в руках детей крошится"»[57]. В ряде случаев, как констатировал другой источник, полученные дефицитные материалы вместо игрушек шли на производство иных товаров[58].

Не считаясь с реальными возможностями и условиями, недостатки и неудачи в производстве елочных украшений партийные теоретики искали прежде всего в политической ситуации в стране и объясняли их происками врагов народа, проникших в промысловую кооперацию: «Они применяли разные злодейские способы разрушения этой промышленности: насаждали артели в районах, лишенных сырьевых баз; разрушали действительно крепкие предприятия... распыляли кадры опытных мастеров игрушки путем неправильной политики зарплаты, нормирования; культивировали цеховщину в узком кругу творческих кадров, не допуская к делу создания игрушек передовых стахановцев, ограничивая возможности роста стахановского движения; искусственно задерживали развитие механизации производства; мешали созданию промышленности игрушек в национальных районах»[59]. Все указанные недостатки действительно имели место, но не в результате действий вредителей, а в результате плохо продуманной стратегии по организации производства елочной игрушки и отсутствия необходимой и достаточной производственно-технической базы и кадрового потенциала. Однако партийные руководители больше уповали не на решение технических и технологических проблем, а на «большевистское воспитание» кадров игрушечников. Важную роль в этом процессе должен был сыграть выход в свет

Новый, 1941 год.
Архив автора

«Краткого курса истории ВКП(б)», способствующего «ликвидации ими своей теоретической отсталости»[60].

Пристальное внимание уделялось изготовлению и потреблению елочных украшений в национальных республиках, поскольку советская елка должна была стать общесоюзным праздником. Настоятельно требовалось организовать и расширить производство елочных игрушек в национальных, в том числе традиционно мусульманских регионах, обращая особое внимание на «местную специфику» и «национальный орнамент», чтобы эта игрушка была близка и понятна детям всех народов СССР[61]. К новому, 1939 году московская артель «Елочная игрушка» начала производить игрушку «Интернациональная дружба»[62]. Появились флажки — флаги союзных республик. Воспитывая чувство пролетарского интернационализма, советская власть не только сохранила традиционную многонациональную этнографическую игрушку, но и способствовала ее распространению по всей территории страны. Например, на елочных фигурках, изображавших представителей народов СССР, можно было рассмотреть все элементы традиционной этнографической мужской и женской одежды[63]. Размещение на елке представителей разных национальностей призвано было «способствовать

1
2
3
4
5
6

воспитанию симпатии к ним»[64]. Очень рекомендовалось оформлять на елке «уголок Севера» с игрушками-оленями и куклами-ненцами[65].

Сложности с развитием производства и особенно распространения елочной игрушки во многих национальных районах были обусловлены сохранявшейся здесь, несмотря на все меры, мусульманской религиозной традицией. Мультиэтничные регионы с относительно высоким процентом мусульманского населения никогда не входили в круг активных производителей елочных украшений[66]. Так, например, в Казани артель «33-я годовщина Октября», производившая елочные игрушки, была основана только в 1950 году[67].

Существующий в исламе запрет на изображение людей и животных долгое время ограничивал возможность «потребления» елочной игрушки, в частности, в татарских семьях (ведь среди елочных игрушек не было кукол «без лица», в которые традиционно играли татарские девочки)[68], хотя в общественных елках дети-татары, естественно, принимали участие.

Тем не менее попытки распространить елочную игрушку в тех национальных регионах, где она была совершенно в диковинку, были упорны и масштабны. «До 1000 различных видов елочных украшений получили туркменские ребята, — сообщала ашхабадская газета «Туркменская искра» накануне нового, 1939 года. — 15 вагонов елки было завезено в Туркмению»[69].

К началу 1940-х годов елочная игрушка прочно вошла в советский, преимущественно городской, быт: она уже не вызывала ни зависти, ни удивления. «Елку украшали девочки с учительницей второго класса. Учительница стояла на табуретке, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок. "Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!" "А вот с серебром! Девочки, с серебром!" — так описывает подготовку к встрече нового, 1940 года в одной из советских провинциальных школ Валентина Осеева[70]. Несмотря на эти восторженные реплики, очевидно, что подготовка к празднику идет по опробованному сценарию и, судя по тексту, не кажется детям особой новизной.

Наряженная новогодняя елка стала новой советской праздничной традицией. Желание обязательно ее соблюсти рождало подчас удивительную изобретательность. Так, например, во время арктической экспедиции ледокола «Седов» две женщины-ученые ухитрились установить на его борту елку, сделанную их старого весла и прутьев от веника, и украсить ее «образцами морской фауны»[71].

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Джигит; ручная роспись, слюда; 1940–1950-е гг. 2. Девочка с флажком; цветной ватин, роспись, слюда; 1940-е гг. 3–5. Цирк; цветной ватин, роспись, слюда; с 1936 г. 6. Оленевод; стеарин, цветной ватин, роспись, слюда; 1930–1950-е гг.

1
2
3
4
5

В годы Великой Отечественной войны, наряду с празднованием Нового года, наблюдался «возврат» к празднованию Рождества. Вероятно, это было связано с общей тенденцией к росту религиозности населения в этот трудный период. Интересно, что на домашних рождественских елках за неимением украшений с христианской символикой в то время висели новые «советские» игрушки — такое противоречие не казалось странным[72]. В условиях дефицита старые, дореволюционные елочные игрушки, бережно хранившиеся в семьях — подчас сильно пострадавшие от времени, смятые, со сколами и трещинами, — вполне пригождались («Наша бабушка сохранила елочные украшения с дореволюционных времен… Да и мама, по случаю, прикупила в 1937 году елочные игрушки. Так что елка у нас очень отличалась от елок наших соседей: рядом с принцем стеклянным висел красноармеец. А Вифлеемская звезда заняла место не на верху елки, как когда-то, а в гуще веток. Ее место заняла большая красная кремлевская звезда»[73]; «Сорок третий год встречали с елкой… Елку нарядили старинными игрушками, хранившимися еще с царского времени»[74]).

Елочная игрушка в дореволюционной России была максимально удалена от всего повседневного, будничного, тривиального, обыденного. Советская елочная игрушка тоже заключала в себе романтику, но это была уже романтика новой, революционной эпохи. Именно ей была созвучна идеологическая заданность новых советских елочных украшений. Практически все они были образны, а многие из них — сюжетны. Пропаганда здорового образа жизни и массового спорта породила игрушки, изображающие хоккеистов, лыжников, парашютистов (и людей, и животных)[75]. Покорение Арктики нашло свое отражение в игрушках, изображающих дрейфующие льдины и полярные станции. Тема формирования человека-мастера и «политехнизация» жизни нашли свое отражение в стиле «техно» — автомобилях, самолетах, дирижаблях, аэростатах, паровозах (часто — со знаковыми надписями «СССР», «Сталин») и даже велосипедах и самокатах, которые сменили на елке прежние кареты и тележки.

Из бумаги голубой
Катер вырезан с трубой.
Из бумаги глянцевитой
Парашют висит раскрытый.

Е. Ильина. Елка в детском саду[76]

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1, 2, 4, 5. Игрушки из проволоки; завод «Москабель», 1940-е гг. 3. Дирижабль; картон, 1940-е гг.

В 1937 году была выпущена серия шаров с портретами членов Политбюро ЦК ВКП(б), а также большой шар с изображением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (как страшно, наверное, было тогда такой шар разбить!). Московский журналист К. Кудряшов назвал такую елочную эстетику «лобовой»[77]. Впоследствии подобные опыты уже не возобновлялись, но образ вождя должен был зримо и незримо присутствовать на детском новогоднем празднике. Показателен в этой связи сценарий, по которому была проведена в январе 1940 года новогодняя елка в Московском доме пионеров и октябрят[78]. Лозунг «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!» украшал пригласительные билеты, а также вход в само здание. Огромный портрет Сталина в рамке из электрических лампочек располагался у входа в центре, второй такой же портрет — на заднике сцены, где проходило действо. В ходе праздника дети должны были петь песни о Сталине (в частности, «Песнь о Сталине» на музыку Блантера), читать о нем стихи (например, стихотворение Агнии Барто «Елка»: «Сияет елка яркая, / Горят на ней огни… / За все спасибо Сталину / От всей, от всей души»), скандировать просталинские лозунги («Любимому другу детей, великому Сталину, ура, ура!») и даже отгадывать о нем загадки («Снегурочка: "Есть одно имя — большое, родное. Все от мала до велика знают это имя и произносят его с горячей любовью. И каждый из вас, если спросить, кто дал вам счастливое детство, ответит…" — Дети: "Сталин"»)[79]. Надпись «Сталин» можно было встретить на бортах домодельных игрушечных пароходов и самолетов, дирижаблей и катеров, паровозов и аэростатов, висящих на елке.

После выхода на экраны кинокомедии «Цирк», которую, как свидетельствуют современники, очень любил Сталин, на елки стали вешать игрушечных клоунов, акробатов и особенно часто — симпатичных негритят как символ неприятия расовой дискриминации. Игрушки на сказочные темы были представлены прежде всего героями сказок, которые легко вписывались в советский воспитательный контекст (Старик с неводом из «Сказки о рыбаке и рыбке», сама Золотая рыбка, Царь Дадон с Золотым петушком, Шемаханская царица, Звездочет, Черномор и богатыри, царь Салтан, Повариха, белочка, грызущая золотые орехи, и др). Большинство этих игрушек впервые было изготовлено в 1937 и 1949 году, соответственно к 100-летию со дня смерти и 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Отдельная группа елочных игрушек изображала «простого» советского человека — как большого, так и маленького. Среди них были сигнальщики с красными флажками и солдатики с красными звездами, работницы в красных косынках и всадники-кавалеристы, колхозники и санитарки, военные летчики и балерины, счастливые советские дети разных возрастов — с лопатой, лыжами, обручем, куклой, погремушкой, книгой и пр.

Советская елочная игрушка становилась все более политизированной. К 20-летию Октябрьской революции предполагалось, например, пустить в производство такие новые образцы «советской политической» елочной игрушки из ваты, как «национальные типажи в красочных костюмах, летчики, полярники, моряки, краснофлотцы, красноармейцы, метростроевцы, эпроновцы, парашютисты, шахтеры», дополнив эту коллекцию такими изделиями из папье-маше, как ледоколы «Красин», «Литке», «Иосиф Сталин», теплоходы «Комсомолец», «Иосиф Сталин», «Вячеслав Молотов», «Михаил Калинин», обслуживающие канал Москва — Волга, машины ЗИС-101, М-1, тракторы ЧТЗ, грузовики, сельскохозяйственные машины, самолеты по образцу машин, с помощью которых был завоеван Северный полюс и осуществлен «героический перелет в Америку», а также картонажи метро, Днепрогэса, нефтевышки[80]. К новому, 1939 году московская фабрика «Спортигрушка» выпустила шары «с изображением бойцов, одержавших блестящие победы на озере Хасан», самолет «Родина» «с его славным экипажем» и большие ярко-красные шары 150 мм в диаметре со светящейся надписью «СССР»[81].

Особое место в игрушечном елочном символическом «тексте» занимали красная звезда, серп и молот, ставшие универсальными символами советской

Вверху:

Новогодние открытки 1940–50-х гг.

1 января
1939
С НОВЫМ ГОДОМ!
1
2
3
4
5
6
7

(большевистской) культуры. Пятиконечная звезда не только водружалась на елочную верхушку, но и (так же как серп и молот) изображалась на шарах, пиках, флажках и других советских елочных украшениях. Причем звезда эта, как отмечал И. Есаулов, представляла собой никак не подобие рождественской звезды, а была антизвездой, горящей в особом антихристианском мире[82]. Сама елка в миниатюре повторяла архитектонику жестко иерархизированной сталинской культуры — вертикализация с условным шпилем, увенчанным иглой (пикой, вошедшей, кстати, в употребление именно в советское время) или звездой, представляла собой «качественно новый уровень изобразительности», стремившейся к «завершающей его высшей точке... к собственно кульминации», а сама елка удачно встраивалась в общую «вертикальную декорацию к государственному спектаклю... названному “нигде в мире так, как у нас”»[83].

Елочные игрушки призваны были воспитывать чувство советского патриотизма, утверждать боевой дух молодого поколения, связанные с ним милитаристские ценности, воспитывать чувство бдительности в условиях вражеского окружения. В предвоенные годы советские елки украшали фигурки пограничника Карацупы с верным псом Ингусом, флажки, воспроизводившие флаги различных родов войск.

Великая Отечественная война вызвала к жизни особый, «военный» елочно-игрушечный ряд. «Военизированные» игрушки — солдаты, пистолеты, танки, самолеты — появились уже в предвоенный период, но особенно популярны стали именно в годы войны, в период наибольшей милитаризации советских воспитательных практик. В это время советские елки украшали такие игрушки, как, например, собаки-санитары и шары с изображением «красного ястребка», сбивающего черный фашистский самолет. Преобладание «милитаризированной» елочной игрушки нашло свое отражение в известном стихотворении Корнея Чуковского «Елка» («Были бы у елочки ножки»): на ней висит «и солдатик оловянный на лошадке деревянной», и «дальнобойное ружье», «и наган, и барабан, и такие, как цветочки полевые, розовые, голубые парашютики...»[84] Под влиянием новых обстоятельств изменился и традиционный образ Деда Мороза:

У него игрушек нет
В торбе за плечами.

На соседней странице:

1. А.А. Кокорекин. С Новым годом! 1 января 1939 года. Открытка. 1938. 2–7. Из коллекции Л. Блатт. 2. Объемная звезда; картон, цветной лак; 1940–1950-е гг. 3. Красная звезда; объемный картон; 1930–1960-е гг. 4. Макушка «звезда»; цветное стекло; 1930–1940-е гг. 5. Красная советская звезда; картон; 1930–1960-е гг. 6. Мелкосерийный шар «серп и молот»; литография, ручная роспись; 1937. 7. Шар «красная звезда»; цветной лак; 1930–1940-е гг.

Партизанит старый дед
Зимними ночами.
Деду некогда, поверь,
Мастерить игрушки.
Не пройдет фашистский зверь
По лесной опушке.

Е. Трутнева. Дед Мороз[85]

В годы войны, в условиях дефицита материалов, в СССР стали производиться игрушки из штампованной и раскрашенной жести, а также необычайно изящные елочные украшения из проволоки (они изготавливались на заводе «Москабель» из отходов производства) — корзиночки с цветами и фруктами, стрекозы, бабочки, птички, снежинки и др. Рассказывая о том времени, люди замечали, что «елочных игрушек тогда было много на базаре, причем игрушек очень хороших — их меняли на продукты»[86]. На елку вешали погоны, ордена и медали, фигурки, изготовленные из бинтов.

Переживший блокаду впоследствии вспоминал, как накануне нового, 1942 года дедушка решил устроить ему новогоднюю елку. Поскольку достать ее в блокадном Ленинграде было невозможно, он взял акварельные краски и нарисовал ее прямо на обоях. Потом вбил гвоздики в концы нарисованных ветвей и повесил на них елочные игрушки: «От настоящих игрушек нарисованная елка словно ожила! От нее, кажется, запахло хвоей». Самым потрясающим было то, что среди игрушек обнаружились большие грецкие орехи в посеребренной скорлупе и конфеты «Раковая шейка» и «Мишка на севере», которые висели на новогодней елке в довоенном 1940 году. В полночь конфеты были торжественно съедены. Дедушке оставалось жить три с половиной месяца...[87]

Советская новогодняя открытка, 1945. Из коллекции автора

Елочная игрушка времен Второй мировой войны. Лофотенский военный музей, Норвегия. Фото Сергея Сигачёва. periskop.livejournal.com/369696.html

Интересно заметить, что в годы Великой Отечественной войны елка и елочная игрушка как важное пропагандистское и воспитательное средство использовалось не только советскими воспитателями, но и противником для пропаганды «нового порядка». Так, на оккупированной территории рекомендовалось перед Рождеством проводить утренник для детей 5–8 лет с наряженной елкой под девизом «Как детей чекист советский чудной елочки лишил, но затем солдат немецкий детям елку возвратил» (в роли Бабы-Яги по сценарию выступал сотрудник НКВД)[88]. В самой Германии производились елочные игрушки в виде бомб, снарядов, ручных гранат, самолетов, танков, стеклянных шаров со свастикой, елочных фигурок, изображающих «врагов немецкого народа», которых «вешали» на еловой ветке. Нацистские идеологи подкорректировали истинный смысл христианского Рождества и его символику, наделив их языческими древнегерманскими корнями. Фарфоровые елочные игрушки отныне были расписаны руническими знаками (свастиками, треугольниками, кружками, спиралями, зигзагами). Место доброго старого Николауса, приносившего детям подарки, занял грозный языческий Водан, изображавшийся как всадник на белом коне, часто — в военном мундире и каске. Младенец Христос превратился в золотоволосого и голубоглазого арийского ребенка в золотой люльке[89]. Таким образом, в советской и немецкой «политической» елочной игрушке того времени было много общего.

Значительную часть размещенных на советской елке украшений составляли в то время игрушки самодельные. Вначале потому, что на елку просто нечего было повесить, позднее — потому что коллективный труд в любом его виде был положен в основу советской образовательно-воспитательной системы. В процессе самостоятельного изготовления образ игрушки прочнее и точнее закреплялся в детской памяти, в том числе и образ, наделенный высоким советским символическим смыслом. Елочные игрушки делали дома, на уроках рисования и труда, а потом с гордостью украшали этими фонариками, корзиночками и флажками стоявшую в классе елку. Образцы елочных самоделок и описание способов их изготовления заполняли советские журналы и массовые издания как для детей, так и для взрослых[90]. Особенно много их было, по словам

В.Ц.С.П.С.
НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА
1947г.
ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ
приглашают тебя
на
НОВОГОДНЮЮ
С Новым годом!
С Новым годом!
С НОВЫМ
НОВОГОДНЯЯ
ПРОФСОЮЗНАЯ ЕЛКА
Кировского района
г. Казани
БИЛЕТ

современников, в детских журналах «Еж» и «Круглый год». Среди предлагаемых к изготовлению елочных украшений было немало вполне «советских» (куколка-пионерка с флажком, парашютист, аэроплан, красноармеец, милиционер, девочка-колхозница и др.). Однако помимо «советских» предлагались и игрушки вполне традиционные. Например, ноябрьский номер журнала «Мурзилка» за 1937 год наряду с «парашютистом» рекомендовал ребятам сделать подсвечник и размещал на своих страницах необходимые чертежи[91]. Публиковались в детских журналах также результаты конкурсов на лучшую елочную игрушку и изображения самих игрушек-победительниц[92].

Но во многих семьях и в 1930-е, и в 1940-е годы, и позже по-прежнему продолжали делать «аполитичные» елочные игрушки, традиция и навыки изготовления которых восходили еще к дореволюционному периоду и рождественской елке. Подробно и эмоционально описывает процесс изготовления таких игрушек («священнодействие», как она его называет) дочь детского врача Ирина Токмакова в своих воспоминаниях о детстве, относящихся к 1935–1937 годам. Небольшой отрывок из этих воспоминаний приведен в уже не раз упоминавшейся книге Е.В. Душечкиной[93]. Но поскольку многие из описанных И. Токмаковой «технологий» постепенно уходят в небытие и, вероятно, ее воспоминания — один из самых пространных и детализированных текстов личного происхождения, отразивших процесс изготовления домодельной елочной игрушки в советское время, позволю себе привести здесь часть этого текста в расширенном варианте:

> На стоявшей в прихожей керосинке… варился крахмальный клейстер. Когда он поостынет, им густо промазывались кусочки ваты. Вата становилась податливой, и из нее можно было вылепить, например, морковку, корзиночку, грибочки, кто поискуснее, у того получался даже зайчик или цыпленок. Когда клейстер высыхал, и игрушка становилась тверденькой, ее раскрашивали школьными акварельными красками…
>
> Дальше делалось вот что. С двух концов куриное яйцо протыкалось иглой и содержимое осторожно выдувалось на блюдечко… На скорлупку нужно было наклеить островерхий «фунтик»-колпачок, а снизу — сложенный гармошкой бумажный воротник. Ясно, что и фунтик и воротничок надо было раскрасить, а на яйце изобразить глаза, нос и улыбающийся рот веселого клоуна. К кончику колпачка приклеиваешь ниточку — и игрушка готова.
>
> Таким же образом можно было сделать и улыбчивую матрешку.

На соседней странице:

Пригласительные билеты на елку. 1947, 1954, 1950–1960-е гг.

А затем, бывало, целыми вечерами клеились цепи… Откуда-то мама однажды принесла довольно большие листы золотой и серебряной бумаги. Из них аккуратно и кропотливо нарезались узенькие полосочки и склеивались в звенышки цепи, продевавшиеся одно в другое… клеем, который в те времена назывался «гуммиарабик».

А еще до чего изящны были гирлянды из соломы! … Выбирались крепкие, не смятые соломинки, резались на кусочки сантиметров по десять–двенадцать. Соломинка нанизывалась на нитку, затем иголкой протыкался цветочек из раскрашенной бумаги, он становился как бы «поперек» соломинки, потом опять — соломинка, потом опять — цветочек. Соломинки были золотистые, цветочки — разноцветные, гирлянды легкие, воздушные…

А вот бабочки на елку не вешались. Их тоже вырезали из бумаги и прямо сажали на еловые ветки, пришивая к ветке иголкой с ниткой! Еще вырезались из белой бумаги снежинки. Мы с сестрой соревновались, у кого она получится прозрачнее, «кружевнее»…

Из звездочек (хочешь — раскрашивай, хочешь — из беленьких) тоже получались симпатичные гирлянды — надо было сложить бумагу гармошкой, наметить половину звездочки с лучами и вырезать ножницами. А когда растянешь гирлянду, то звездочка оказывалась целой, и все они, «держась» за лучики, как за руки, и составляли звездную гирлянду.

Самым трудным и страшно трудоемким делом было склеить китайские фонарики. Сначала требовалось вырезать картонный кружочек для донышка. Затем — из картонок колечко такой же величины — для верха. А после вырезались такие же колечки из цветной папиросной бумаги. Первое из них приклеивалось к донышку, а дальше цветные колечки накладывались друг за другом одно на другое, и каждое надо было чуть-чуть тронуть клеем, причем в шахматном порядке, так, чтобы когда все колечки приклеятся и фонарик распрямится, в нем получились бы «окошечки»[94].

Далее автор упоминает о том, что на елку вешались также «и мандарины, и золоченые орешки, и конфеты», в том числе и столь любимые ею в детстве конфеты «какао-шуа» — с таинственно звучащим, под стать самой елке, названием, а в старинных елочных подсвечниках зажигались свечи — частично сохранившиеся «с прежних времен», «а частью принесенные бабушкой из церкви Николая Угодника, что в Хамовниках»[95].

Много самодельных елочных игрушек изготовлялось в годы войны. Да и вообще, и в 1930-е, и в 1940-е, и в 1950-е годы было принято мастерить елочные украшения своими руками: как писали Г.А. Янковская и М.В. Ромашова, «советское общество представляло собой общество рукоделия, ремонта,

повседневной бытовой смекалки»[96]. Иногда в результате этого рождались уникальные коллекции елочных игрушек, как, например, коллекция деревянных елочных украшений из серии «Волжские пароходы», каждое из которых точно воспроизводило оригинал, хранящаяся сейчас в Казани у внука ее создателя М.Л. Тузова[97].

Большинство опрошенных нами людей, детство которых пришлось на 1930–1940-е годы, особенно выходцы из крестьян, однозначно утверждали, что первые елочные украшения, с которыми им довелось столкнуться в жизни, были исключительно самодельные[98]. Многие из них впервые увидели елку в школе и именно там получили навыки по самостоятельному изготовлению елочных игрушек и украшений: «Елку у нас в семье не ставили, а в первый раз в школе ее поставили, когда я училась в 4-м классе, до этого мы никогда елку не наряжали. Когда елку поставили, мы делали игрушки из бумаги. Вырезали из книг (?) и газет»; «елки были в старших классах. Мы делали гирлянды из бумаги, бумажные фонарики из двойных листов клеили, вырезали звездочки, снежинки и раскрашивали их в разные цвета красками»; «шар подвешивали к потолку, предварительно обклеив его осколками разбитых елочных игрушек, зеркал, ребята приделывали к нему моторчик, и он крутился, а благодаря свету, попадающему на него, красиво мерцал»[99].

Первые послевоенные годы были одним из самых тяжелых и неблагоприятных в социально-экономическом отношении периодов советской истории, характеризуемым резким падением качества жизни и почти повальной бедностью населении. Легкая промышленность находилась в упадке, что, естественно, сказалось на уровне обеспечения людей самыми необходимыми товарами. Безусловно, елочную игрушку нельзя было отнести к этой категории вещей, и потому с ее производством дела обстояли особенно плохо: эта проблема казалась неважной и «несерьезной» на фоне более существенных и первостепенных экономических проблем. Большинство артелей в военные годы прекратило свое существование или переориентировалось на производство медицинской аппаратуры.

Однако со временем был взят курс на развертывание производства товаров народного потребления и развитие всех отраслей легкой промышленности[100]. Не забыто было и игрушечное производство. Снизившиеся в военные и послевоенные годы его масштабы вернулись на высокий довоенный уровень и вскоре даже превзошли его[101]. При этом была достигнута и главная цель — поставить елочную игрушку на службу воспитанию «идейных, преданных своей социалистической Родине борцов за построение коммунистического общества»[102]. Но основная масса игрушечной продукции по-прежнему производилась в промысловой кооперации, причем производство ее по стране было крайне неравномерным: по данным на 1947 год, свыше 77 % производимой

продукции падало на Москву, Московскую область и Ленинград, тогда как в других областях елочной игрушки вырабатывалось очень мало. Особенно тяжелая ситуация сложилась в национальных автономиях Поволжья[103]. И позднее не раз указывалось на наличие «случайных», «неудовлетворительных» в художественном отношении моделей, производимых в национальных республиках[104].

Ограничен был и игрушечный ассортимент: в 1947 году все вместе взятые артели СССР производили менее 2000 наименований игрушек, включая и елочные украшения[105]. По-прежнему на елках было много самодельных игрушек. Дочь профессора-физика Казанского университета С.А. Альтшулера Н.С. Альтшулер вспоминает, что ее мать, как и жены других университетских профессоров, входили в это время в ежегодно образуемый в преддверии новогодних праздников университетский «елочный комитет», одной из важнейших задач которого была закупка игрушек для детской елки. По ее словам, не менее 70 % среди них составляли игрушки самодельные. Причем здесь встречались и совершенно уникальные изделия, например елочные игрушки, произведенные в стеклодувной мастерской при химической лаборатории знаменитых химиков А.Е. и Б.А. Арбузовых, которые делал сам Борис Арбузов и его ученики[106].

Для успешной реализации товаров легкой промышленности была существенно преобразована торговая сеть[107]. Елочные украшения — стеклянные, картонажные, ватные, мишурные, — согласно введенному Министерством торговли СССР в 1949 году ассортиментному минимуму, входили в обязательный «сезонный» прейскурант каждого советского промтоварного магазина[108].

Мы в магазине с Новым годом,
Сюда зашли мы мимоходом,
Стоим, глядим во все концы.
До потолка товар по полкам
Разложен всюду с чувством, с толком,
И суетятся продавцы.
У них приветливые лица, —
Домой отсюда не спеши,
Поскольку здесь, как говорится,
Есть что угодно для души!

Огонек. 1950. № 1[109]

В советских городах открывались крупные специализированные магазины с «детским» ассортиментом, уделявшие особое внимание торговле елочной игрушкой, такие, например, как «Детский мир», хотя традиционно елочные игрушки продавали в магазинах культтоваров[110]. Обычно магазины, торговав-

Новогодняя открытка.
1950-е гг.

ние елочной игрушкой, находились в центре города, что еще более повышало ее роль в культурно-символическом пространстве советской эпохи. Поход за такой покупкой становился для многих неординарным, запоминающимся событием[111].

К середине 1950-х годов советская елочная игрушка стала в СССР явлением обычным и широко распространенным. Начиная с 1947 года 1 января было объявлено нерабочим днем. Елки устанавливали повсеместно: во дворцах и домах культуры и в театрах, на предприятиях и в учреждениях, в школах и домах пионеров, на городских площадях, во дворах, скверах и парках. Украшали их обычно крупными, ярко раскрашенными фанерными игрушками и электрическими гирляндами из разноцветных лампочек. На центральных городских площадях вокруг елок располагались столь же ярко разрисованные домики — ларьки, где велась торговля елочными украшениями. Это была своеобразная попытка воспроизвести «детские домики», столь характерные для ландшафтного дизайна дореволюционной помещичьей усадьбы[112]. Особенно много празднично украшенных елок было установлено на площадях и в парках советских городов накануне нового, 1950 года — сразу после бурных

и помпезных торжеств по случаю 70-летия Сталина[113]. Елку, зажженную в Большом Кремлевском дворце в 1954 году, украшало 20 тыс. игрушек[114]. Однако уровень и качество «украшенности» домашних елок в первое послевоенное десятилетие разительно отличались друг от друга, что являлось следствием неоднородности и дифференцированности самого советского общества («мы ходили друг к другу на елки... самая хорошая елка была у этой богатой девочки...»[115]). Поэтому именно общественные елки символически уравнивали детей, заставляя на короткое время забывать об уровне материальной обеспеченности их родителей. Этот факт подчеркнул один из интервьюируемых, вспоминая детские публичные елки 1950-х годов в Казани: «Из детства мне особенно запомнились новогодние каникулы. Родителям на работе выдавали билеты, и мы за время каникул по несколько раз ходили на елку, где, помимо подарков, которые были для нас большой редкостью, всем раздавали всевозможные маски и шапочки. Я считаю, что у нас было счастливое детство. Все жили примерно одинаково, не было зависти»[116].

Во второй половине 1950-х — в начале 1960-х годов «политическая» елочная игрушка отчасти вытесняется игрушкой «бытовой», основанной на советских представлениях о красоте, что было обусловлено общей тенденцией

Вверху:

Профессорская елка 1953 г. в Казанском университете. Вместо игрушек на елке висят книги. Карикатура в многотиражной газете КГУ «Ленинец». 1953

к эстетизации мирной жизни и домашнего уюта. По словам Светланы Бойм, «послевоенные герой и героиня устали от вечного воздержания, умеренности и героического аскетизма предыдущего поколения»[117]. На советских елках появились игрушечные самоварчики и чайнички, кувшинчики и кофейники, вазы и корзиночки с конфетами, будильники, люстры и настольные лампы. Однако это отнюдь не означало, что игрушки, пропагандировавшие силу и могущество СССР, ушли в прошлое. Одной из самых популярных тем при производстве елочной игрушки в этот период становится тема покорения космоса. Елки рубежа 1950–1960-х годов украшали фигурки космонавтов, спутники, ракеты, ракетообразные пики, шары и двусторонние флажки с рисунками на космические темы. И даже фигурки «просто детей» чем-то неуловимо напоминали отважных покорителей космоса.

Со второй половины 1940-х годов стали производиться верхушки для елки в виде Спасской башни московского Кремля — значение такого символа было очевидно и не нуждалось в комментариях[118]. Тогда же художницей Б.А. Марковой была разработана елочная игрушка «Салют», изготавливаемая из мишуры. Она представляла собой ту же Спасскую башню Кремля, окруженную дугами-лучами с разноцветными звездочками салюта, сделанными из целлофана[119]. Новой елочной игрушкой того времени стали елочные ватные «пряники», предложенные к производству художницами Н.И. Юркевич и Е.М. Беляковой, на лицевой стороне которых имелись рельефные изображения безымянных советских героев и различных сюжетов из славного героического советского прошлого, например, «Доярка», «Чапаевец», «Красный обоз» и др.[120]

Много производилось в этот период игрушек на «сельскохозяйственную тему»: морковь, помидоры, луковки, огурцы, стручки гороха, снопы пшеницы, лимоны, яблоки, груши и, конечно, «царица полей» хрущевского периода — кукуруза.

В елочных игрушках нашли свое отражение изменения в международной ситуации и роль и место СССР на международной арене. В начале 1950-х годов, например, стали производиться елочные украшения, связанные с «китайской» тематикой: китайские фонарики, шарики с надписью «Москва — Пекин», шары с изображением Мао Цзэдуна, представляющие сегодня редчайшие коллекционные экземпляры[121].

Игрушки, украшавшие в 1950-е годы домашние елки, действительно были и многочисленны, и многообразны, о чем свидетельствуют воспоминания о елках тех лет:

> Грозный боярин с длинной темной бородой, в красном кафтане, отороченном мехом, с посохом в руке, строго глядел на боярыню в полушубке. Девочка в теплом голубеньком пальто, в котором ходили еще в конце

1
2
3
4
5
6

> девятнадцатого века, держала пряничного петушка. Рыже-золотая белка грызла свои орешки, сидя на металлической прищепке. Цыпленок почему-то часто повисал вниз головой, переворачиваясь на своем зеленом зажиме. Белые малюсенькие медвежата, подвешенные к крючкам стеклянных парашютов, отважно зависали над деревянным полом. Прозрачный красного стекла самолет играл огоньками-бусинками. Трехцветные светофоры вертелись на своих ниточках и отражались в разноцветных шарах, каждый из которых был один другого больше. Многочисленные орешки, фрукты и овощи, которые присутствовали в те времена на столе только в строго отведенном для них сезоном времени, дружно радовали глаза, но не желудки. Особенно вызывающе вел себя зеленый огурец. Его запах не присутствовал на новогоднем столе, но его лицезрение все время вызывало желание порезать его в салат… Последние штрихи в наряд лесной красавицы вносили стеклянные бусы, мишура, флажки и гирлянды. Под елку ставился Дед Мороз в одеянии из гофрированной бумаги и веточкой-посохом в руке. На самом верху… сияла большая рубиновая звезда, и разноцветная электрическая гирлянда с лампочками размером, похожим на те, что сейчас служат в домашних холодильниках, ровно и не мигая, горела, радуя своим великолепием[122].

В рассматриваемый период произошли существенные изменения в технологии производства елочных игрушек. В 1930–1950-е годы большинство из прежних технологий сохранилось, но несколько модифицировалось. Кроме того, произошли изменения в приоритетности материалов. Например, начиная с 1930-х годов вата постепенно вытесняет папье-маше. С 1950-х — начала 1960-х годов в обиход входят нейлоновые игрушки, изготовленные из синельной пряжи, а также изделия из пластмассы. Картонажные игрушки становятся как монохромными, так и полихромными, но в целом по-прежнему востребованными, позволяющими легко и быстро материализовать новые советские символы и образы[123]. Разнообразные стеклянные шары и фигурки украшаются перламутром, цветным лаком, слюдой, расписываются вручную и по трафарету, на них наносится одно- и многоцветное напыление. В послевоенный период в росписи елочной игрушки стали применять люминофоры — светящиеся краски. Кроме того, в 1948 году практически во всех артелях был введен новый, единый способ серебрения елочных украшений — более

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Спутник; цветной лак; 1950-е гг. 2. Самолет; цветной лак; 1940–1950-е гг. 3–6. Елочные украшения из Богемии (справа) и отечественные монтированные стеклянные изделия (слева): подвеска «цветочная корзина», корзинка с фруктами (цветной лак, роспись; 1930–1950-е гг.), подвеска «венок с жуком» (ручная роспись), мельница (цветной лак, напыление; 1930–1940-е гг.)

технологичный и менее вредный[124]. Начали производиться игрушки на прищепках.

В 1950-е годы стеклянную елочную игрушку стали производить не только в столицах, но и в провинции, например в Казани. Известно, в частности, что рабочие стекольного завода в пригородном поселке Васильево делали небольшие партии елочных украшений для сбыта, а также для себя, своих родных и знакомых. Начиная с 1960-х годов электрические гирлянды с лампочками из стекла изготавливали в цехах ширпотреба целого ряда казанских предприятий.

В 1950-е годы большой популярностью пользовались монтированные стеклянные изделия — русская модификация елочных украшений из Богемии. Они представляли собой соединенный стальной или медной проволокой стеклярус, монтированный в разнообразные, обычно геометрические формы. Это были и различные декоративные подвески (цветочные корзины, венки, звезды, цветы), и изображения предметов обихода и быта (стулья, столы, качели, люстры, велосипеды, сумочки и пр.), а с конца 1950-х годов — спутники и ракеты. В связи с тем, что эти игрушки по внешнему виду чем-то напоминали люстры, их иногда называли «дворцовыми люстрами».

Постепенно стеклянные елочные украшения стали вытеснять и даже замещать изделия, изготовленные из других материалов.

Однако несмотря на очевидные успехи, достигнутые в области производства и усовершенствования советской елочной игрушки, фактически вплоть до 1970-х годов на советских елках по-прежнему оставалось еще много немецких и отчасти чешских игрушек, как сохранившихся с дореволюционных времен, так и ввезенных в страну позднее, особенно после окончания Второй мировой войны. Импортные игрушки считались лучшими, и их было сложно достать. Одна из моих коллег вспоминала, что, когда ей было пять лет, в середине 1960-х годов, ей подарили большую коробку немецких стеклянных елочных украшений. Она рассказывала, с каким трепетом открывала ее каждый раз, как любовалась ими, как боялась разбить, зная, что таких игрушек у нее «уже никогда больше не будет»[125].

Хрущевская «оттепель» породила новые эстетические каноны, куда следовало «вписать» и советскую елку. Причем «вписать» в самом прямом смысле этого слова: строительство хрущевок, развернутое на основании постановления Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства СССР» (1957), и курс на «минимализацию» советского жилья потребовали экономичного использования пространства советской квартиры. Мода на минималистскую эстетику нашла свое отражение в наборах мини-игрушек, которыми украшали ставившиеся на стол мини-елки, обычно искусственные. Такие игрушки были популярны и востребованы вплоть до конца 1960-х годов. Елка старого образца в свете идеологического движения за «новый быт» часто расценивалась как нечто мещанское и рудиментарное. Она стилистически

не соответствовала новому минималистскому интерьеру, да и просто не помещалась в маленьких «хрущевских» квартирах с их низкими потолками.

Со второй половины 1960-х годов производство елочных игрушек в СССР было поставлено на поток[126]. Произошел переход от полукустарного к машинному изготовлению елочных украшений. Он сопровождался внедрением новых технологий и материалов (пластмасса, поролон), максимальным упрощением ассортимента и постепенным переходом от игрушки тематической к игрушке абстрактной. С развитием фабричного производства и приходом моды на минимализм и авангард советские елочные украшения максимально стандартизировались и утратили свое художественно-стилевое своеобразие. Советская игрушка теряла свою уникальность и в форме, и — во многом — в содержании. Со временем она перестала отражать и пропагандировать уникальный советский исторический и политический опыт и утратила свое значение в качестве одного из существенных инструментов советских воспитательных практик. В 1970-е годы игрушки с явной советской символикой уже не производились. В 1980-е годы прилавки советских магазинов были завалены типовыми серийными игрушками, не отличавшимися оригинальным дизайном, — шариками с золотым и серебряным напылением, разноцветными шишками, как бы обсыпанными снегом, сосульками, колокольчиками.

О подлинном возрождении елочно-игрушечного производства в нашей стране можно говорить лишь применительно к рубежу 1990–2000-х годов, когда произошел возврат от использования стеклодувных автоматов к ручному уникальному способу выдувания игрушек, наполнению их определенным смысловым содержанием и использованию лучших традиций отечественного народного промысла.

Однако по своему убранству елка еще долгое время продолжала оставаться «советской», и, как это не парадоксально, в частной сфере гораздо дольше, чем в публичной. Комплекты игрушек, которыми украшались общешкольные елки или елки в домах пионеров, постоянно и существенно обновлялись; они были более подвержены требованиям елочной моды, скажем моды 1970-х на однотипные шары, сосульки и шишки. Кроме того, на больших елках трудно было что-то рассмотреть — главным оказывалось «общее» впечатление. Это «общее» впечатление складывалось как из сознательно и целенаправленно заложенных в елочное убранство идей, значений и смыслов, так и из умения, желания и возможности их «прочитать», осмыслить, присвоить и понять. Именно поэтому проблема интерпретации елочной игрушки как текста представляет собой одну из важных исследовательских задач.

ГЛАВА 5

Советская елочная игрушка как текст: проблемы «написания», «прочтения» и интериоризации

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Владимир Соловьев. 1892

Известно, что каждая культура наделяет вещи своим смыслом и, соответственно, имеет «свою "картину" их образов»[1]. Образы вещей в разных культурах и их прочтения могут быть идентичными, накладывающимися, совпадающими, а могут существенно отличаться и даже прямо противоречить друг другу. Создатели вещей (в самом широком смысле этого слова) в той или иной степени всегда стремились заставить потребителя увидеть и «прочитать» за «инструментальностью» вещи некое предписанное и приписанное ей символическое значение. В наивысшей степени это касалось тех предметов, которые были семантизированы изначально, тех вещей, чья знаковая, «духовная» сущность оказывалась гораздо более важной, чем сущность «вещная», материальная[2]. К этой категории вещей, без всякого сомнения, могла быть отнесена и елочная игрушка как неотъемлемая часть рождественского/новогоднего ритуала, которая организовывала новогоднее/рождественское пространство в его «вещном» измерении. Елочные игрушки как бы «встраивали» елку в пространство праздничной культуры благодаря высокой степени символичности, которую невозможно было оспорить и сложно чем-либо заменить[3].

Елочная среда со всеми присущими ей компонентами всегда выступала как объект сознательного моделирования и достаточно жесткого властного управления и по существу являла собой прямое отражение и воплощение политико-воспитательных канонов, норм и практик. Однако те, кто покупал

На соседней странице:

Аэростат; стекло, цветной лак; 1930–1940-е гг. Из коллекции Л. Блатт

елочные игрушки, украшал ими елку, разглядывал их, отнюдь не следовали указаниям слепо. Они прочитывали елочный текст по-своему, по-своему его интерпретировали, наделяли его своими собственными смыслами и значениями. При восприятии и «прочтении» елочной игрушки действовал особый «механизм избирательности», когда люди упорно не замечали того, что, по мнению устроителей елки, они должны были увидеть, и видели то, чего никто от них не ожидал. Особенно отчетливо это просматривалось в случае с детским пониманием елочно-игрушечного текста.

Исходя из всего вышесказанного, изучение елочной игрушки требует рассмотрения ее по крайней мере в двух неотделимых друг от друга ипостасях. Во-первых, как вещи (с особым акцентом на вопросах ее использования) и, во-вторых, как символа (с особым акцентом на вопросах ее смыслового наделения и «прочтения»), поскольку именно благодаря символам идеи создателей елочной игрушки становились во многом видимыми и узнаваемыми. Такой подход позволил бы показать не просто «то, что символизирует или значит вещь» (в нашем случае — елочная игрушка), а то, «как, когда и почему она это символизирует, выходя за границы своей утилитарности и становясь органичной частью духовного пространства»[4].

Советская елочная игрушка была многофункциональна по своему назначению и сложна по своему содержанию, неся в себе явное или скрытое познавательно-образовательное, художественно-эстетическое, семантико-семиотическое и оценочно-идеологическое начало и представляя собой особый тип нарратива. По происхождению своему это могло быть и официально одобренное изделие, отражающее образовательно-воспитательную политику и образовательно-воспитательные стандарты, и самодельный образец, воплощающий семейные, домашние воспитательные установки и ценности. Этот текст был массовым не только в «бытовом» смысле этого слова (что достигалось широчайшим тиражированием, приобщенностью к нему практически каждого и сильнейшим влиянием его на массовое сознание), но и в классическом источниковедческом понимании (что обуславливалось его стандартизированностью по языку самовыражения, характеру содержащейся в нем информации и особенностью функционирования его в культуре). Своей «массовостью» советская елочная игрушка разительно отличалась от игрушки дореволюционной, ориентированной на избранных. Это был достаточно однородный, выдержанный по стилю текст, который при внешней фрагментарности каждого из его «высказываний» складывался на елке в законченное, целостное повествование. Это, конечно же, был визуальный текст, но с некоторыми вербальными элементами. Однако подчас лишь одно-единственное слово сразу наделяло елочную игрушку особым смыслом (как, например, надпись «СССР» на борту советского игрушечного аэростата). И, наконец, это, безусловно, был

закодированный текст, где соотношение тайного и явного, эксплицитного и имплицитного могло бесконечно варьироваться в зависимости от того исторического контекста, в который эта игрушка была встроена, и той конкретной историко-политической ситуации, которой она была порождена.

Как объект «прочтения» елочная игрушка содержала в себе не менее трех видов информации: содержательно-фактуальную (факты), содержательно-концептуальную (идеи) и содержательно-подтекстовую (подтексты)[5]. Особую трудность представляла расшифровка подтекстовой информации, возникающей благодаря способности елочной игрушки порождать дополнительные смыслы путем разнообразного и своеобразного сочетания ее визуально-символических характеристик. С другой стороны, сложность предметной организации самого «елочного» пространства также неизбежно оборачивалась сложностью и многокомпонентностью его смыслового поля.

Полиглоссия елочного текста предусматривала применение особых методов и приемов его транскрибирования и интерпретации. Эти методы могут быть рассмотрены на примере формирования «сверху» и восприятия «снизу» советского визуального елочного канона как некоего официального идеологически оформленного визуального образа. Этот образ оказался закрепленным как в вербальных, так и в визуальных текстах, причем как во «взрослых», так отчасти, хотя, к сожалению, в несоизмеримо меньшей степени, в «детских». «Взрослые» тексты были приоритетны при рассмотрении проблемы выстраивания советского елочного нарратива и предлагаемых властью путей, способов, методов и методик его прочтения. «Детские» тексты отражали специфику детского «прочитывания», детской «оптики» как особого способа освоения елочного визуального текста и создания идентичных или альтернативных его аналогов, но уже «детского» происхождения. (Этой же цели, кстати, могли служить и взрослые тексты-воспоминания о детстве, где «детское» отношение к елочной игрушке реконструировалось уже с позиций взрослого опыта[6].) В этой связи достаточно широко употребляемая в современном исследовательском дискурсе практика «разглядывания» источника, когда визуальный текст прочитывался подобно «телесной партитуре» (Р. Барт, Т. Дашкова, В. Подорога, М. Ямпольский и др.[7]), оказалась приемлемой лишь с определенными уточнениями и ограничениями, поскольку «увидеть» елку следовало глазами ребенка. Неоценимое значение наряду с детскими вербальными текстами приобретали детские рисунки на «елочную» тему, в общем-то достаточно стандартного вида, но вместе с тем и с особой, узнаваемой стилистикой.

На примере той же елочной игрушки становится совершенно очевидной актуальность проблемы изучения ребенка как «продукта» визуального конструирования и как субъекта визуальной культуры. Ведь именно визуальное на протяжении достаточно долгого времени является основным способом

детского познания и приобщения ребенка к окружающему миру. Позднее визуальное частично вытесняется и замещается вербальным, но при этом в целом сохраняется. В отдельных случаях оно вновь выходит на первый план, поскольку одним из характерных свойств детского восприятия и детской памяти является эйдетизм — способность к запечатлению и сохранению наиболее ярких, наиболее наглядных, в первую очередь зрелищных образов.

В своих воспитательных стратегиях и практиках советская власть не раз пользовалась услугами визуального как одного из самых доступных и массовых, согласно ее представлениям, способов обретения советскости и для взрослой, и для детской аудитории. Безусловно, при обращении к каждой из этих категорий зрителей существовала своя специфика, но некоторые подходы успешно срабатывали в обоих случаях. Таковыми оказались, например, «новые» советские революционные празднества 1920-х годов. Их достаточно синтетичная, зачастую уходящая корнями в прошлое, но заговорившая новым языком визуальная символика оказалась понятной и успешно воспринимаемой как детьми, так и взрослыми. Этот опыт был востребован и удачно применен в случае с возвращением в середине 1930-х годов рождественской/новогодней елки (и ее атрибутов, в том числе елочной игрушки). Именно детям принадлежала особая роль в процессе трансляции новой советской праздничной культуры в российские семьи и «осовечивания» старого рождественского праздника. В воспоминаниях находим примеры того, как в некоторых семьях взрослые не хотели зажигать елку в Новый год, оттягивая этот момент до Рождества, то есть до 7 января. Но дети, увидев зажженные накануне Нового года общественные елки, не желали ждать этого события целую неделю и ломали сложившиеся домашние правила, традиции и стереотипы[8]: «Наша елка восхищала не всех. Очень неодобрительно смотрела на нее соседка по коммунальной квартире, и всякий раз объясняла моим родителям, что негоже наряжать елку так рано до наступающего Рождества. Ее елка, покорная и связанная, стояла на террасе нашего деревянного московского дома и ждала своего дня. И только шестого января, скромно украшенная, но зато с живыми свечами, она воцарялась в углу комнаты соседки до наступления, как та говорила, настоящего Нового года»[9].

Суть новой елочной игрушки была заложена не столько в ее внешнем виде и форме, сколько в ее смысле. Выстраиваемый на елке предметно-образный ряд, состоящий во многом из достаточно традиционных, привычных предметов, должен был отныне заключать в себе новый символический смысл и новые символические функции, направленные и на отторжение былой религиозной традиции, и на воплощение советского имперского дискурса. Между тем символ «всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее»[10]. Мало кто из находившихся на елке задумывался над тем, что советские елочные украшения имели своих прямых рождественских

Дореволюционная рождественская и советская новогодняя открытки

предшественников с глубокими библейскими корнями: Вифлеемская шестиконечная — красная пятиконечная звезда; яблоки — шары с изображением советской символики; фигурки ангелов — фигурки красноармейцев, пионеров, пионерок и т. д. Скрытая символическая преемственность, невысказанный смысл воссозданного на елке образа нового советского рая был понятен немногим. Связи между «старой» и «новой» елочной игрушкой были достаточно сложны и многослойны, и их нелегко было угадать. Для детей скрытый смысл елочной игрушки был слишком сложен, в том числе и в силу прерывания традиции — ведь для большинства мальчиков и девочек елки второй половины 1930-х годов были, по их собственным словам, первыми в жизни[11]. Многие дети вообще не знали, что такое елка: «Дети говорили: “Елка в лесу?” Когда педагог объяснил, один ребенок сказал: “Первый раз слышу, чтобы на елке росли игрушки”»[12]. «Приближался 1935 год. В СССР возобновили обычай устраивать новогодние елки. Я еще тогда не знал, что это такое. Мне решили сделать сюрприз. У соседки был куплен старинный набор заграничных елочных игрушек… и я увидел доселе невиданное зрелище», — сообщал в автобиографических записках, составленных спустя много лет после описываемых событий, их автор[13].

Советские средства массовой информации также заостряли особое внимание на «новизне» и «непривычности» возвращенного праздника («никогда еще дети не видали ничего подобного»[14]). Это был удачный способ обозначить и зафиксировать разрыв между «старой» и «новой» праздничной культурой. «Глаза разбежались у Жени Крыловой. Мать ее, работница фабрики Мосбелье № 4, иногда рассказывала Жене о елках. Правда, сама она знала о елках больше со слов других. А сейчас Женя собственными глазами видела настоящую елку. Больше всего ее привлекали игрушки. Их было такое множество, что Женя

Образцовая елка.
Мурзилка. 1937. № 12

сначала просто растерялась. Освещенные электрическими лампочками, висели на елке большие шары, сверкали разноцветные звездочки, покачивались наряженные куклы»[15]. Речь идет о новогодней елке 1936 года, поэтому не удивительно, что перечень украшений весьма скуп и не все они вполне елочные.

Необходимость быстрого внедрения образа новой советской елки порождала исключительное многообразие путей, по которым происходило тиражирование этого образа, его утверждение и легитимация: через елочный ритуал и подготовку к нему (изготовление игрушек-самоделок), на уроках письма и рисования (написание сочинений, детских рассказов и стихов о елке, создание рисунков на новогоднюю тему), через сценарии елочных праздников и специальные методические разработки по их проведению, в том числе и по методике украшения елки, разработанные Наркомпросом, через пропаганду образа новой советской елки в средствах массовой информации, через новогоднюю открытку, через государственные заказы на изготовление елочных украшений

В. Климашкин. Читайте и выписывайте детские журналы. Плакат. 1940. Из альбома: Дети — наше будущее. М., 2007

и освещение производственных процессов по выработке елочной игрушки в периодической печати, через проведение конкурсов на лучшую елочную игрушку и систему поощрений и наград и пр. Так, например, журнал «Советская игрушка»/«Игрушка» в разделе «Хроника» достаточно регулярно сообщал об организации такого рода конкурсов, приуроченных обычно к новогодним праздникам, и об образцах, удостоенных наград: «В артели им. Шаумяна Мосгоркультигрушсоюза закончился конкурс на образцы ватной елочной игрушки. Первое место получили фигурки “Турист” и “Милиционер”. Премии удостоены были фигурки “Медицинская сестра” и “Девочка-колхозница”. Отмечены были также такие “военные” елочные игрушки, как “Мотоциклист”, “Танк” и “Военный истребитель”»[16].

Огромную роль в процессе приобщения к новой елочной игрушке призваны были сыграть новогодние литературные тексты для детей, в том числе и тексты «пуерилистские», упрощенные. Это были тексты, написанные, как

правило, профессиональными писателями и поэтами для детей, про детей и часто — от имени детей, с применением характерного детского стиля письма[17], и претендующие на особую «правдивость» и «искренность» в передаче детского восприятия увиденного на елке. Посредством языкового «пуерилизма» властный дискурс облекался в близкие и понятные детям простые и доступные языковые формы. В этих текстах легко прочитывались властные ожидания в отношении елки и елочной игрушки. Многие из таких текстов публиковались в советских детских журналах, выходящих значительными тиражами и широко пропагандируемых среди детей и их родителей. Так, на плакате В. Климашкина «Читайте и выписывайте детские журналы» (1940) изображен не кто иной, как Дед Мороз, несущий в качестве новогодних подарков детям журналы «Чиж», «Мурзилка», «Костер», «Дружные ребята», «Затейник» и другие[18]. Таким образом, традиционный елочный образ был не только политизирован, но и коммерциализирован, хотя такая коммерциализация, конечно же, не шла ни в какое сравнение с появившимся в тот же период на Западе плакатом с изображением Санта-Клауса с сигаретой в зубах как части рекламной кампании по продвижению канадских сигарет «Craven A».

Среди текстовых форм репрезентации советской елочной игрушки особая роль уделялась елочным сценариям. Клишированные фрагменты, доступная художественная форма (часто — стихотворная, причем в сценарии обычно включались стихи известных советских детских поэтов), широкое тиражирование делали эти тексты необычайно удобными для массового распространения образа нового елочного украшения.

Некоторые стихотворные тексты были ориентированы на показ советского елочно-игрушечного изобилия:

Фонарики, огоньки,
Золотые светляки,
Пушки, хлопушки,
Мельницы, вертушки,
Уточки, дудочки,
Леденцы, бубенцы,
Два козла, три овцы,
Орех больше всех,
Всем орехам — орех!

Е. Тараховская. Елка, елка, елочка…[19]

Однако большинство сценариев новогодних праздников включало в себя более четко прописанный образ «освеченной» елки, где игрушки старого образца мирно уживались со знаковыми игрушками новой советской эпохи:

Вот здесь орехи, шишки, шарики,
Морковки, ягодки, грибки.
Посветите нам, фонарики, —
Золотые светляки.
А еще есть хлопушки, трещотки,
А там наверху — самолет,
А здесь корабли и лодки —
Весь океанский флот.

Елка. Репертуарный сборник[20]

В качестве обязательного элемента елочного убранства эти тексты пропагандировали укрепленную на макушке звезду («над самой над макушкою — огромная звезда», «на ветвях висят хлопушки и звезда горит на ней», «серебром звезду зажег добежавший до верхушки самый смелый огонек»[21]), чаще — красную («а под красною звездой дождик блещет золотой»[22]), но не всегда. В предвоенных методических указаниях, посвященных украшению елки, обычно рекомендовалось размещать на ее верхушке красную или серебряную пятиконечную звезду[23]. После окончания Великой Отечественной войны предлагалось увенчать советскую елку-победительницу, внесшую свой вклад в разгром врага (детям

«Елка победителей». Мурзилка. 1943. № 11–12

объяснялось, что своими густыми ветвями она укрывала разведчиков и партизан), в подражание высшей правительственной награде — золотой звездой:

Победа!
Разбиты враги навсегда!
Зажглась на груди
У героев звезда.
Теперь на вершинку
Лесную, простую
Тебе мы повесим
Звезду золотую»

Е. Трутнева. Золотая звезда[24]

Описания и изображения богато украшенной рождественской елки в Сокольниках («монтер Володя провел проволоку для освещения елки и подвесил к веткам электрические лампочки… елка была уже убрана. Все игрушки делали сами ребята. Тут были и медведи, и зайцы, и слоны. А лучше всех был румяный Дед Мороз с белой бородой; сидел он на елке — на самой верхушке»[25]) и в Горках составили неотъемлемую часть советской детской «ленинианы»[26].

Образ новой елки также обязательно присутствовал в советских стандартных букварях[27].

Что касается взрослого производителя и потребителя елочной игрушки, то в выработке и формировании его вкусов большую роль играли как специализированные (например, журнал «Искусство», «Декоративное искусство в СССР»), так и массовые периодические издания, особенно женские («Работница» (с 1914 года), «Крестьянка» (с 1922 года), «Общественница» (1936–1941), «Советская женщина» (с 1945 года) и др.), содержащие «инструкции» по изготовлению елочной игрушки и украшению елки.

Как отмечал Ролан Барт, продукты подражательных искусств всегда включают в себя два сообщения: «денотативное, то есть собственно аналог реальности, и коннотативное, то есть способ, которым общество в той или иной мере дает понять, что оно думает о ней»[28]. Позитивные коннотации, определяемые высокими возможностями приспособления советской елочной игрушки для текущих нужд воспитания, присутствовали не только в ее описании, не только в речи, но в первую очередь в самом ее образе, ее риторике. И этот образ следовало правильно воспринять. Визуальный синтаксис елочного нарратива был достаточно сложен и требовал предварительной подготовки для последующего прочтения.

Учитывая особенности детского восприятия, советская елочная игрушка должна была быть очень зрелищна, что достигалось за счет яркости, красоч-

ности, «удивительности» елочных украшений[29], и в то же время максимально доступна, что осуществлялось за счет простоты и узнаваемости образов (обычно — путем типизации и обобщения). Не случайно среди игрушечных образов советской елки было так много детских, а елочные «взрослые» — красноармейцы, матросы, милиционеры, колхозники, позднее — космонавты — часто выглядели как переодетые дети. Они отличались и детским телосложением, и детским выражением лиц («кукольные» лица), и «детскостью» одежды (даже «форменная» одежда взрослых была стилизована в данном случае под детскую). Таким образом, образы «елочных» детей были начисто лишены какого-либо дискриминационного содержания. Напротив, в елочной иерархии они занимали самые почетные места, потеснив и вытеснив оттуда взрослых, что вполне соответствовало общим установкам советской политической пропаганды, стабильно и неоднократно использовавшей и эксплуатировавшей детские образы в своих целях. Выглядевшие довольно реалистично, елочные дети и младенцы, с одной стороны, воплощали собой миф об уже существующем идеально счастливом советском детстве, а с другой — представляли собой некие показательные образцы, на которые следовало равняться и которым следовало подражать.

В соответствии с тогдашними воспитательными стандартами большинство елочных детей выступали не пассивными наблюдателями всего того, что происходило вокруг них, а активными участниками, «оснащенными» атрибутами их деятельности — санками, коньками, лыжами, книгой, лопатой, куклой и т. д. Пассивная созерцательность как способ времяпрепровождения и отношения к действительности на советской елке не пропагандировалась и не поощрялась.

Если советская культура елочной игрушки и отдавала приоритет каким-то возрастным категориям, то это, безусловно, были ребенок и старец (Дед Мороз, пушкинские Старик из «Сказки о рыбаке и рыбке» и Царь Салтан и др.)[30] Что касается гендерной принадлежности образов елочных игрушек, то они могли быть симпатичны и привлекательны (как привлекателен может быть маленький ребенок) и при этом абсолютно асексуальны. «У нас кукла есть образ ребенка, нашего ребенка… а не буржуазной "барышни"», — писала ученый секретарь Комитета по игрушке Е.А. Флерина в 1936 году[31]. Эта установка полностью распространялась и на елочные «кукольные» фигурки.

Мужчине следовало присутствовать на елке прежде всего в качестве воина — прошлых веков (богатыри в кольчугах) или современного[32]. Вырабатывавшийся в то время в СССР мужской идеал был близок к такому «милитаризированному» образу здорового, атлетически сложенного мужчины, готового ко всему (кроме эротики, которая из идейных соображений жестко табуировалась), некоего советского супермена, достойно выходящего из любой кризисной ситуации. Образ такого человека — «красноармейца, краснофлотца,

1
2
3
4
5
6
7
8

милиционера, физкультурника, летчика» — вел ребенка, по мнению советских педагогов, «от самых простых, узкосемейных и бытовых картин к воспроизведению жизни коллектива, к широким общественным событиям и явлениям, к ярким героическим эпизодам нашей жизни»[33].

Весьма востребованы в связи с высокой степенью их узнаваемости оказались и персонажи русских народных сказок, и популярные герои советской детской литературы. «Надо иметь нам такие игрушки, которые должны быть на каждой елке, — писал один из идеологов «новой» елки С. Базыкин, — которые были бы так же характерны и популярны, как "Крокодил" или "Тараканище" Чуковского»[34]. Недавняя реабилитация сказки в советских воспитательных практиках оказалась тогда весьма своевременной, поскольку «сказочность» отныне расценивалась как одна из основных характеристик новогоднего дерева: «Елка сказочна. На ней бывает то, чего никогда не бывает»[35].

Существенная роль в понимании новой елочной игрушки отводилась ее «очеловечиванию». Антропоморфна была и сама елка, которая «пляшет, словно комсомолка»[36], и елочные игрушки, которые «оживали» в новогодних сценариях и становились вместе с детьми полноправными участниками советских новогодних праздников[37]. Здесь «танцевали», «пели» и «рассказывали стихи» советские военные корабли и елочные бусинки, шишки, снежинки и хлопушки и даже коробки с подарками. Соответственно, к сценариям прилагались тексты и ноты елочных песенок и выкройки костюмов «елочных игрушек»[38]. Висевшая на елке игрушка тоже не имела права молчать: в соответствии с новыми педагогическими установками она обязана была «свистеть, хрюкать, мяукать, звенеть, квакать, хлопать, кукарекать»[39].

Украшения на елке были отнюдь не случайны. Можно даже говорить о создании особой советской елочной иконографии — изображении и воплощении в елочной игрушке типичных образов большевистского политического искусства согласно фиксированному шаблону[40], правда адаптированных к детскому восприятию. При всем своем кажущемся разнообразии советская елочная игрушка если и не была полностью моностилистичной по форме, то уж точно достаточно монологичной по своему идейному содержанию. Идейно-символический смысл новой елочной игрушки мог быть выражен и явно, и тайно (скажем, красная звезда на верхушке, с одной стороны, и, казалось бы, совершенно «аполитичные» овощи и фрукты, которые на самом деле олицетворяли советское изобилие, с другой). Но явное — с учетом специфики детского восприятия и понимания — было, безусловно, предпочтительнее.

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. Советские елочные украшения из картона. 1. Белочка. 2. Петушок. 3. Дед и репка. 4. Морской конек; 1960-е гг. 5. Сестрица Аленушка. 6. Ежик. 7. Колобок и волк. 8. Тетерев. 9. Попугай

Призывая к разнообразию игрушечного ассортимента, власти одновременно требовали его унификации в соответствии с четко заложенными политическими установками. Так, в вышедшем в 1936 году пособии Наркомпроса «Елка» четко было прописано не только то, как проводить детский новогодний праздник, но и то, как должно выглядеть образцовое советское елочное дерево. Его следовало наряжать в строгом соответствии с «классово выдержанной» тематикой — предлагалось активное использование в качестве елочных украшений таких «современных» и «своевременных» образов, как стратостат, парашют, дирижабль, фабрика, военное судно, метро и др., и полный отказ от образов «религиозных» (ангелы, изображение Рождества Христова и пр.). Наряду с игрушками «классово выдержанными» допускалось и разрешалось присутствие на елке «старых» украшений (блестки, золотые звезды, звери, птицы), которые теперь уже не считались «старыми» — на новой елке они обретали новое звучание[41]. Однако подобное совмещение нередко приводило к конфликтам между педагогами и воспитателями, вкладывавшими в каждый из елочных символов свою собственную интерпретацию. Посетив накануне нового, 1936 года один из детских садов, представители Наркомпроса и Наркомздрава были страшно возмущены, увидев на елке самодельные цепи, склеенные из цветной бумаги. Они потребовали немедленно снять их со словами: «Как на советской елке, первой веселой социалистической елке, может присутствовать эмблема рабства?»[42] В свою очередь, советский педагог Е. Быковская практически в то же самое время в очередных методических рекомендациях по украшению елки усиленно настаивала на использовании в качестве украшения именно самодельных цепей, поскольку они способствовали выработке совместных навыков социалистического коллективного труда[43].

Интересно заметить также, что язык социального конфликта, столь характерный для советской визуальной пропаганды 1930–1950-х годов, был выражен на елке очень слабо. Карикатурные, «травмирующие» образы «чужих» не должны были портить облика великолепной советской елки: ведь они были действительно чужими на этом празднике жизни.

Ряд совещаний практических работников, прошедших в 1936 году в Наркомпросе, позволил обобщить опыт более чем 200 воспитателей московских детских садов по проведению новогодней елки. На его основе были разработаны рекомендации по методике «взаимоотношений» детей с елочной игрушкой (можно ли детям самим украшать елку; хорошо ли, когда дети сами делают елочные игрушки; как украшать елку; могут ли дети разбирать елку и т. д.), которые также носили унифицирующий характер[44]. «Нужно избегать ошибок», — утверждали советские педагоги[45].

Изображения «идеальной» советской елки присутствовали и в советском агитационном искусстве, в частности, на политических плакатах того времени.

Так, например, на плакате Г. Шубиной «На елке красивые звезды горят…» (1936) были изображены «счастливые советские ребята» разных национальностей на фоне богато украшенной и ярко освещенной новогодней елки. Плакат, по всей видимости, отражал новогодние реалии того времени: игрушки «старого образца» (конфеты, мандарины, звездочки, птички, рыбки, бусы, нерасписанные шары) соседствовали на елке с такими «новыми» игрушками», как пятиконечные красные звезды, самолеты разных образцов, парашюты с крохотными парашютистами, стратостаты, танки и пушки. Венчала елку огромная красная звезда. Плакат сопровождался следующим текстом: «На елке красивые звезды горят (хотя то, что действительно «горело» на этой елке, больше было похоже на электрическую гирлянду, имитирующую свечи. — *А. С.*), / Веселых подарков не счесть. / У наших счастливых советских ребят / Хорошая родина есть! / Мы пляшем, поем и смеемся сейчас, / Нам радостно жить на земле, / И все потому, что о каждом из нас / Заботится Сталин в Кремле!»[46]

Между тем основная масса граждан, приобретая елочные игрушки для своих детей, мало задумывалась над уровнем их «советскости», а руководствовалась в первую очередь степенью красоты и привлекательности елочного

Вверху слева направо:

Елка «пляшет, словно комсомолка». Поздравительная открытка.

Г. Шубина. На елке красивые звезды горят… Плакат. 1936. Из альбома: Дети — наше будущее. М., 2007

1
2
3
5
6

украшения. Поэтому «социально близкая» елочная игрушка должна была быть эстетична, должна была отражать и воплощать как властные ценности, так и потребительские ожидания. Будучи связанной скорее с эмоциональным отношением к миру, нежели с отношением познавательным[47], по своим таксономическим признакам она непременно должна была воздействовать на органы чувств маленького человека[48]. Советская педагогика, нацеленная на формирование «гармонично развитой личности», всегда подчеркивала особую значимость эмоционального фактора в процессе воспитания детей через искусство[49], и елочная игрушка оказывалась тут как нельзя кстати. В массовом сознании, в массовых представлениях и оценках образ елки обычно ассоциировался с понятием «красивая» («Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива!» — восклицал булгаковский герой[50]), вне зависимости от того, что она собой в действительности представляла, ибо «принизить» и «обидеть» елку было все равно что лишить себя важной части, практически — сути и символа праздника.

В методических указаниях по украшению елки было четко оговорено, что случаи «антихудожественного» украшения елки, когда на самое видное место вешались «коробки с настольными играми (на веревке), серые резиновые игрушки, голые целлулоидные куклы, кольца для салфеток»[51], должны быть прекращены. На елку не следовало помещать плохо склеенные, грубо вырезанные игрушки — «все должно было быть красиво», поскольку нужно было «обеспечить советским малышам нарядную, красивую елку», «новогодняя елка должна была веселить, радовать, увлекать своей сказочностью и красотой»[52]. Одной из главных положительных характеристик произведенной елочно-игрушечной продукции считался ее «привлекательный вид»[53].

Однако желаемое и действительное совпадали далеко не всегда. Дореволюционные ангелочки, феи и ангелоподобные хромолитографированные снежинки были красивы своей особой, «застывшей», кукольной красотой. Лица советских елочных фигурок часто выписывались грубо, схематично (иногда лишь тремя точками — губы, глаза), были размыты, ассиметричны и излишне типизированы. Поэтому можно говорить о некоей «обезличенности» отдельных советских елочных игрушек в самом прямом смысле этого слова. В других случаях лица кукольных человечков были выписаны очень тщательно, но выглядели грубо и вульгарно — тонкие удлиненные ниточки неестественно темных бровей, вытаращенные глаза, искривленный рот. Зачастую их отличал искусственно

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Девочка с муфточкой; папье-маше, роспись, слюда; 1940–1950-е гг., Ленинград. 2. Знайка; вата, картон, ткань, слюда; 1953. 3. Иван и Жар-птица; папье-маше, ручная роспись, ткань, слюда; 1950-е гг. 4. Поросенок из сказки «Кошкин дом»; папье-маше, роспись, слюда; 1950–1960-е гг. 5. Емеля и щука; папье-маше, ручная роспись, слюда; 1950-е гг. 6. Казачок; папье-маше, роспись, ткань, слюда; 1950-е гг.

яркий, нереальный и в своей нереальности отталкивающий — фиолетовый, темно-коричневый, пронзительно-розовый — цвет лиц и какая-то расплывающаяся одутловатость, как будто эти куколки были больны. Все это отнюдь не соответствовало приписанной им в елочном визуальном сценарии роли.

Отчасти специфика художественного решения образа советской елочной куколки была порождена и обусловлена самобытными традициями русского народного искусства, которые, по мнению теоретиков игрушечного дела, предполагали «отсутствие излишней детализации, предельную обобщенность художественной трактовки образа человека, ясность силуэта, жизнерадостность росписи и внешнего оформления»[54]. Лица дешевых кустарных кукол носили лубочный характер — их раскрашивали условно[55]. Однако хотя между народной куклой и елочной игрушкой и прослеживалась явная связь и преемственность, до совершенной формы и утонченного наивно-философского содержания русской народной игрушки советской елочной игрушке было очень далеко.

«Некрасивость» первых советских елочных игрушек объяснялась, вероятно, не только несовершенством и неразработанностью тогдашних производственных технологий. Учитывая специфику детского восприятия, особое внимание тогдашние воспитатели уделяли созданию завершенного, целостного образа советской елки, не акцентируя отдельные детали. В директивных статьях того времени, посвященных производству игрушки, можно было встретить отдельные критические замечания по поводу излишней «взрослости» кукольных лиц и призывы наделить их более «детскими» и притом «типично русскими чертами»[56]. Что следовало понимать под «русскостью», авторами этих статей не разъяснялось. Вероятно, каждому из мастеров-игрушечников эти критерии следовало вырабатывать самому. Однако в условиях развернувшейся в тот период борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством» перед Западом такие призывы были очень актуальны.

Применительно к фотографии Ролан Барт выделял следующие приемы коннотации: монтаж, объекты, позу, фотогению, эстетизм, синтаксис. Большинство из этих приемов, правда в несколько специфическом виде, обнаруживаются и в процессе создания и прочтения образа «идеальной» советской елки. Елочный монтаж осуществлялся посредством размещения елочных игрушек по отношению к самой елке (на макушке/у подножия, вверху/внизу, снаружи/в глубине и т. д.) и по отношению их друг к другу. Совершенно очевидно, что одна и та же игрушка, размещенная на верхних или нижних ветках, приобретала разный смысл, тем более в контексте остального «игрушечного» окружения. Иерархия игрушек внутри их елочного царства также постоянно менялась: прежние фавориты могли легко превратиться в аутсайдеров, а скромные обитатели нижних веток — переместиться на самые престижные позиции.

В соответствии с методическими установками Наркомпроса, расположенные на елке игрушки не должны были создавать связного сюжета. Напротив, все и вся следовало перемешать. «Самое замечательное в елке, — писал методист Наркомпроса, — это веселое содружество разнородных вещей»[57]. Последовательная наррация допускалась лишь у елочного подножия, где предполагалась детализированная реконструкция событий, эпизодов и явлений советской истории или советского быта («подвиг челюскинцев», «Красная Армия», «колхоз», «птичий двор», «советская квартира»), причем все сюжеты могли быть выстроены параллельно и одновременно: «Подножие елки — дело серьезное. Вот ледяное поле, айсберги, дома, антенна, фигурки, пароход, аэропланы — это бессмертная тема — челюскинцы. Немножко дальше зеленое поле из хвои и на поле — танки, палатки, пулеметы, пушки, фигурки, силуэты, красные флажки — любимая тема — Красная Армия». Рядом — пример нового советского уюта — комната, населенная двумя куклами и обставленная кукольной мебелью. Здесь есть шкаф, кровать, стол, на столе — кукольный сервиз, на полу — собачка из папье-маше, в углу — маленькая игрушечная елка[58].

В процессе выстраивания этих сюжетов «реальные» и «сказочные» образы успешно соседствовали: «Дед Мороз, знакомый, любимый детьми сказочный персонаж, имеет прямое право гражданства на елке. Наряду с этим традиционным типажом надо дать и наш советский любимый типаж — здорового румяного лыжника-спортсмена, конькобежца, хоккеиста и т. д.»[59] Для украшения елочного подножия настоятельно рекомендовались картинки-панорамы с изображением аэродрома, погранзаставы, «плясок красноармейцев на отдыхе» и павильонов ВДНХ[60].

Советские игрушечные елочные персонажи постепенно вытесняли своих предшественников. Например, игрушечный Дед Мороз на новой советской елке был совершенно не обязателен. «Ребята будут в большом восторге, — прописывалось в инструктивном материале, — когда увидят у подножия елки пограничников, охраняющих вместе с собакой далекую заснеженную заставу... Неплохо дать папанинцев на льдине. А Дед Мороз может быть сохранен в качестве зрителя»[61].

Предполагалось, что дети будут не только рассматривать эти «сюжетные» игрушки, но и играть ими. Образец такой игры — в «шпионов» — был представлен в методической статье на примере одного из московских детских садов: «Алик, выдвигая вперед пограничника — фигуру красноармейца... говорит: "Холодно как! Ветер какой сильный! Даже не слышно, где враги прячутся!" Выдвигает фанерную собаку: "Смотри за кустами и сугробами, может, тут где-нибудь шпион прячется". Зина двигает фигуру "шпиона" — ватной елочной куклы в платке и шубе: "Вот проберусь сейчас в СССР и буду вредить"»[62]. Затем шпиона ловят и отводят на заставу.

1
2
3
4
5

Таким образом, несмотря на все уверения, развешенные на советской елке игрушки являли собой некий «упорядоченный беспорядок» — здесь не было ничего случайного, непродуманного, чужеродного.

Усилия власти оказались не напрасными, и вскоре елка засияла светом тех символических значений, которые приписывали ей советские воспитатели. Однако «освоение» и «присвоение» елки и елочной игрушки детьми произошло не сразу и не вдруг. Об этом свидетельствуют, в частности, коллекции детских рисунков второй половины 1930-х — начала 1940-х годов, представленные в журнале «Юный художник»[63].

Вплоть до 1938 года в журнале фактически отсутствовали не только публикации детских рисунков, посвященные новогоднему сюжету, или их описания, но и профессиональные работы на эту тему, которым дети хотя бы могли подражать, — ведь быть «юным художником» в это время значило «следовать примеру взрослых советских художников»[64]. Более того, в первых номерах журнала рисунки советских детей, отражающие «подлинную жизнь страны», постоянно противопоставлялись работам детей-иностранцев, наполненных «фантастическими образами», среди которых часто встречался образ «святого Николая, приносящего в рождественскую ночь подарки послушным богатым детям»[65].

Только к концу 1938 года в журнале появляются упоминания о детских рисунках на елочную тему. Отмечается, что новогодняя елка является одним из любимых сюжетов детских рисунков, в особенности елка общественная — в школе, в клубе, в детском саду. Так, например, сообщается о некоем Феде Малинове, нарисовавшем колхозную елку, организованную для детей комсомольцами[66]. Однако изображений самой елки в журнале по-прежнему нет. Причина этого, вероятно, заключалась не столько в отстраненности рассматриваемого издания от политической конъюнктуры (чего о нем никак нельзя сказать), сколько в явной неуверенности редакционной коллегии в полном и окончательном утверждении новогодней елки в СССР: взрослые дяди и тети занимали выжидательную позицию и не слишком спешили пропагандировать елочный образ на журнальных страницах.

Собственно изображения новогодней елки появляются в «Юном художнике» только в середине 1939 года. На акварели 14-летней ученицы одной из московских художественных школ З. Лаврентьевой изображен детский новогодний праздник. Группа младшеклассников вместе с учительницей в школьном

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Дед Мороз; вата, папье-маше, ткань, мишура; 1960-е гг. 2. Снегурочка; вата, бумага, пластмасса; 1960-е гг. 3. Снегурочка; пластмасса; 1960–1970-е гг. 4. Дед Мороз; вата, папье-маше, декупаж, слюда; 1950–1960-е гг. 5. Дед Мороз; пластмасса; 1967; надпись на подоле шубы — «Московский Кремль 1967»

зале водит вокруг ярко освещенной елки хоровод. Елочные украшения лишь обозначены и просматриваются плохо — их затмевают и подавляют расположенные на елке большие, сияющие световые круги декоративного елочного освещения, перекликающиеся с летающими по залу воздушными шарами. Венчает елку столь же ярко сияющая пятиконечная звезда. К сожалению, черно-белые иллюстрации журнала не отличались хорошим качеством и потому не дают возможности составить целостное и законченное представление о степени каноничности елочного образа, воспроизведенного в этом детском рисунке. Тем не менее очевидно, что акцент сделан на елочном освещении, которое как раз и является главным украшением праздничного дерева. Звезда лишь дополняет и завершает созданный образ, придавая ему современную политическую окраску[67]. «В любом детском доме или детском саду, — комментирует этот рисунок автор сопроводительной статьи, — можно убедиться, как малыши-дошкольники жадно впитывают впечатления от новогодней елки… и с наивной непринужденностью передают эти впечатления в своих рисунках»[68]. Однако подтверждающие эту сентенцию рисунки «малышей-дошкольников» в журнале отсутствуют.

На рисунке 9-летней Тани Плигиной, представленном на Всесоюзной выставке «Наша Родина в изобразительном искусстве детей и подростков» в марте 1940 года в Москве, изображена новогодняя елка, установленная на катке детского парка. Елка расположена на заднем плане и прорисована «в общем», поэтому разглядеть развешенные на ней украшения не представляется возможным, однако и ее венчает неизменная пятиконечная звезда[69]. Как отмечали советские воспитатели, анализировавшие рисунки дошкольников, сделанные после новогодних праздников, несмотря на то что в действительности многие елки были увенчаны шпилем, дети неизменно рисовали на елочной верхушке огромную красную звезду[70].

Обращает на себя внимание и удивляет тот факт, что весьма немногочисленные, если не сказать единичные, «новогодние» рисунки детей публиковались почему-то в летних номерах журнала и начисто отсутствовали в его предпраздничных и праздничных новогодних выпусках.

В другом популярнейшем детском периодическом издании того времени — «Мурзилке» — елочная тематика впервые появляется лишь в декабрьском номере за 1937 год. Рисунок, изображающий Мурзилку с большим чемоданом, сопровожден следующим текстом: «Мурзилка раскрыл свой знаменитый чемодан и вынул два толстых учебника — “Краткий курс (sic! — *А. С.*) новогоднего елководства” и “Всемирная елкография”. “Вот, — сказал Мурзилка, — я теперь самый знаменитый елковод и елкограф. Я прочел и изучил все, что касается новогодних елок, еловых шишек, елочных украшений”». Далее он сообщает, что собрался лететь на Северный полюс, чтобы «встретить Но-

Новый, 1952 год.
Из личного архива
З.В. Поляковой

вый год вместе с Папаниным и Кренкелем»[71]. Однако этот сюжет оказывается «задавленным» опубликованными на предшествующей, первой странице журнала материалами о выборах в Верховный Совет СССР, состоявшихся 12 декабря 1937 года.

Изображение наряженной новогодней елки вместе со «знаменитым елководом и елкографом» впервые публикуется в «Мурзилке» в 12-м номере журнала за 1938 год. У подножия елки — мешок с новогодними подарками для детей: здесь и игрушечная лошадка, и кукла, и домик, и велосипед, и игрушечный поезд, и солдатик. Однако сама елка украшена «по-старому». Хотя ее и венчает красная звезда, единственным ее украшением остаются зажженные свечи[72].

В послевоенный период количество детских рисунков украшенной елки существенно возрастает, но «непрописанность» и «размытость» игрушечного

образа, особенно в акварели, остается неизменной[73]. Поэтому применительно даже к этому времени, судя только по визуальным текстам, сложно говорить о том, насколько хорошо был освоен детьми формулярный язык официальной пропаганды.

Казалось бы, образ канонической советской елки и отдельные образцы «нарушения норматива» (Ю.М. Лотман) и убегания от канона могли быть обнаружены в детских вербальных текстах. Но и здесь все обстояло не так просто.

Нет необходимости писать о том, какую огромную роль всегда занимала елка в жизни детей. «Погружение» в елку у них было очень сильным, временами — всеохватывающим. Воспоминания о елке традиционно относились к числу самых устойчивых и самых приятных детских воспоминаний и, как правило, присутствовали и в собственно детских мемориальных текстах, и в воспоминаниях взрослых о детстве. В последнем случае зачастую именно образ «елки из детства» олицетворял самое это детство как таковое. Дети самозабвенно любовались елкой, наряжали ее, веселились на рождественских/новогодних праздниках, радовались полученным подаркам. И эта нарядная елка, как «истинно детское», оказывалась для них подчас гораздо важнее всех политических событий вместе взятых: «Я помню хорошо день вступления "красных" в наш город. Выстрелы становились слышнее и чаще, но это была ружейная и пулеметная стрельба. Вдруг послышались "уханья". В ход пошли орудия. Мерно и тяжело "ухали" сорокадюймовки. Но мы, дети, не обращали на все это ни малейшего внимания. Нас занимала елка»[74]. Елка становилась, таким образом, явлением и событием, которое маркировало и фиксировало хронотоп детской жизни, подчиняя ему события «внешнего» событийного ряда.

Столь часто встречающееся в текстах детей «из бывших» противопоставление «было хорошо — стало плохо» не раз подкреплялось соответствующим ему противопоставлением счастливого старого и «плохого», «скучного», «грустного» нового Рождества. Прежде на Рождество детям «устраивали роскошные елки, дарили множество подарков и игрушек»[75]. Теперь же в лучшем случае Рождество проходило безрадостно и тускло, в худшем же сопровождалось дорогой в изгнание, побегом от наступающих большевиков, обысками, арестами, обстрелами или истеричным весельем, напоминавшим пир во время чумы[76].

Дети писали о елке, рисовали ее. Как свидетельствуют наблюдения педагогов, даже в совсем «не подходящее» для этого весенне-летнее время дети на школьных площадках играли в «украшение елки»[77]. Но детское «видение» елки никогда не было фрагментарным, и это отчетливо прослеживалось как в визуальных, так и в вербальных детских текстах.

Имеющиеся детские источники свидетельствуют о том, что елка обычно воспринималась детьми как единый, целостный визуальный текст. Не-

Новый, 1952 год.
Из личного архива
З.В. Поляковой

даром, характеризуя елочное убранство, дети обычно использовали такие обобщающие эпитеты, как елка «нарядная», «великолепная», «необычная», «сказочная», «сверкающая», «серебряная», «золотая». И действительно, основными «цветами» советской елки были красный, серебряный и золотой, хотя допускалось использование и других красок и оттенков (так, в известном стихотворении Бориса Пастернака это «стыдливая скромница в фольге лиловой и синей финифти»[78]). Очень эмоционально воспринимая елку в целом, дети далеко не всегда обращали внимание на отдельные ее детали, потому что елка скорее переживалась, чем интерпретировалась и анализировалась ими[79]. На сегодняшний день нам пока не удалось обнаружить тексты-воспоминания, написанные детьми, в которых обстоятельно и подробно описывались бы висящие на елке игрушки. В лучшем случае это были простые перечисления. Дети редко

изображали или описывали отдельные елочные украшения. Исключение делалось, пожалуй, только для все той же звезды:

Сколько новых красивых игрушек
Пред глазами блестит на виду.
Мы на елке, на самой макушке
Укрепили родную звезду!
Даже звездам на небе завидно:
Сколько б света они ни несли,
Ярче всех нашу звездочку видно
На шести континентах земли[80].

Если же изображение елочных украшений и присутствовало в детских рисунках, то оно, если можно так выразиться, было несколько «импрессионистичным»: яркие, красочные пятна, наложенные на «елочный холст», однако создающие в целом точный и правдивый образ новогоднего дерева. Чтобы показать сложность елочного облика, дети почти никогда не изображали елку неукрашенной — украшали ее хотя бы условно, стилизованы, используя для этого чистые, яркие, спектральные тона.

К сожалению, и взрослые редко подталкивали детей к пристальному рассматриванию висящих на елке игрушек. Впрочем, и здесь были отдельные исключения. Одна из моих университетских коллег, детство которой пришлось на 1960-е годы, рассказывала, что в ее семье (кстати, потомственной — еще с дореволюционных времен — семье учителей) была распространена игра, условно названная «Найди это на елке». Детям предлагалось найти на елке жирафа или стрекозу, пирамидку или корзиночку с цветами, звездочку или клоуна в красном колпачке. По мере взросления ребенка задания усложнялись[81]. Это был прекрасный способ и развития детской наблюдательности, и расширения детского крутозора.

Как свидетельствуют мемуары, и сами дети в 1950–1960-е годы играли в похожую игру. Она называлась «Отгадай, на какую игрушку я смотрю» и предполагала внимательное разглядывание елочных украшений, которых к тому времени было на елках довольно много, так что загаданную игрушку удавалось определить далеко не сразу[82].

Помимо «назидательно-воспитательного», нельзя не учитывать также и существенного влияния субъективного фактора в восприятии новогодней елки и ее украшений. В ходе «прочитывания» елочно-игрушечного текста существовало, пожалуй, столько же его дешифровок, сколько было самих «читателей».

Задача изучения предлагаемого ребенку властного елочно-игрушечного нарратива оказывается на деле гораздо более простой, чем задача исследования

его интерпретации ребенком. Причина этого кроется, вероятно, не только в том, что не все свидетельства детей о восприятии ими елки сейчас известны, но и в том, что подобных источников действительно мало. Информационный пробел до некоторой степени могут заполнить воспоминания взрослых о детстве, в том числе и сознательно вызванные. Такие «отложенные» воспоминания весьма показательны с точки зрения исследования проблем индивидуальной и коллективной памяти, но явно недостаточны и не совсем достоверны при реконструкции детского восприятия и прочтения елочной игрушки как текста. Остается только строить гипотезы, искать все новые источники, а главное — совершенствовать методику анализа детских текстов, чтобы прочитать их с максимально возможной исследовательской полнотой.

Вверху:

Из книги: Шмит Ф.И. Почему и зачем дети рисуют. Педологический и педагогический очерк. М.: Госиздат, 1924. Рисунок из коллекции Музея детского художественного творчества, Харьков. 1920–1924 гг.
Новогодний рисунок 5-летнего ребенка. 1992. Кроме украшенной елки автор пытался изобразить и символ российского государства — двуглавого орла. Архив автора.
Г. Сергеев. Новогодний праздник. Акварель. 1990-е гг. Из альбома: Московское детство: Память поколений. М., 2008

ГЛАВА 6

Красная звезда vs китайские шары. Советская елочная игрушка в современной России

Память — единственный рай,
из которого нас не могут изгнать.
Жан Поль (1763–1825)

1990-е годы принесли в Россию новую елку. Радикальные политические и экономические перемены, культурные и идеологические трансформации, произошедшие в стране в это время, не могли не отразиться на сложившейся «елочной» идеологии. На смену советской елке, «застывшей» и «закостеневшей» вместе со всем советским обществом в своем праздничном «однообразном» великолепии 1970–1980-х годов, пришла елка постсоветская — яркая, смелая, разрушающая сложившиеся каноны и стереотипы. Подверженная влиянию новейших модных тенденций, стирающая национальные границы, лояльная к проявлениям религиозности и воплощающая идеалы массовой культуры, эта «новая» елка потребовала существенной модификации своего убранства, поскольку именно оно во многом отражало присущий ей новый статус и смысл. Надоевшие советские игрушки, казавшиеся тогда явным анахронизмом, стали быстро вытесняться импортными елочными украшениями, большинство из которых составляли китайские изделия, хлынувшие на российский рынок. Казалось, что советской елочной игрушке, как и другим «советским» вещам, пришел конец и она будет востребована лишь коллекционерами.

Потеря интереса к такой игрушке во многом объяснялась тем, что в сфере потребления она прошла те же достаточно типичные стадии, которые характеризовали режимы и уровни отношения людей к вещам в СССР, а затем в постсоветской России[1]. Первоначально и, кстати, достаточно долго — с момента своего появления во второй половине 1930-х годов и на протяжении более чем четверти века — елочная игрушка была дефицитна и потому особо ценна

На соседней странице:

Елочный шар производства ЗАО «Иней». 2003. Фото Е. Сарой

Новым годом
С Новым годом!
С НОВЫМ ГОДОМ!
С Новым годом!

и тщательно хранима. К игрушкам относились бережно: в семьях накапливались целые коллекции елочных украшений, передававшихся последующим поколениям[2]. Переход к машинному, индустриальному производству елочной игрушки в середине 1960-х годов привел к появлению множества стандартизированной продукции. Такую игрушку уже не жалко было разбить или сломать и легко заменить. В советском обществе сложились массовые стереотипы потребления елочных украшений, которые, так или иначе, удовлетворялись советской экономикой. Пусть эта экономика была аскетична и практически изолирована от остального мира, пусть эти игрушки были подчас бедны и даже убоги, однако у них было одно большое достоинство — они дешево стоили, и их мог позволить себе каждый.

К середине 1980-х годов потребительские ожидания советских граждан существенно изменились. В значительной степени они были ориентированы на импортные товары, с которыми не могли конкурировать добротные и экологически безопасные, но не очень изящные и далеко не всегда красивые отечественные образцы. Товары мирового елочного рынка были теперь хорошо известны не только благодаря проникавшим в СССР западным глянцевым журналам и сюжетам зарубежной кинохроники. «По случаю» импортные елочные игрушки можно было приобрести в советских магазинах (отстояв длинную очередь или «по блату»), купить на барахолке или привезти из зарубежной поездки. Особенно хорошо знакомы с импортной елочной игрушкой были высшие слои советского общества. Поставить дома елку, украшенную заграничными игрушками, считалось особо престижным. На прилавках же вплоть до начала 1990-х годов лежали по-прежнему лишь игрушки отечественного производства. В условиях дефицитной экономики выбор их все более сужался, а качество ухудшалось: мне до сих пор вспоминается купленная в декабре 1991 года стеклянная шишка — огромная, величиной с ладонь, топорно и грубо раскрашенная, ужасно тяжелая, так что далеко не каждая еловая ветка могла ее выдержать.

В 1990-е годы с открытием торговых границ российский рынок заполонила массовая импортная, преимущественно китайская елочная продукция — красивая, дешевая, практичная (на смену бьющемуся стеклу пришла синтетика и пластмасса), подчас далеко не безопасная, но разнообразная[3]. Сам российский рынок елочных украшений составил отныне неотъемлемую часть мирового рынка, подчиненного законам конкуренции и установкам массовой культуры. Чудесным, но редким исключением среди этого китайского изобилия выглядели елочные игрушки ручной работы, изготовленные российскими

На соседней странице:
Новогодние открытки с «минималистичной» елкой и китайскими игрушками

мастерами-стеклодувами — стеклянные шары и пики с многоцветной кистевой мазковой росписью, с декоративной отделкой различными материалами; расписанные вручную деревянные украшения и др.[4] Однако производство елочных украшений в то непростое для страны время неуклонно сокращалось[5]. По словам известного коллекционера советской елочной игрушки, американки Ким Балашак, первые пятнадцать постсоветских лет могли бы войти в историю российской елочной игрушки как время господства безликих монотонных шаров и сосулек, выдержанных в строгой западной эстетике и произведенных трудолюбивыми китайцами[6].

«Нашествие» импортной игрушки сопровождалось изменением общего стиля елочного убранства, который, по существу, этой игрушкой и определялся. В елочной моде произошел резкий скачок от уютной, домашней, во многом «детской» елки к претенциозному дизайнерскому рождественскому дереву для взрослых[7], на котором яркой пестроте и разноцветью уже не было места. Безусловное лидерство захватила елка, наряженная в «европейском», монохромном стиле. Она украшалась «тон в тон» с обязательным присутствием «классического» серебристого или золотистого цвета и «классических» елочных украшений — шаров, бантов, мерцающих гирлянд. В такой елке доминировали сдержанность и лаконичность, которые тем не менее рождали ощущение стильной роскоши[8]. Популярным стал также стиль «минимализма», когда на дереве висело лишь несколько ярких шаров. Мода на елки с цветной искусственной хвоей — синей, серебряной, желтой, красной, оранжевой и даже черной — также потребовала изменения всего стиля их украшения[9].

Очевидно, что прежняя советская елочная игрушка совершенно не вписывалась в этот новый елочный стиль не только по своему содержанию, но и по своему виду.

Однако со временем минимализм и стилистическая монохромность новогоднего дерева, встречавшиеся на каждом шагу, особенно при украшении публичных елок — на открытом пространстве, в ресторанах, отелях, офисах и гипермаркетах — стали немного надоедать. Гораздо более необычно выглядела елка, украшенная в стиле ретро, будь то викторианские гирлянды из шелковых бантов или советские елочные украшения 1950-х. И если совсем недавно такая елка была в основном достоянием эстетов или представителей старшего поколения, желавшего порадовать необычными украшениями своих внуков и правнуков, то постепенно такое оформление елки все чаще стало входить в праздничный быт. Для украшения ретроелки вполне подходили как сохранившиеся старые елочные игрушки, так и игрушки винтажные — современные,

На соседней странице:

Клинские елочные украшения. 2000-е гг.

ВЫМ ГОДОМ
С Новым годом!
С Новым годом!
С Новым годом!

но стилизованные под старинные или изготовленные в полном соответствии с ретрооригиналом.

В праздничные постсоветские практики стали возвращаться и елочные украшения с «актуальной», «патриотической» и «политической» подоплекой, в плане «идейной насыщенности» едва ли уступавшие советским образцам. Например, в московские магазины елочных игрушек поступали шары с изображением государственного герба Российской Федерации, а по всей стране — шары из серии «Новогодняя Россия», расписанные изображениями русских зимних пейзажей. Наборы этих шаров и шаров «Кремли России» ЗАО «Иней» производило также на заказ. Собирателю елочной игрушки, мэру Москвы Юрию Лужкову были вручены две уникальные авторские игрушки с портретом самого мэра и патриотической надписью «Цветущая Москва, Единая Россия»[10]. По этому же пути пошли в 2004 году и украинские игрушечники, выпустившие уже массовым тиражом шары с оранжевым логотипом «Да! Ющенко». Игрушки разошлись моментально: предприниматели забирали их прямо с фабрики[11]. В канун нового, 2010 года улицы и проспекты Казани — столицы грядущей 27-й Всемирной летней универсиады 2013 года — украсили 200 гирлянд с лампочками в виде тюльпана — символа соревнований. И если подобные новогодние украшения публичного пространства, наверное, вполне приемлемы, а портреты политических лидеров на шариках, вероятно, весьма хороши на партийном новогоднем рауте, то едва ли какой-то здравомыслящий человек сегодня украсит ими елку для своих детей.

Но даже и такой очевидный возврат к наследию советского прошлого не устраивал многих наших современников. По их мнению, за богатым разнообразием и внешней привлекательностью современных елочных украшений по-прежнему скрывались безыдейность, бессодержательность и пустота. Как с горечью писал один из почитателей елочной игрушки, «современная елочная игрушка — украшение, которое ни к чему не зовет и никого не воспитывает»[12]. И сама елка, и ее украшения стали сегодня прежде всего источниками коммерческой прибыли, которой оказались подчинены и сам праздник, и его традиции, символы и атрибуты. «Рождество в XXI веке — это всемирный праздник и предмет коммерческой эксплуатации, оно касается не только миллионов христиан, но и людей, принадлежащих к другой вере или не верящих вообще. Для большинства людей, включая многих христиан, религиозное его значение погребено под внешними атрибутами века, далеко отстоящими от того, что происходило 2000 лет тому назад», — отмечал британский исследователь истории Рождества П. Хардинг[13]. Да и на постсоветском пространстве и Новый

На соседней странице:

Новогодние открытки 1960–1980-х гг.

год, и во многом даже восстановленное Рождество превратились в «праздник распродаж, подарков и сплошного джингбеллса»[14]. Показателем такой коммерциализации явились, в частности, всяческие официальные и неофициальные конкурсы на «самую» большую / маленькую / дорогую / оригинальную / необычную и т. д. елочную игрушку[15].

Коммерческой выгоде оказались подчинены и многие традиции, связанные с украшением елки. В дореволюционной России не принято было устанавливать и наряжать елку задолго до Рождества и держать ее дольше Крещения — это считалось дурной приметой. Сегодня наряженные елки появляются в крупных торговых центрах страны уже во второй половине, а то и в начале ноября и стоят здесь часто до конца января, привлекая внимание потенциальных покупателей.

Насытившись однообразными «стильными» елками и китайским ширпотребом, мы все чаще вспоминаем советскую елочную игрушку, все чаще достаем запрятанные, как казалось, уже навсегда елочные украшения 40–50-летней давности и размещаем их на еловых ветках. Современное российское общество ныне проявляет повышенный интерес к советской елочной игрушке, а некоторые российские фабрики в 2000-е годы начали выпуск фигурных игрушек и игрушек на прищепках в духе 1950–1960-х годов[16]. Причем ностальгия по советской елке оказывается удивительным образом встроена в общую ностальгию по советской эпохе[17].

Почему так происходит? В чем заключена неизбывная прелесть и притягательность советского елочного украшения? В чем причина его удивительного эмоционально-психологического и художественного долголетия? Ответ на эти вопросы, как отмечают исследователи, следует искать, вероятно, не только в быстром (а подчас и целенаправленно поспешном) размывании советской вещно-предметной среды, убыли, утрате и даже в отдельных случаях сознательном уничтожении ее артефактов и замене их унифицированными, дешевыми продуктами массового производства. Старая елочная игрушка являет собой некую «уходящую натуру», а ценители и хранители ее «удерживают» исчезающее[18].

Не меньшую роль в «возвращении» советских елочных украшений сыграла также стремительная и радикальная переоценка материальных символов и наследия советского прошлого и его самого как такового. Столь набившее оскомину «советское», превратившись в «запретный плод», неожиданно обрело свою сладость, а столь быстро уходящее отвергнутое породило естественное желание удержать его любой ценой: «Советское прошлое теперь так стремительно покрывается сусальным золотом не в последнюю очередь потому, что... следы его присутствия в настоящем со старательной точностью уничтожались: это придало ему ореол мученичества»[19]. Нестабильность 1990-х годов еще более усиливала эти «охранительные» устремления.

Помимо «охранительных» постсоветская ностальгия по прошлому миру вещей несет в себе и явно выраженные эскапистские черты. И если для представителей старшего поколения это — погружение в утешительные воспоминания об исчезнувшей сталинской эпохе, то для представителей молодого и среднего поколений — сладкие грезы «об ушедшей эпохе позднего советского прошлого». Многим она видится «идеальной эпохой безвременья, когда, казалось, не будет конца застывшим и предсказуемым практикам повседневной жизни»[20], когда сегодня все происходит, как вчера, а завтра все будет так, как сегодня: «Во всех концах страны наши соотечественники как члены одной большой семьи садятся за праздничные столы, слушают поздравления советскому народу от имени руководителей партии и правительства, под перезвон Кремлевских курантов поздравляют друг друга с Новым годом, желают здоровья, счастья, успехов в труде, учебе и т. п.»[21]

Подчас эта эпоха совпадала с годами детства и юности вспоминающих, возвращение в которые, как известно, обычно приносит массу положительных эмоций[22].

Ностальгия по советской елочной игрушке нашла свое отражение в ее широком коллекционировании и аукционной продаже, открытии посвященных ей музеев и выставок, многочисленных публикациях о ней в периодике и Интернете, в «мемориальных» блогах, в телевизионных и радиопередачах, в тех украшенных елках, которые стоят сегодня в домах по всей России. Советская елочная игрушка превратилась в антиквариат и как особо ценный и редкий предмет стала объектом собирательства и торговли[23].

Ностальгией по советскому прошлому оказались сознательно или подсознательно проникнуты и многие из собранных нами в 2008–2010 годах письменных свидетельств о елке и елочной игрушке детства более чем 130 представителей разных поколений россиян — от 20-летнего до 90-летнего возраста[24]. Воспоминания и эссе, написанные как в произвольной форме, так и в форме ответов на предлагаемые вопросы, содержали в том числе и интереснейшие рассуждения о том, какой должна быть «идеальная» елка, как и чем ее следует украшать и нужно ли это делать вообще. В этих текстах елочная игрушка была представлена как предмет потребления и как социальный маркер, как атрибут праздничных церемоний и как элемент игровых практик, а в целом — как неотъемлемый элемент российской праздничной культуры. А главным в них было то, что они позволяли хоть в какой-то степени приблизиться к решению проблемы восприятия елочной игрушки (причем преимущественно советской) как культурно-исторического феномена и проследить специфику этого восприятия представителями различных возрастных групп.

Да, конечно, к подобным воспоминаниям нужно относиться критически. В них очень силен элемент субъективности, присутствуют случаи «наложения»

1
3
5

и «смещения» памяти, когда более поздние воспоминания не только затмевают собой предыдущие, но и замещают их и при этом выдаются авторами за более ранние (примером могут служить воспоминания о первой елке и первой елочной игрушке, якобы относящиеся к двухлетнему возрасту респондентов). Но эти недостатки с лихвой компенсируются искренним желанием рассказывать и писать о новогодней елке и делать это обстоятельно, подробно, с любовью, стараясь не упустить ни одной детали и вместе с тем дать свою оценку происходившему. Среди собранных интервью почти отсутствовали «формальные» ответы и дежурные отписки.

На просьбу сравнить елочные игрушки их детства с современными елочными украшениями ответы получились самые неожиданные. Как уже указывалось, для многих воспоминаний была характерна ностальгически окрашенная оценка. Проживающий ныне в Лос-Анджелесе Олег Марута (1914 года рождения) увидел главное отличие современных елочных игрушек в том, что во времена его такого далекого детства в них «отсутствовал элемент устрашения, никакой бесовщины, ни чертей, ни ведьм на метле» (вероятно, речь здесь идет в первую очередь о елочной игрушке, распространенной сегодня в США). Кроме того, он с сожалением вспоминал о прекрасной деревянной кустарной игрушке, продававшейся в деревообделочном ярмарочном ряду в его родном городе — уездных Тетюшах Казанской губернии — в первые годы советской власти и во времена нэпа (впрочем, «по словам помнящих "старое время"», по обилию и по ценам мало чем отличавшейся от «прежних», дореволюционных времен). «Поражало обилие, разнообразие и затейливость игрушек: Ваньки-встаньки, матрешки, домашние и дикие животные, деревянные лошадки любых статей и норова, рысаки и скакуны — лихие кони… расписные русские красавицы, Марьи Моревны… Все это, часто не покрашенное, источало ароматы липы, березы или клена и дуба, а если было размалевано — то серебром и золотом». Все это украшало уездные елки вместе с привозными роскошными игрушками. И все это «рухнуло вместе с "ликвидацией кулака как класса"»[25].

Абсолютное большинство информантов, родившихся в 1920-е годы, появилось на свет в селах и деревнях, где и прошло их детство. Многие из них и елку-то впервые увидели только в 20–25-летнем возрасте, когда перебрались на жительство в город[26]. Дома елки у них практически не ставились и по причине вопиющей бедности («Какие там елки, ели-то через раз»)[27], и потому, что они просто не росли в окрестных лесах или леса поблизости не было вообще[28].

На соседней странице:

1. Новый, 1986 год. Москва. Из личного архива Е.И. Заяц. 2. Новый, 1952 год. Москва. Из личного архива З.В. Поляковой. 3. Новй год на Крайнем Севере. Начало 1960-х гг. Из личного архива Е.П. Герасимовой. 4–5. Новый, 1961 год. Бурейский район Амурской области. Из личного архива С.Ф. Красникова

По данным респондентов, школьные елки как в городе, так и в деревне (одна из респонденток рассказывает об устройстве елки в бывшей помещичьей усадьбе)[29] стали проводиться начиная приблизительно с 1937–1938 года. Популярной формой организации рождественского/новогоднего досуга в сельской местности было проведение елки в лесу: «Объединялись несколько соседских семей, уходили в лес, выбирали самую большую красивую елку, прямо там ее наряжали и водили хороводы»[30]. Игрушки вспоминались практически сплошь самодельные: куклы и зайчики, сшитые из тряпок и набитые ватой, пряники, вареные яйца, окрашенные в луковой шелухе, вырезанные из бумаги (часто — из конфетных фантиков) звездочки, фонарики, цепи, цветочки. При этом все без исключения респонденты хорошо запомнили «большую, горящую красную звезду» на верхушке новогоднего дерева[31]. Часто елки вообще не украшались — «они без того были красивые»[32]. Большинство представителей старшего поколения сегодня елку уже не наряжает, а на вопрос о том, как бы им хотелось ее украсить, отвечает: «Так, чтобы внукам понравилось»[33].

Казалось бы, для детей, родившихся в 1930-е годы, елка и елочная игрушка должны были быть и доступнее, и ближе. Однако это касалось лишь мальчиков и девочек, живущих в городе. Для деревенских ребятишек вне зависимости от их этнического происхождения — и русских, и татар, и представителей других национальностей — украшенная елка оставалась явлением экзотическим, а реакция на новогоднее дерево была подчас совершенно непредсказуемой. Так, один из респондентов вспоминал: «Первый раз я увидел елку во время войны. Она стояла у наших соседей, они поставили ее для отца, который возвращался с ранением. Увидев это дерево, я ничего не почувствовал: оно было маленьким и страшным, без единой игрушки. Таких елок у нас был полный лес. Это было в январе-феврале 1944 года»[34].

Война положила конец еще только зарождающейся советской новогодней традиции: «Елку украшали дома только до войны. Возобновили вновь эту традицию лишь после 1953 года, когда я впервые наелся хлеба»[35]. И хотя «магазинные» игрушки постепенно входили в повседневный обиход (их привозили из крупных городов; один из опрошенных рассказывал, что редкие и ценные игрушки привозил из дальних плаваний его отец-моряк[36]), домашние елки по-прежнему часто украшали «подручными средствами». Это могли быть и еловые шишки, собранные в лесу, и лоскуты материи, разорванные «на дождик», и этикетки, и конфетные фантики, и яичная скорлупа, из которой делали «гномиков», и даже… лапти[37]. Хотя респондентов этой возрастной группы и интересует внешний вид «идеальной» елки, которая «должна блестеть и переливаться всеми цветами радуги»[38], гораздо важнее и значимее для них ее эмоциональный подтекст — несколько человек в один голос заявили, что такая елка в первую очередь должна «дарить детям радость и счастье»[39].

Для мальчиков и девочек, родившихся в 1940-е годы, елка и елочная игрушка стали уже гораздо более обычным, а главное — доступным явлением. Несмотря на тяжелые военные и послевоенные годы, когда во многих семьях не было возможности устроить для детей домашнюю елку («потому что жили бедно, детей было пять человек. Отец умер в 1943 году»[40]), елки все активнее заполняли собой советское публичное праздничное пространство. Информанты хорошо помнят елки в школе и детском саду, в клубах, дворцах и домах культуры (куда попасть можно было только по специальным «елочным билетам», выдаваемым по месту работы родителей[41]), на городских площадях; помнят, как такие елки проводились и чем они были украшены. По их словам, на публичных елках, организованных в закрытом помещении, игрушек было много и они были разные, а вот украшение больших «живых» елок, стоящих под открытым небом, оставалось весьма скудным («игрушек было мало, сам понимаешь, часто воровали! Помню колобка, самолеты, аэропланы разные, конечно, звери. В основном из фанеры. А, еще лошадки были, но редко»[42]). Во многих городских семьях новогодние елки регулярно устанавливались отныне и дома — «положено было», «отец сам ездил в лес и подбирал елку под самый потолок»[43]. «Несмотря на трудное время, мы чувствовали любовь и заботу», — пишет один из респондентов[44].

Традиционным стало приобретение елочных украшений в магазинах. Как сообщают опрашиваемые, игрушек покупали мало — одну-две, но зато ежегодно, «в “Детский мир” ребята часто бегали смотреть на елочные игрушки», «я даже, кажется, помню тех продавцов, которые продавали эти игрушки»[45]. Очень престижным и остро желаемым украшением стали елочные гирлянды (тогда их называли «лампочки»), которые приобрести было практически невозможно — на елках их заменяли гирлянды самодельные[46]. Эти гирлянды иногда размещались на елке рядом с традиционными свечами[47].

Елочную игрушку можно было также получить в подарок на общественной елке: «Кто стих из детей расскажет или там песню споет — игрушка в подарок. А я? Я стеснительный был, никогда не выходил»[48]. По-прежнему на елках, особенно домашних, было множество самодельных украшений, причем самых причудливых и разных: «Разбирали стартер на части и вешали в разных концах на елку», «вешали... раскладные книжки со сказками Пушкина или Андерсена в картинках (так в тексте. — *А. С.*)», морковь, очищенный и окрашенный тушью картофель[49].

У детей этой поры уже появились любимые елочные украшения, которые они вспоминают до сих пор: «Был, помню, мишка косолапый, из кашемира, если не ошибаюсь. Очень мне эта игрушка запомнилась: мама часто говорила, что вот мишка придет и в лес заберет, а я боялся»; «стеклянные шары стали любимыми игрушками. Особенно стеклянный шар со звездой»; «в память врезалась

елочная игрушка Белочка, которая прицеплялась на прищепке к елке»; «самая любимая моя елочная игрушка была звезда на макушке елки»; «была игрушка-секрет в виде барабана из картона, верхняя половинка барабана снималась и получалась круглая коробочка, в которой каждый новый год я получал сюрприз в виде десятирублевой банкноты»; «эту игрушку я сама сшила. Это была лошадка с длинной гривой, и висела она на самом верху, ближе к звезде»; «больше всего *мне нравился Дед Мороз, его можно было разбирать по частям»*; «самая любимая елочная игрушка — гнездо из медной проволоки с птенчиками из ваты»[50].

Интересно заметить, что в ответах представителей этой возрастной группы нет пессимизма по поводу современных отечественных елочных украшений и явно прослеживается некий «патриотический» настрой. На вопрос, нравятся ли им современные елочные игрушки, они отвечают — «да, нравятся и очень, у нас великолепные мастера и в этой области тоже. Их игрушки греют душу»; «нравятся современные стеклянные расписные игрушки с русской тематикой»[51] — это, наверное, и есть те прекрасные игрушки, благодаря которым «дети могут поверить в сказку»[52].

Сильный ностальгический настрой просматривается в воспоминаниях и анкетах респондентов 1950–1960-х годов рождения. Им не нравится современная «западная» мода на украшение елок, потому что она «больше подходит для магазинов и офисов, слишком сухая и не передает атмосферу праздника»; «это чуждая нам западная рождественская елка — наша елка другая!»; «сейчас игрушек каких только нет. Только наши игрушки все же лучше были, даже не знаю, как объяснить, живые, что ли… А современные вроде и красивые, и на любой вкус, да только не такие. Может, просто детское впечатление осталось»[53]. Ностальгический мотив выражен в этих текстах четче и очевиднее: «Как бы мы ни пытались вернуть детские впечатления, они безвозвратно канули в прошлое и остались там волшебной сказкой, согревая наши сердца. Та елка, которая была в детстве, — идеал, утраченный навсегда»[54]. Воспоминания представителей этого поколения о елках их детства настолько похожи, что, опираясь на них, можно определенно говорить о сложившемся к этому времени устойчивом елочном каноне, нашедшем свое выражение как в организации, так и в оформлении новогоднего праздника.

Очень интересный материал с точки зрения восприятия елочной игрушки дают эссе и ответы на вопросы анкеты о елке своего детства, принадлежащие юношам и девушкам, родившимся на рубеже 1980–1990-х годов. Таких среди информантов насчитывается больше половины. Детьми они стали свидетелями развала некогда великого государства, наблюдали радикальные политические, экономические, культурные и идеологические трансформации в большом внешнем мире и не менее радикальные изменения — в мире домашнем, в мире своей семьи. На их глазах постепенно менялась и новогодняя елка, окончатель-

но избавляясь от элементов «советскости», все более и более «глобализируясь», все более и более обретая «западные» черты. Стоит заметить, что инициаторами «осовременивания» елки нередко выступали сами дети: они заставляли родителей избавляться от старых советских игрушек и вешать на елку новые, как им казалось тогда, более «стильные» украшения[55].

На изменение елочного убранства оказывали свое влияние и негативные внешние факторы, например вынужденная миграция семей из мест их постоянного проживания. Так, одна из респонденток, вынужденная в 1996 году шестилетним ребенком покинуть вместе с родителями Узбекистан и поселиться сначала в Брянске, а затем в Воронеже, пишет о том, что в Ташкенте в доме было много елочных игрушек, но перед отъездом их отдали, а когда приехали в Брянск, «денег не было», приходилось делать игрушки самим «из папиных и маминых проектов на огромных листах ватмана (родители девочки были инженерами-проектировщиками. — *А. С.*)» и коробок от конфет[56].

Юноши и девушки трогательно и нежно пишут о своих любимых елочных игрушках — и все это игрушки либо самодельные, сделанные заботливыми руками матерей, отцов, старших сестер и братьев или непосредственно связанные с ними узами памяти, либо игрушки из далекого советского прошлого, из их ранней детской жизни («очень любил игрушек-зверей, развешивал их по сюжетам — добрые и злые, по цветам, чтобы вообще свободного места на елке не осталось»; «среди игрушек моей любимой до сих пор остается большой красный стеклянный шар размером с яблоко советского производства»; «у нас с мамой были любимые елочные игрушки — у мамы стеклянный грибочек с фиолетовой в белый горошек шляпкой, а я очень любила старого, местами потертого желтого утенка»; «одну игрушку, которую я любил, папа называл "профессор кислых щей" — это был человечек в очках и с книжкой»; «котенка из меха сделал мне отчим. До сих пор поднимается настроение, когда смотришь на него!»; «помню игрушку, которую мой брат сделал сам и подарил мне — белую еловую шишку, она моя самая любимая. С ней я играл даже летом»; «мне нравятся игрушки моего детства — советские, они добрые и красивые»; «я не люблю покупать новые игрушки, потому что мне кажется, что мои старые игрушки — это мои друзья и, меняя их на новые, я предаю их»; «самая любимая моя игрушка — это собачка Шарик. Она очень старая, ее купила бабушка, когда мамы еще не было. Она не очень большая, зелено-голубого цвета, у нее нарисованная мордочка с очень грустными глазами, длинные уши и розовый бант. Мама несколько раз пыталась выкинуть ее, но я всегда спасала ее и до сих пор вешаю на самое видное место, пока никто не видит»[57]).

Как выяснилось, для большинства респондентов этого поколения елка — это непременная часть их жизни («новогодняя елка в нашей семье, как и в большинстве семей России, — неотъемлемый атрибут празднования Нового

года. За все время существования нашей семьи, а это все-таки более 23 лет, эта традиция ни разу не нарушалась! Поэтому новогоднюю елку я видел *всегда* (курсив мой. — *А. С.*)»)[58]. Однако многие из них не приемлют современную елку с типичными для нее украшениями («бездушными», «без индивидуальности», «официально-холодными», «не отражающими национальные особенности нашей страны»[59]) и гораздо более часто, активно и даже в отдельных случаях агрессивно, нежели их родители, бабушки и дедушки, противопоставляют ей елку своего детства в качестве «идеальной» модели новогоднего дерева. Это елка со «старыми игрушками», которые «хранят в себе память»[60]. Обязательным украшением современной новогодней елки почти все эти дети, выросшие в постсоветское время, считают красную звезду[61]. Что это — дань традиции или сознательный вызов? Откуда у них, таких еще молодых людей, столь глубокая ностальгия по недавнему прошлому? Может быть, виной тому чувство незащищенности и дискомфорта, которые они испытывают в нашем взрослом мире, страх и неуверенность в завтрашнем дне, в себе, в окружающих их людях? И так хочется вернуться к лучшей елке из всех — «елке детства», прижаться к родному плечу и, сидя в полутемной комнате, долго-долго смотреть на светящиеся тихим и ровным светом разноцветные лампочки, вдыхать острый и одновременно умиротворяющий запах хвои и думать о разном или ни о чем!

> Вспоминая детство и новогодние ночи, в памяти моей неизменно встает образ елки и елочных игрушек. Причудливые, непохожие одна на другую, они будоражили мое детское воображение и любопытство.
>
> Насколько я помню, елка стояла в нашем доме каждый год. Как правило, она была настоящая. Больше всего мне запомнились новогодние праздники, которые мы отмечали в загородном доме. Елку покупали в соседнем лесничестве, она была свежа и наполняла зал своим ароматом. Потом мы доставали игрушки, они были старые, и развешивали их на елке — избушку, баклажан, красные звезды разных размеров, шары и многое другое, чего я уже не помню.
>
> Сегодня у нас совсем другая елка, точнее, игрушки другие, однообразные. Мы вешаем только шары. Эта елка тоже неплохая, но в той детской елке была своя загадочность и красота, которая очаровывала и привлекала, позволяла верить в чудеса.
>
> Какой же должна быть идеальная елка? Я думаю, что она должна быть разной. Идеальная елка — это когда у каждого она своя, особенная и неповторимая[62].

Как верно, кратко и в то же время содержательно и емко написал о «своей» елке этот двадцатилетний молодой человек и как трудно с ним не согласиться!

Да, безусловно, сегодня елочные украшения сильно изменились, они стали совсем иными, такими «иными», что этого просто невозможно было представить пару десятилетий тому назад. Но рядом с этими «иными» успешно сохранилась и утвердилась — в отличие от многих других исчезнувших элементов декорирования советского праздничного пространства — и советская елочная игрушка. Отчасти это произошло потому, что она, вопреки всем желаниям партийных идеологов их отсечь, имела глубокие исторические корни. Отчасти это объяснялось тем, что она действительно являла собой уникальный культурный феномен и с точки зрения заложенных в нее смыслов и идей, и с точки зрения их художественного воплощения. А главной причиной ее «долголетия» было, безусловно, то, что она всегда была искренне любима и детьми, и взрослыми. Ведь в каждой елочной игрушке было спрятано чье-то отдельное детство, а во всех них вместе взятых — детство нескольких поколений советских людей. Советская елочная игрушка представляла собой редкий случай полного и безоговорочного одобрения, освоения и «присвоения» гражданами советской страны спущенного «сверху» властного проекта, утратившего постепенно свою идеологическую составляющую и растворившегося в пространстве «народной» праздничной культуры.

Думается, что жизнь советской елочной игрушки (и не только как коллекционного раритета) еще не завершена и в ее «биографию» будет вписана еще не одна страница. Время покажет. Но до тех пор, пока восхищенный детский взгляд обращен на сияющую на елочной макушке красную звезду, а детская рука тянется к висящему на елке маленькому игрушечному космонавту, так оно, наверное, и случится.

Примечания

От автора

1. Kopytoff Y. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). The Social Life of Things. Cambridge, 1996.
2. Недаром одной из основных задач истории и социологии материальной культуры признается изучение процессов развития общества через изучение повседневной жизни его членов, а вещь выступает в данном случае и как источник по истории познания повседневности, и как источник по изучению социально-исторических и историко-культурных процессов (см.: Кнабе Г.С. Вещь как феномен культуры // Музеи мира. М., 1991. С. 111–141).
3. Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies. Aberystwyth, 2009 // www3.interscience.wiley.com/journal/118718.685; Bennett T., Joyce P. (eds.). Material Powers: Cultural Studies, History and the Material Turn. Sidney, 2010 и др.
4. См. список информантов (Раздел «Использованные источники и литература»).
5. См.: Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.
6. См.: Зеленина Т. Елка моего детства. Архангельск, 2006.
7. Эта глава называется «Рождественский рай среди игрушек и сладостей». См.: Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008. С. 30–37.

ГЛАВА 1. *Формы и способы бытования елочной игрушки в культуре*

1. Broido V. Daughter of Revolution: A Russian Girlhood Remembered. L., 1998. P. 28–29.
2. Зощенко М. Елка // Зощенко М. Рассказы для детей. М., 2009. С. 50–56.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001. С. 82.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
5. «Мифическая… отрешенность есть отрешенность от смысла, от идеи повседневной и обыденной жизни. По факту, по своему реальному существованию действительность остается

На с. 179: Фото из архива автора. 1980-е гг.

На соседней странице: Сигнальщик; папье-маше, роспись, слюда, ткань; 1950-е гг. Из коллекции Л. Блатт

в мифе тою же самой, что и в обыденной жизни, и только меняется ее смысл и идея» (Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 188).

6. Диккенс Ч. Рождественская елка // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. XIX. М., 1960. С. 394.
7. О таком запечатлении властных установок в «советских вещах» см.: Лебина Н. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 11–28.
8. Каган М.С. Искусство в системе культуры. Л., 1987. С. 110. То же по существу находим у Ролана Барта при анализе семиотического смысла французской детской игрушки: «Французские игрушки обязательно что-то означают, и это "что-то" всецело социализировано, образуясь из мифов и навыков современной взрослой жизни» (Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 102).
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866 // slovari.yandex.ru/dict/dal/. Воспитатель двух последних российских императоров, известный государственный и церковный деятель, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев писал: «Рождество Христово и святая Пасха — праздники по преимуществу детские, и в них как будто исполняется сила слов Христовых: "Аще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие". Прочие праздники не столь доступны детскому разумению» (Победоносцев К. Рождество Христово // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 523).
10. Исупов К.Г. Детскость // Культурология: Энциклопедия: В 2-х т. Т. I. М., 2007. С. 559.
11. Там же.
12. Под префигуративной автор термина, известный американский антрополог М. Мид, понимала такой тип культуры, когда взрослые учатся у молодых (Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М., 1988. С. 360–361).
13. Постышев П.П. Давайте организуем детям к новому году хорошую елку! // Правда. 1935. 28 декабря. Как свидетельствуют материалы опросов современников, в тот период елки действительно проводились как детский праздник (см., например: Интервью с О.А. Серегиной // Архив автора (далее — АА)).
14. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 85, 88.
15. Куприн А.И. Тапер // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. II. М., 1957. С. 471.
16. Об отношении взрослых к игрушке как инструменту социального конструирования см. в работах, специально или частично посвященных теории и истории материальной культуры детства: Baxter J.E. The Archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture. N.Y.; Toronto; Oxford, 2005; Calvert K. Children in the House: The Material Culture of Childhood in America, 1600–1900. Boston, 1992 (русское издание: Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: НЛО, 2009); Lillehammer G. The World of Children // Sofaer Derevenski J. (ed.). Children and Material Culture. N.Y., 2000. P. 17–26; Masters A. The Doll as Delegate and Disguise // Journal of Psychohistory. 1986. V. 13, No. 3. P. 293–308; Mergen B. Made, Bought, and Stolen: Toys and the Culture of Childhood // West E., Petrik P. (eds.). Small Worlds: Children and Adolescents in America: 1850–1950. Lawrence, 1992. P. 86–106; Sutton-Smith B. Toys as Culture. N.Y., 1986 и др.
17. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 // slovari.yandex.ru/dict/ushakov/article/ushakov/09/us1113108.htm?text. Аналогичные определения на-

ходим и в новейшей справочной литературе. Например: «Игрушка — предмет, предназначенный для детской игры, служащий целям воспитания» (Словарь по общественным наукам: Глоссарий.ру // slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/268/268_361.HTM?text); «игрушки — название различного рода предметов, используемых в игровой сфере» (Российский гуманитарный энциклопедический словарь / Под ред. П.А. Клубкова. М., 2002 // slovari.yandex.ru/dict/rges/article/rg2/rg2-0211.htm?text) и др.

18. Оршанский Л.Г. Игрушки: Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. М.; Пг., 1923. С. 19. Об этом см. также: Власова Н. Народная деревянная игрушка // Игрушка. 1937. № 1. С. 14–17; Овчинникова Е. Забавы знати // Игрушка. 1937. № 4. С. 18–19; Игрушки дореволюционной России // Игрушка. 1939. № 2. С. 28–29 и др.
19. Об этом см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 89–95.
20. Двенадцатилетняя Тина Руднева из рассказа А.И. Куприна «Тапер» «только в этом году была допущена к устройству елки». Действие рассказа относится к 1885 году и, как отмечает автор, основано на реальных событиях (Куприн А.И. Тапер. С. 468, 471). В советских методических рекомендациях по проведению новогоднего праздника также неоднократно указывалось на то, что наряжать елку должны только учащиеся средних и старших классов — пионеры и комсомольцы (см., например: Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. М., 1936. С. 12).
21. На эту специфичность «детской», «фольклорной», «архаической» аудитории, которая относится к игрушке-тексту «как участник игры: кричит, трогает, вмешивается, картинку не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей, в пьесу вмешивается, указывая актерам, бьет книжку или целует ее», на желание этой аудитории выступать не созерцателем «чужой мысли», а ее активным адресатом обращал внимание Ю.М. Лотман (Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 377–378).
22. Е.В. Душечкина приводит примеры такого «разрушения» и «разграбления» елки детьми вплоть до ее низвержения и полного опустошения (см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 96–97).
23. Coe R. When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven: L., 1984. P. 99.
24. Такое «окно» не так давно было выставлено в Музее дятьковского хрусталя.
25. Терещенко А.В. Быт русского народа: В 7-ми т. Т. VII. СПб., 1848. С. 86.
26. «Елка… вся кругом искрилась и сверкала блестящими вещицами» (Диккенс Ч. Рождественская елка. С. 393); «огромная елка до потолка блестит… золотыми безделушками» (Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987. С. 66); «она… сверкает бесчисленным количеством всяких висящих на ней ярких безделушек» (Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980. С. 92).
27. Овечкин Е.Г. Игрушка как феномен культуры и средство духовного развития // www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2000/txt/ovechkin.php.
28. Шипулина Н.Б. Игра и игрушка в сфере повседневной культуры // Studia culturae: Альманах. Вып. 2. СПб., 2002. С. 206.

29. Об этом см.: Ершова О. Елочный ассортимент // Игрушка. 1936. № 7. С. 24; Елочные игрушки // Игрушка. 1939. № 10. С. 27–28.
30. О.Ч. О производстве елочных украшений // Советская игрушка. 1936. № 7. С. 25.
31. «Вещи, словно антропоморфные боги-лары, воплощающие в пространстве аффективные связи внутри семейной группы и ее устойчивость, становятся исподволь бессмертными» (Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 19).
32. Кинг С. Мертвая зона. М., 2002. С. 191–193.
33. См.: Сизинцева Л.И. Хронотоп провинциала // Русская провинция: Культура XVIII–XX вв. М., 1992. С. 33.
34. Об этой традиции писал, в частности, в своих неопубликованных воспоминаниях в 1920-е годы бывший казанский дворянин Б.П. Ильин. См.: Завьялова И.В. Семейная коллекция казанских дворян Ильиных // Казанский посад в прошлом и настоящем: Сборник статей. Казань, 2002. С. 182.
35. О вещной памяти см., в частности: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 52–58.
36. Чехов А.П. Елка // Чехов А.П. Соч.: В 18-ти т. Т. III. М., 1975. С. 146.
37. Симонов К. Стихи. Пьесы. Рассказы. М., 1949. С. 200.
38. Свет, по утверждению Ж. Бодрийяра, «накладывает на вещи особую значимость, оттеняет их, очерчивает контуры их присутствия» (Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 25–26).
39. См.: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 450–475; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С.153–154 и др.
40. Шмелев И. Лето Господне. М., 1991. С. 342–343.

ГЛАВА 2. *От какого наследства хотели отказаться большевики. Елка и елочная игрушка в дореволюционной России*

1. В некоторых исследовательских работах (см., например: O'Коnnor K. Culture and Customs of the Baltic States. Westport, 2006. P. 93) и в особенности в популярной литературе типа путеводителей не раз утверждалось, что особые деревья, приуроченные к Рождеству, впервые были установлены ганзейскими купцами на городских площадях Таллинна (Ревеля) и Риги еще в 40-е годы XV века. Холостые юноши и незамужние девушки пели и танцевали у этих деревьев, по окончании же праздника деревья сжигали. Однако в новейших исследованиях эстонских и латвийских историков убедительно доказано, что эта традиция к Рождеству прямого отношения не имела (см.: Mand A. Urban Carnival, Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350–1550. 2005. P. 37). Таким образом, приоритет Германии в этом вопросе уже не оспаривается.

   Как утверждает большинство специалистов, украшенная елка в сценарий празднования немецкого Рождества попала из средневековых германских мистерий об Адаме и Еве, разыгрывавшихся на церковных папертях (так называемой «игры в рай»), где выставленное

Райское дерево, увешенное яблоками, символизировало сад Эдема (см., например: Harding P. The Christmas Book: A Treasury of Festive Facts. L., 2007. P. 44, 149). Во время мистерий украшенное дерево всегда ставилось на той стороне импровизированной сцены, которая символизировала искупление.

Когда в период Контрреформации в середине XVI века мистерии были повсеместно запрещены, елки переместились в дома горожан, где их стали украшать фруктами, сладостями, а позднее — свечами. Первоначально в качестве украшений использовались не целые деревья, а сосновые и еловые ветви. Этот обычай был упомянут уже в 1494 году в знаменитом стихотворном сочинении известного немецкого ученого и гуманиста Себастьяна Бранта «Корабль дураков», своего рода светской Библии того времени. Позднее в правобережье и левобережье Рейна стали устанавливать небольшие рождественские деревца, которые обычно либо размещали на столе, либо подвешивали к потолку. В 1535 году такие деревца продавались на страсбургском рынке (см.: Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum // www.dw-world.de).

В литературе и большинстве справочных изданий преобладает утверждение, что первая рождественская елка (точнее сосна) была установлена в 1521 году в Эльзасе. Церковная запись упоминает об установке рождественского дерева в Страсбургском соборе в 1539 году. Были ли эти деревья украшены, источники не сообщают. Однако уже в XV — первой половине XVI века вырубка их в Германии была такой активной, что законодательно было запрещено рубить в лесу более одного дерева на человека (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts: Kunst, Kitch und Kuriositäten. München, 1993. S. 7).

Первые упоминания об украшенных «райских» деревьях, установленных вне церкви, относятся ко второй половине XVI века, когда они появляются на общественных праздниках цехов и братств и уже дистанцируются от «игры в рай». В обнаруженной И. Вебер-Келлерманн бременской гильдейской хронике 1570 года сообщается об установке для детей в здании гильдии небольшой елки, украшенной яблоками, орехами, финиками, соленым печеньем и бумажными цветами (Weber-Kellerman I. Das Weihnachtsfest: Eine Kultur und Sozialgeschichte der Weihnachtszeit. Luzern; Frankfurt/M., 1978). На немецких рождественских базарах второй половины XVI века, например на нюрнбергском (Nürnberger Christkindlesmarkt), продавались имбирные пряники и другие рождественские украшения (см.: Нюрнбергское Рождество // www.dw-world.de/dw/article/0,,4509179,00.html).

Уже тогда обычай украшать елку был разнесен по городам «немецкой» Европы, в частности, он обнаруживается в 1597 году в Базеле, где установленные в скорняжных цехах рождественские деревья украшали яблоками и сыром. Сведения о расходах на украшение рождественских деревьев содержатся также в счетах торговцев эльзасского города Тюркхайма за 1597–1669 годы, где упомянуты затраты на приобретение яблок, облаток, цветной бумаги и нити. Похожим образом украшенные деревья устанавливали члены городского совета, цеховые мастера, священники и другие почтенные горожане в Шлеттштадте, Фрайберге и Берне (см. подробно: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 7). К 1605 году относится письменное свидетельство об установке в домах страсбургских горожан рождественских елок, украшенных бумажными розами, яблоками, вафлями, золотой фольгой, сахаром

и другими предметами (см.: Tille A. Die Geschichte der deutschen Weihnacht. Leipsic, 1893. S. 258. Цит. по: Miles C.A. Christmas Customs and Traditions: Their History and Significance. N.Y., 1976 (first published in 1912). P. 265).

Недовольная «языческим» украшением елки, церковь оставила свои свидетельства в пользу распространенности этого обычая в Германии. В трактате знаменитого страсбургского теолога и проповедника Иоганна Конрада Даннхауэра, относящемся к 1645 году, резко осуждалась «увешенная куклами и сластями» устанавливаемая в домах рождественская ель. Автор трактата называл ее «Lappalie» («мелочностью») и «Kinderspiel» («детской игрой»), а также недопустимой заменой «слову Божьему, с коим и следует праздник сей встречать» (цит. по: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 8).

Более широкое распространение украшенное рождественское дерево получило в Германии во второй половине XVIII века, но происходило это распространение неравномерно — на протестантском севере гораздо быстрее и успешнее, чем на католическом юге, где по-прежнему принято было насмехаться над этой евангелической традицией, а сам протестантизм именовать «религией рождественской елки» (рождественская елка как конфессиональный символ протестантизма противопоставлялась католическому рождественскому вертепу) (об этом см.: Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum. Op. cit.), и в городах несоизмеримо быстрее, чем в деревне (например, в Баварии к середине XIX столетия в сельской местности рождественская елка была практически не известна, и ситуация не изменилась здесь вплоть до начала XX века; в Саксонии на протяжении всего XIX века вместо живой елки обычно использовались так называемые «пирамиды» — деревянные конструкции пирамидальной формы, украшенные цветной бумагой и свечами, моду на которые ввели резчики из саксонского города Эрцгебирге, а в некоторых южнонемецких землях было принято украшать не всю елку, а только елочную верхушку (см.: Rietschel G. Weihnachten in Kirche, Kunst und Volksleben. Bielefeld; Leipsic, 1902. P. 151. Цит. по: Miles C.A. Christmas Customs and Traditions. P. 266; Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 266; Нарожная С. Рождественские пирамиды // Антикватория. 2004. № 1. С. 102–103; Рождество в Дрездене // www.decorbells.ru/travel_dres_w.htm и др.).

Лишь объединение страны привело к известной унификации елочного убранства. Решающую роль в распространении елочной традиции сыграла франко-прусская война 1870 года, когда рождественские елки стали устанавливаться в окопах (обычно офицерами) как знак связи с родиной (см.: Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum. Op. cit.).

Интересно заметить, что помимо елок для «живых» в Германии существовали и елки для «мертвых». На Рождество они устанавливались на кладбищах. Могилы убирали омелой и падубом и ставили маленькие елочки с мерцающими огоньками, может быть для того, чтобы разделить с ушедшими радость наступившего праздника. Сообщения об этой традиции встречаются в немецкой и британской периодической печати рубежа XIX–XX веков.

2. Об этом см., например: Hewitt J. The Christmas Tree. N.Y., 2007. P. 12.
3. Wylie I.A.R. My German Year. L., 1910. P. 68.
4. Miles C.A. Christmas Customs and Traditions. P. 264.

5. Ibid.
6. Sidgwick A. Home Life in Germany. L., 1908. P. 176.
7. Об этом см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 44.
8. Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король // Гофман Э.Т.А. Крейслериана: Новеллы. М., 1990. С. 108.
9. Диккенс Ч. Рождественская елка. С. 394.
10. См. подробнее: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 61–63.
11. Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995. P. 402.
12. Об этом см.: Белова А.В. «Женское детство» в дворянской культуре России 18 — середины 19 века // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб., 2008. С. 45–46.
13. Душечкина Е.В. Русская елка. С. 71. Датируя это событие, Е.В. Душечкина ссылается на опубликованный в 1912 году рассказ Сергея Ауслендера «Святки в старом Петербурге». Рассказ включает в себя мемуары генерала Балтакова «Первая елка», где речь идет о рождественской елке, устроенной отцом генерала для своих детей и их гостей в конце 1830-х годов по примеру царской семьи («"Вы после государя первые обычай этот немецкий приняли", — сказал один старый генерал батюшке. "Да, было трогательно видеть в прошлом году во дворце, какую радость не только у детей, но и у людей старых вызвало это нововведение", — отвечал отец». Когда праздник закончился, в детскую зашла мать ребенка с утешительными словами: «Не горюй. Каждый год будет возвращаться елка к тебе, потом к твоим детям и внукам» (см.: Ауслендер С. Святки в старом Петербурге // Большая книга Рождества. С. 166)). Безусловно, весьма сложно датировать факт проведения первой русской домашней елки по этому единственному и трудно верифицируемому источнику информации. Автор рецензии на книгу Е.В. Душечкиной М. Строганов приводит хронологически гораздо более ранние примеры из мемуарных источников, которые свидетельствуют о распространении рождественской елки среди уездных дворян Тверской губернии уже в конце 1820-х годов. Однако, как совершенно справедливо замечает М. Строганов, в данном случае принципиальное значение имеет не конкретная дата, а обнаружение механизма вхождения праздника елки (и добавим от себя — его атрибутов) в русский быт. Нельзя не согласиться с автором рецензии и в том, что в XIX веке вхождение это было «естественное, многолетнее и подспудное», лишь впоследствии признанное властью (Строганов М. [Рец.] Е.В. Душечкина. Русская елка. Указ. соч. // Новое литературное обозрение. 2004. № 65 // magazines.ru/nlo/2004/65/book38-pr.html).
14. Считается, что в Великобритании украшенную свечами ель в состав рождественских празднеств впервые ввела в 1800 году супруга Георга III королева Шарлотта Мекленбургская; в Вене первое украшенное рождественское дерево установила в 1816 году принцесса Генриетта-Нассау-Вайльбургская; в Париже, в Тюильри, в 1840 году — герцогиня Орлеанская, урожденная принцесса Елена Мекленбургская (см.: Рождество во Франции // Большая книга Рождества. С. 279; Лихачева С. Рождество у англичан // Большая книга Рождества. С. 229). Что касается России, то, по другим данным, детские елки устраивались при дворе Павла I еще в конце XVIII века (Клинские елочные украшения. Мелихово, 2006. С. 7).

15. Обязательными элементами елок, оформленных в духе христианской рождественской символики, всегда были: освещение (свечи, позднее — электрические гирлянды), фрукты (вначале — яблоки, затем — мандарины, орехи, груши, виноград, как натуральные, так и искусственные) и изделия из теста, так называемая «произведения кондитерской архитектуры» — облатки, а затем фигурные пряники, печенье, конфеты и их имитация (см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 140–141).
16. См., например, иллюстрацию к повести А. Вороновой «Святки в 1847 году» («Детские портреты». СПб., 1855), приведенную на вклейке в книге М.С. Костюхиной «Игрушка в детской литературе».
17. Толстой А. Детство Никиты // Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. III. М., 1958. С. 176–177.
18. Об этом см.: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. Казань, 2008. С. 129.
19. Соколова Э.В. Дом-музей Ф.И. Шаляпина // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 232–234, 238–239.
20. В середине XIX века Казань входила в число крупнейших городов Российской империи, занимая по численности населения шестое место после Москвы, Петербурга, Одессы, Киева и Саратова. К концу XIX века Казань входила в пятерку крупнейших торговых городов европейской России (История Казани: В 2-х кн. Кн. 1. Казань, 1988. С. 195, 197; Свердлова Л.М. На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. С. 36–37).
21. Отчет по губернскому городу Казани за 1844 год. Казань, 1845.
22. Сведения о торговых домах, действующих в России в 1892 году. СПб., 1893; Торгово-промышленная Россия: Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Ст. 2373.
23. Бусыгин Е.П. Счастье жить и творить. Казань, 2007. С. 28.
24. Галанин С.Ф. Казань и казанцы: Реклама второй половины XIX века. Казань, 2008. С. 112.
25. Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005 (печ. по изд.: СПБ., 1890). С. 613.
26. Эту центральную улицу города историк Н.П. Загоскин назвал казанским Невским проспектом (Загоскин Н.П. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань, 2005 (печ. по изд.: Казань, 1895). С. 566).
27. Загоскин Н.П. Спутник по Казани. С. 720–721, 725. См. также перечень рекламных объявлений казанских торговых домов и магазинов: Галанин С.Ф. Газетная реклама. Казань, 1999, а также: Республика Татарстан: Памятники истории и культуры: Каталог-справочник. Казань, 1993. С. 126.
28. Галанин С.Ф. Казань и казанцы. С. 75–76, 103.
29. Там же. С. 43.
30. Рождественский альманах-реклама / Изд. А.В. Ястребского. Казань, 1899. Из трехтысячного тиража этого издания 2 тыс. номеров рассылались бесплатно (Галанин С.Ф. Казань и казанцы. С. 199).
31. Спутник по Казани. С. 714, 716. И в других городах России основная масса елочных украшений продавалась на базарах и ярмарках. Часто таковые функционировали при церквях и монастырях (см.: Базыкин С. Против религии! // Игрушка. 1937. № 8. С. 3).

32. Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. С. 623–624.

33. Большая доля немцев среди казанских ремесленников произвела значительное впечатление на побывавшего здесь в 1840-е годы англичанина Э. Турнерелли. Он называет, например, одну из центральных торговых улиц города — Большую Проломную — «улицей немцев» из-за расположившихся здесь многочисленных немецких ремесленных мастерских (см.: Turnerelli E. Kazan et ses habitants / Турнерелли Э. Казань и ее жители. Казань, 2005. С. 98 (репринт и перевод французского издания 1841 года)). Много немцев было и среди казанской интеллигенции: преподавателей Казанского университета, учителей казанских гимназий, врачей и аптекарей, инженеров и служащих.

34. Адо В. Вспоминая о прошлом… Записки русского интеллигента // Казань. 2000. № 7. С. 47. Шведские корни в какой-то степени объясняли особое почтение и уважение, проявляемое членами семьи Адо к рождественской елке.

35. Усманова А. Женщины и искусство: Политики репрезентации // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие. Харьков; СПб., 2001. С. 479.

36. Рождественская елка // Большая книга Рождества. С. 663.

37. Камско-Волжская речь. 1913. 29 декабря. Дети-мусульмане, естественно, в этих праздниках не участвовали.

38. Загоскин Н.П. Спутник по Казани. С. 679.

39. См.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 78.

40. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. С. 121.

41. По подсчетам историка Г.Н. Вульфсона, даже если казанская семья экономила на освещении и ложилась спать с наступлением темноты, расход на свечи составлял не менее одного рубля в месяц (см.: Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 83).

42. Станюкович К.М. Елка // Станюкович К.М. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. I. М., 1977. С. 173. Рассказ впервые был опубликован в 1880 году.

43. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М., 1977. С. 284.

44. Тихомиров Д.И., Тихомирова Е.Н. Букварь. М., 2007 (репринтное издание). С. 154.

45. Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 172.

46. Прокопьев Д. О елке // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 21.

47. «Со всех концов губернии, — сообщали «Пензенские губернские ведомости» в 1904 году, — нам писали и теперь еще продолжают писать об устройстве елок. Некоторые относятся к устройству елок скептически, называют это сентиментальностью, "миндальничанием"… Нам не нужно знать, из каких побуждений устраивают елки — из тщеславия ли… из-за желания ли порисоваться своей добротой или из чистых побуждений внести в великий праздник луч радости и веселья детям, — нам важны цель и результаты» (Пензенские губернские ведомости. 1904. № 13. С. 2). Дамы-благотворительницы в рождественские дни сами обходили

городские трущобы, раздавая детям приглашения на устраиваемые публичные елки (см., например: Самарская газета. 1902. № 269. С. 2).

48. Чехов А.П. Ванька // Чехов А.П. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М., 1970. С. 108.
49. Швидченко Е. (Быстров Б.) Рождественская елка: Ее происхождение, смысл, значение и программа. СПб., 1898. С. 3.
50. Мамин-Сибиряк Д.Н. Около нодьи // Мамин-Сибиряк Д.Н. Емеля-охотник: Рассказы, повесть. Казань, 1982. С. 81.
51. Frank St.P. Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siecle Russia // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, N.J., 1994. P. 98.
52. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб., 2007. С. 240–241.
53. См.: Школьные праздники в деревне // Вестник Рязанского губернского земства. 1912. № 11–12. С. 80; Детский праздник // Орловский вестник. 1898. № 8. С. 2; Елка в частной воскресной школе // Рязанский листок. 1902. № 32. С. 1; Два школьных праздника // Народное образование. 1908. № 9. С. 275–277 и др.
54. Шурма Д. Елка // Волжский вестник. 1899. № 20. С. 3.
55. Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 111; Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1898 г. Петрозаводск, 1899. С. 22. Цит. по: Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. С. 241.
56. Цит. по: Frank St.P. Confronting the Domestic Other. P. 99.
57. См.: Жизнь крестьянских детей в 1890-х годах: Воспоминания учеников церковно-приходских школ // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 27.
58. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. С. 242.
59. Broido V. Daughter of Revolution. P. 28.
60. Кабо Е. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М., 1928. С. 41, 45 и др.
61. Покровская А. Домашняя жизнь московских детей // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 14.
62. Харбинский вестник. 1904. № 94. С. 2. Цит. по: Ермаченко И.О. «В Харбине все спокойно»: Повседневные межкультурные контакты в зеркале городской газетной хроники (начало XX в.) // Повседневность российской провинции: История, язык и пространство. Казань, 2002. С. 90.
63. Воспоминания Ю.В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. 1997. Вып. 4. С. 138.
64. Об этом см., в частности: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 79.
65. Там же. С. 80.
66. Об этом см. подробнее: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 52.

67. Куприн А.И. Жизнь. Рождественская сказка // Куприн А.И. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. I. М., 1970. С. 375.
68. Желиховская В. Как я была маленькой. СПб., 1891. С. 186; Макарова С. Зимние вечера: Рассказы для маленьких детей. СПб., 1905. С. 186. Цит. по: Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. С. 32–33.
69. Диккенс Ч. Рождественская елка. С. 394.
70. «Украшение сухих ветвей елок светильниками и сладостями поучительно показывает, что наша природа, бесплотная и безжизненная ветвь, только во Иисусе Христе — источнике жизни, света и радости — может принести духовные плоды: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Галл. 5: 22–23)». Как провести рождественский пост, рождество и святки. М., 1997. С. 78.
Трактовку религиозной елочной символики можно найти в различных изданиях, хотя она (как, впрочем, и сами описываемые символы) является далеко не однозначной. В данной работе были использованы материалы из словаря символов, составленного Дж. Тресиддером. (см.: Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001. С. 12, 36, 42, 64, 107, 122–123, 158, 172, 245, 258, 261, 293, 324, 331, 359, 394–395, 427–428).
71. Иисус Христос в образе Спасителя часто держит в руках яблоко или указывает на него; Ева сорвала яблоко с Древа познания Добра и Зла (Тресиддер Дж. Словарь символов. С. 427).
72. В христианской символике виноград выступает в качестве символа духовного возрождения, а вино почитается как кровь Христова («Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь». Ин. 15:1).
73. Блок А. Рождество // Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. II. М.; Л., 1960. С. 328.
74. Сухомлина А.В. Воспоминания дочери народовольца, 1962 // Городок в табакерке. Ч. I. С. 89. В данном случае речь идет о событиях, происходивших в конце 1890-х годов. В семье революционеров, где воспитывалась маленькая Анна, икон не было вообще.
75. Как утверждал В.Я. Пропп, фольклор есть явление интернациональное, которое не может быть исследовано глубоко в рамках одной народности, поскольку представляет собой наложение «исходных моделей этнографических субстратов разных народов» (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 33).
76. Душечкина Е.В. Русская елка. С. 383.
77. Швидченко Е. (Быстров Б.) Рождественская елка. С. 8.
78. Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С. 88–89. Отрывки из этих воспоминаний как наиболее ярко отражающих процесс изготовления домодельных елочных игрушек включены и в книгу Е.В. Душечкиной «Русская елка» (с. 153–154).
79. Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме // Бартрам Н.Д. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 97–98.
80. Там же. С. 98.
81. Адо В. Вспоминая о прошлом. С. 47.
82. Выдержки из воспоминаний современников об изготовлении самодельных елочных игрушек в дореволюционном Архангельске см.: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 41–45.

83. Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С. 92.

84. См.: Ершова О. Елочный ассортимент. С. 24.

85. Боруцкий В.И. Кустарный игрушечный промысел Московской губернии // Игрушка. Ее история и значение. М., 1912. С. 208; Игрушка — радость детей. М., 1912 (иллюстрации и описания к ним).

86. Иванов Е.В. Новый год и Рождество в открытках. СПб., 2000. С. 90.

87. Папье-маше (фр. *papier mâché*, букв. «жёваная бумага») — легко поддающаяся формовке масса, получаемая из бумаги с добавлением клеящих или склеивающих веществ (песка, цемента, муки, клея, крахмала, гипса, мела и пр.).

88. О производстве игрушек из папье-маше в Германии см.: Оршанский Л.Г. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России // Игрушка: Ее история и значение. М., 1912. С. 26.

89. Андреев Л. Ангелочек // Андреев Л. Рассказы. М., 1977. С. 41, 43.

90. Блок А. Сусальный ангел // Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М.; Л., 1960. С. 133.

91. О технике производства игрушек см., например: Кей Х. Куклы, игры и игрушки. М., 2003. С. 12–14. Многие из описываемых технологий применялись и при создании елочных украшений из аналогичных материалов.

92. Считается, что первые стеклянные шары для елки были изготовлены в середине XIX века в небольшом городке Лауше в Тюрингии. Первая стеклодувная мастерская была основана здесь еще в 1597 году. Со второй половины XVIII века в Лауше выдували маленькие бусинки из цветного или прозрачного стекла, часто в виде фруктов, служивших модным украшением дамских шляп и свадебных венков. Именно эти небольшие шарики послужили основой для зарождения стеклянных елочных украшений. Изнутри первые елочные шары (иногда их называют «ртутными») покрывали слоем свинца, что делало производство крайне вредным, а снаружи украшали блестками или расписывали. В ту пору стеклянные игрушки были грубоватыми и очень тяжелыми: тонкое стекло производить еще не умели. В 1867 году в Лауше был открыт первый газовый завод по производству тонкостенного стекла. Отныне в ассортимент игрушечников вошли не только шары, но и тонкостенные серебристые стеклянные предметы более сложной и замысловатой формы — виноградные гроздья, птички, рыбки, кувшинчики, дудочки и пр. Эти изделия отличались от своих предшественников не только хрупкостью и изяществом: применявшееся ранее свинцовое покрытие было заменено менее вредным и более качественным серебрением (на место свинцовой прослойки внутри шара пришел нитрат серебра), изобретенным на рубеже 1860–1870-х годов в Англии и усовершенствованным выдающимся немецким химиком Юстасом фон Либихом (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 12–21). Однако «вредное» зеркальное покрытие частично использовалось в производстве елочной игрушки вплоть до конца XIX века. Газета «Московские ведомости» сообщала в 1887 году, что из лучших парижских магазинов в рождественские праздники 1886 года были изъяты игрушки, окрашенные «мышьяковистыми красками» (цит. по: Покровский Е.А Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М., 1887. С. 73).

Другим важным центром производства стеклянных елочных украшений стала Богемия. Чешский город Яблонец издавна имел прочные традиции стеклянного производства. Еще в середине XVIII века здешние мастера перешли от производства бытового стекла к изготовлению художественных украшений, искусственных драгоценных камней и жемчужин для пуговиц и бус, а с конца века — стеклянных подвесок для люстр и светильников. Именно на их основе родились богемские, или чешские, рождественские украшения, состоящие из маленьких скрепленных между собой бусинок.

93. Образ такого кондитерского рая был нарисован Гофманом при описании кукольного царства Щелкунчика и его столицы Конфетенхаузена (см.: Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король. С. 140–147).

94. См.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 76–78.

95. О них см.: Ru:wikipedia.org/wiki/Козули. В настоящее время козули производятся в Архангельской и Мурманской областях, а также на Урале.

96. Писахов С.Г. О козулях (1927) // www.velib.com/book.php?avtor=P=343_1&book=5860_1_1.

97. Лихачев В. Рождественские ночи (Из Арно Гольца) // Нива. 1908. № 51. С. 895.

98. Набоков В. Другие берега // Набоков В. Другие берега. Романы. М., 2000. С. 468. То же — у Анастасии Цветаевой: «Ее (елки. — *А. С.*) запах заглушает запахи мандаринов и восковых свечей» (Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1971. С. 69). А вот Валентину Катаеву навсегда запомнился «опьяняющий», «ни с чем не сравнимый», «острый» запах «мерзлой хвои» (Катаев В. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // Катаев В. Избр. произв.: В 3-х т. Т. II. М., 1977. С. 18).

99. Набоков В. Рождество // Круг: Поэтические произведения. Рассказы. Л., 1990. С. 30. Этот хвойно-цитрусовый запах и сегодня хорошо знаком каждому из нас и воспроизведен в лучших образцах французской парфюмерной продукции от Thierry Mugler.

100. Хлопушку изобрел в 1847 году известный лондонский кондитер Томас Смит. Находясь в канун Рождества в Париже, он увидел, как французские кондитеры заворачивали засахаренный миндаль в красивую упаковочную бумагу, закручивая оба конца. В Британии в то время сласти обычно не заворачивали. Смит решил повторить французский опыт. Через 13 лет он усовершенствовал изделие, изменив его упаковку. Отныне она состояла из двух свернутых кусков химически обработанной бумаги, издававшей громкий треск при разрывании. Идея Смита была быстро подхвачена другими производителями. И, чтобы выжить в конкурентной борьбе, он вновь усовершенствовал свое изделие, заменив вложенную конфету подарком-сюрпризом. На протяжении многих лет и вплоть до нынешнего дня фирма, основанная Томасом Смитом, правда поглощенная в 1998 году более крупной корпорацией, является основным поставщиком хлопушек для британского королевского двора. Она продает более 45 млн. коробок хлопушек ежегодно (Harding P. The Christmas Book. P. 168).

101. Елочную электрическую гирлянду подарили миру Соединенные Штаты. Она была сконструирована американским инженером, сотрудником компании General Electric Эдвардом Джонсоном, ассистентом Томаса Эдисона, в 1882 году, через три года после изобретения

электрической лампочки. (По другим данным, идея использовать электрические лампочки вместо свечей принадлежала англичанину Ральфу Моррису.)

102. Елка: Репертуарный сборник. Ижевск, 1947. С. 4.
103. Об этом см., в частности: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 105–107.
104. См.: Lugovskaya N. A Diary of a Soviet Schoolgirl. 1932–1937. Moscow, 2003. P. 198.
105. Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 51. См. также: Он же. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России. С. 3–64.
106. Оршанский Л.Г. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России. С. 34.
107. См.: Кей Х. Куклы, игры и игрушки. С. 6.
108. Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 32.
109. Представленное ниже описание елочных украшений, производимых в последней четверти XIX века в Саксонии и Тюрингии, осуществлено по книге Э. Штилле (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 12).
110. Ibidem.
111. Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 52, 59.
112. Блок А. Сусальный ангел. Указ. соч.
113. Почтовая открытка от Эльзы N. Ксении N. Начало XX века. Цит. по: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 3.
114. Об этом см., в частности: Lejeune M.K. Compendium of Symbolic and Ritual Plants in Europe. Ghent, 2002. P. 64.
115. Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 18–19.
116. Хавронин А. Свастика на елочку // www.svobodanews.ru/content/article/1907610.html; Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 44.
117. Флерина Е.А. Образная игрушка и методы ее подачи // Советская игрушка. 1936. № 7. С. 6; Ершова О. Указ. соч.
118. При описании истории стеклянных клинских елочных украшений были использованы материалы буклета «Клинские елочные украшения» (Мелихово, 2006).
119. Клинские елочные украшения. С. 10.
120. Так, изделия завода завоевали большие серебряные медали на Всероссийских мануфактурных выставках в Москве (1861) и Петербурге (1865), на Всемирной выставке в Париже (1889); они экспонировались на Всемирной выставке в Вене в 1873 году и т. д. (см.: там же. С. 15).
121. Там же. С. 27.
122. Клинские елочные украшения. С. 31; Елочные украшения. 1900–1970: Гид для коллекционера. СПб., 2004. С. 4. См. также: Новожилов М. Стеклодувные елочные украшения // Советская игрушка. 1936. № 6. С. 11.
123. Жукова Е.В. Новогодняя игрушка (Народный промысел деревни Данилово) // www.bogorodsk-noginsk.ru.

124. О нем см.: Труды Комиссии по использованию кустарной промышленности в России. Вып. 1–15. СПб., 1879–1886 (эта комиссия была образована в 1872 году по инициативе Московского губернского статистического комитета и Русского географического общества), а также: Стасов В.В. Дута и пряничный конек // Русская старина. 1877. № 4.
125. Очерки кустарной промышленности Пермской губернии. Пермь, 1896. С. 46. Цит. по: Кашаева Ю.А. «Друг без друга они существовать не смогут»: Социальные отношения среди кустарей Пермской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб., 2008. С. 236–237. См. также фотографии в книге: Клинские елочные украшения. С. 95, 101 и др.
126. Игрушки дореволюционной России. С. 29.
127. Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме. С. 98.
128. Там же.
129. Там же. С. 111.
130. Боруцкий В.И. Кустарный игрушечный промысел Московской губернии. С. 201. Доподлинно известно, что в 1780-е годы промысел этот был здесь очень развит, о чем свидетельствует, в частности, «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и значительных церквах» (М., 1787), где сказано, что в Сергиевом Посаде «многие упражняются в рукоделиях и продают разные каменные и писаные, деревянные вещи: ларчики, чашки и детские игрушки» (цит. по: Там же. С. 205).
131. Глагол С. Русская народная игрушка в XIX веке // Игрушка. Ее история и значение. С. 66.
132. Василенко В.М. Богородская деревянная резная игрушка // Советская игрушка. 1935. № 3. С. 18.
133. Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. М., 2002. С. 46.
134. См.: Прокопьев Д. О елке. С. 22; Иван Иванович Овешков // Советская игрушка. 1935. № 4. С. 12; Боруцкий В.И. Кустарный игрушечный промысел Московской губернии. С. 198.
135. Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме. С. 93.
136. Если в 1913 году, по данным британского журнала «Games and Toys», Германия вывезла игрушек, включая елочные, на 103,34 млн. марок, то в 1935 году — всего на 34,47 млн. (Зарубежная хроника // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 31). К концу 1930-х годов импорт немецкой, в том числе елочной, игрушки в США, например, сократился до 15 % в общем объеме импорта, поскольку, как отмечалось в источниках, «американцы бойкотировали немецкие товары» (Бойкот японских и немецких игрушек // Игрушка. 1939. № 2. С. 30). После Второй мировой войны и последовавшего за ней раздела страны немецкое кустарное семейное производство елочной игрушки, сосредоточившееся преимущественно на востоке страны, было огосударствлено: в 1959 году большая часть предприятий влилась в состав производственного объединения «Тюрингские рождественские украшения», а развитие его упрощено и заторможено внедрением автоматов для выдувания колб, шаров и стеклянных форм. Лишь в 1990-е годы, после объединения Германии, появились новые благоприятные условия для развития елочно-игрушечного, прежде всего стеклянного, производства, которое с 1991 года

сложилось вокруг компании Krebs&Sohn, Rosenheim, а позднее — Krebs Glass Lauscha GmbH (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 14).

137. Дореволюционная Россия вообще не имела игрушечной промышленности. В 1913 году на 20 млн. руб. ввозимых изделий приходилось лишь 3200 тыс. руб. изделий собственного — кустарного и полукустарного — производства (Прокопьев Д. О елке. С. 22).
138. См.: О.И., Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война. Киев, 1915. С. 97–98, 107–108; Щенинский А. По поводу московской выставки детского рисунка // Искусство и жизнь. 1916. № 5. С. 13 и цветные вклейки.
139. Янтиков Антон. «Война кончилась (Как будет после окончания войны)»: Сочинение // Левитин С. Крестьянские дети и война // Русская школа. Сентябрь — октябрь 1915 г. № 9–10. С. 80.
140. Учительница. Отражение войны в жизни детей // Русская школа. Сентябрь — декабрь 1915 г. Т. III. С. 8.
141. Weintraub S. Silent Night: Remarkable Christmas Truce of 1914. N.Y., 2001.
142. Harding P. The Christmas Book. P. 67–69. Эти события были положены в основу художественного фильма «Счастливого Рождества!» (Франция — Великобритания —Бельгия — Германия — Румыния), снятого французским режиссером Кристианом Карионом в 2005 году и выдвинутого в том же году от Франции на соискание премии «Оскар».
143. См.: Черкасский Я. Маленький мир на большой войне // Русская Германия. 2008. № 51 // www.rg-rb.de/2008.51/swi1.shtml.
144. Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 46.
145. Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 454.

ГЛАВА 3. *Куда улетел «желтый ангел»? Елочная игрушка в Советской России: конец 1910-х — первая половина 1930-х годов*

1. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 73–74.
2. О «доминантных» и «инструментальных» символах см.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 39.
3. Паперный В. Культура Два. М., 1996.
4. Об этом см.: Смирнова Т.М. Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 — начало 1920-х гг. // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: В 2-х ч. Ч. I. М., 2006. С. 255–299.
5. Спасская Г. Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребенок. М., 1923. С. 59.
6. Знамя революции. 1917. 23 декабря.
7. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. С. 46.
8. Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 79.

9. См.: Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции. С. 141.
10. Об этом см.: Сенькина А.А. Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs новое // Учебный текст в советской школе: Сборник статей. СПб.; М., 2008. С. 33–35. Катриона Келли приводит аналогичный пример с советскими изданиями книги для чтения В. Ананьина «Живой родник», включавшей пересказ знаменитого рассказа Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (Келли К. «Папа едет в командировку»: Репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Там же. С. 159).
11. См. цветную вклейку в книге М.С. Костюхиной «Игрушка в детской литературе».
12. Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме. С. 123.
13. Воспоминания О. Маруты-Сукало-Краснопольского, 1914 года рождения // АА.
14. В.В. Из дневника педагога // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 28.
15. Там же.
16. Тагирджанова А. Татарские детские дома в городе на Неве в 1920-е гг. // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2009. № 2. С. 65.
17. Воспоминания О. Маруты-Сукало-Краснопольского // АА.
18. Вакурова А. Вспомним свою историю // Юные безбожники. 1932. № 10. С. 10.
19. Клинские елочные украшения. С. 34. Об «игрушечном» ряде на Тетюшской уездной ярмарке см.: Воспоминания О. Маруты-Сукало-Краснопольского // АА.
20. Зайцева Н.Л. Попытка создания семейного архива: Детские воспоминания родственников // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. Ч. II. М., 2006. С. 212.
21. Так, например, по данным Всероссийской городской переписи 1923 года, в Казани дети в возрасте до 10 лет составляли 17,3 % населения, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года — 18, 5% (Всероссийская городская перепись 1923 года. М., 1925. С. 8–9; ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 3. М., 1929. С. 236–237). См. также: Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале статистики. М., 1998. С. 169–211.
22. Подробнее об этом см.: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 192–197.
23. Свентицкая М.Х. Наш детский сад (Из опыта дошкольной работы детского городка имени III Интернационала при Наркомпросе в Москве). М., 1924. С. 149–152.
24. Kirschenbaum L. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia: 1917–1932. N.Y., 2001. P. 127.
25. Так, к 5-й годовщине революции в 1922 году для украшения Казани гирляндами было израсходовано 52 воза еловых и пихтовых лап (Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Российский провинциальный город 1920-х гг.: Визуализация «советскости» // Визуальная антропология: Городские карты памяти. М., 2009. С. 125). См. также: Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции. С. 194–196.
26. Огнев Н. (Розанов М.Г.) Дневник Кости Рябцева. М., 1989. С. 39.
27. Там же.
28. См.: Лебина Н. Энциклопедия банальностей. С. 203–204, а также: Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник. Киев, 1988. С. 91–93.

29. В том же «Дневнике Кости Рябцева» находим описание двух типов празднования «комсомольского рождества» — для больших и для маленьких. Для первых это представление «про разных богов <…> В этом представлении попы различных государств спорят друг с другом, чей бог лучше, потом вдруг входит рабочий с метлой и всех разгоняет. Зачем-то тут еще вертится буржуй». Младшим школьникам предлагался по существу тот же сценарий, но в адаптированном под известную сказку виде — «Красная Золушка»: в конце представления на сцене появлялся «агитатор в красной рубашке» и начинал «принца бить по шее. Принц бежит через публику, а в красной рубашке гонится за ним, и в это время на сцену выходят все, что были ряженые на балу, и вместе с сестрами поют "Интернационал"» (Огнев Н. (Розанов М.Г.) Дневник Кости Рябцева. С. 85–86).
30. Цит. по: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 15–16.
31. Дети — наше будущее. М., 2007. С. 44.
32. Сочинения учеников Калужских школ Первой опытной станции Наркомпроса (1922–1930) // Городок в табакерке Ч. I. С. 281.
33. Там же. С. 289.
34. О ней см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 266–273; Русское православие: Вехи истории. М., 1989; Husband W. «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia. 1917–1932. Illinois, 2000: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 86 и др.
35. Ярославский Е. Борьба за преодоление религии. М., 1935. С. 63.
36. Скрябина Е. Страницы жизни. М., 1994. С. 80.
37. Котылева И.Н. Советский календарь 1920-х годов: Манипуляции запоминанием и забыванием // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 343. Еще при подготовке реформы календаря Наркомпрос предлагал «эру христианскую заменить эрой социалистической» (Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1969. С. 161).
38. О «борьбе с религией» в школах Казани в этот период см.: Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9/10. С. 12–14.
39. Обследование сел и находившихся в них детских садов по Воронежской области, 1930 г. // Городок в табакерке. Ч. I. С. 335, 337.
40. Об этом см.: Салова Ю.Г. Игровое пространство советского ребенка-дошкольника в 1920-е годы // Какорея: Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 121.
41. Набоков В. Рождественский рассказ // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти т. Т. II. СПб., 2008. С. 416–421. Кстати говоря, «эмигрантская елка» для Набокова — не зеленая, а «черная» («Домой, в непраздничный мороз / Ты елку черную понес… / В снегах не наших площадей, / С немецкой елочкой своей» (Набоков В. Прохожий с елкой (1925) // Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 178)).
42. Цит. по: История московской елки // ny.myclub.ru/else/tree02.shtml.
43. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р. 341. Оп. 5. Д. 159. Л. 29. Цит. по: Деканова М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX — пер-

вой трети XX в.: Центр и провинция. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 204.

44. Федосюк Ю.А. «Утро красит нежным светом...»: Воспоминания о Москве. М., 2004. С. 201–202.
45. Вечерняя Москва. 1932. 25 декабря.
46. Правда.1932. 25 декабря.
47. Об этом см. подробно: Осокина Е. Частное предпринимательство в период наступления экономики дефицита (на примере потребительского рынка предвоенных пятилеток) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. СПб., 2000. С. 218–221.
48. Цит. по: Клинские елочные украшения. С. 34.
49. Там же; Новожилов М. Стеклодувные елочные украшения. С. 1.
50. См.: Осокина Е. Частное предпринимательство в период наступления экономики дефицита. С. 220.
51. Интересно заметить, что Казань, наряду с Москвой, Ростовом-на-Дону и Днепропетровском, называлась издателями журнала как место сосредоточения «особо активных» «юных безбожников» и, соответственно, как место наиболее успешного распространения журнала (Юные безбожники. 1931. № 1. С. 33). Не случайно, наверное, спецификой этого региона было «более стремительное, чем в центре, "выдавливание" религиозных праздников и более стремительное изменение количественного соотношения советских и религиозных праздников в пользу первых» (Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции. С. 38).
52. Смирнова В. Чей праздник: Рассказ для октябрят // Юные безбожники. 1931. № 10. С. 30–31.
53. Юные безбожники. 1931. № 9. С. 12–13.
54. В боях за социализм (Информация с мест) // Юные безбожники. 1931. № 1. С. 9.
55. Против рождественских сказок — за учебу // Юные безбожники. 1932. № 11–12. С. 1; Гаи М. Пионерские антирождественские частушки // Там же. С. 25.
56. Об этом см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 49–57.
57. Пантелеев Л., Белых Г. Республика ШКИД. Шкидские рассказы. М., 1998. С. 222. Как известно, это во многом автобиографическое произведение было написано в 1926 году.
58. Бибанова Е.Г. О маленьких детях большой Москвы. М.; Л., 1926. С. 34.
59. См.: Фараджев К. Педология А. Залкинда и миф о преобразовании человека // Залкинд А.Б. Педология: Утопия и реальность. М., 2001. С. 8.
60. За коммунистическое воспитание. 1930. № 5. С. 16. Цит. по: Салова Ю.Г. Игровое пространство советского ребенка-дошкольника в 1920-е годы. С. 121.
61. Учтем уроки антирождественской кампании // Юные безбожники. 1932. № 3. С. 19.
62. Об этом см.: Малышева С.Ю. Советский провинциальный город: Время отдыха (досуг жителей Казани в довоенное время) // Повседневность российской провинции. С. 119; Она же. Советская праздничная культура в провинции. С. 43.
63. См.: Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 150.

64. Воспоминания Н.А. Пестовой. Цит. по: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 61.

65. Интервью с А.В. Беловой // Городок в табакерке. Ч. I. С. 214.

66. Последние новости. 1932. 26 декабря // old.russ.ru/ist_sovr/express/1932_52_pr.htm.

67. Bonner E. Mothers and Daughters. N.Y., 1993. P. 57.

ГЛАВА 4. *«Блестящий воспитатель». Елочная игрушка как инструмент наделения «советскостью»*

1. О дихотомии «скучная» — «веселая» применительно к Культуре Один — Культуре Два см.: Паперный В. Культура Два. С. 166–169.

2. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 499.

3. Стахановское движение — залог нового социалистического подъема // Советская игрушка. 1935. № 5. С. 2. См. также: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка «Совдепии». СПб., 1998. С. 161.

4. «Новогодняя елка должна быть праздником радостного и счастливого детства, созданного в нашей стране огромными заботами партии, правительства и лично товарища Сталина о детях», — утверждалось в статье об оформлении новогодней елки, подготовленной дошкольным сектором Центрального дома художественного воспитания детей (Новогодняя елка // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938. С. 5).

5. Накануне новогодней елки // Игрушка. 1937. № 10. С. 3.

6. Стравинская М. Меры украшения // Власть. 2006. № 51 (705). 25 декабря.

7. Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. I. М., 1968. С. 122. Впервые — под названием «Елка» — этот текст был опубликован в газете «Известия» 31 декабря 1939 года.

8. Об этом см.: Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. С. 36.

9. Чуковский К. Елка // Мурзилка. 1944. № 12. С. 5.

10. См.: Дашкова Т. Идеология в лицах: Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920-х — 1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: Форум немецких и российских культурологов. М., 2002. С. 104.

11. Кондаков И.В. Детство как убежище, или «детский дискурс» советской литературы // Какорея. С. 143.

12. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I. С. 243.

13. См.: Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 281–288.

14. Там же. С. 282.

15. Игрушечникам — большевистское воспитание // Игрушка. 1938. № 12. С. 3; Забытый участок // Игрушка. 1939. № 1. С. 1.

16. Браун-Гербо А. Ассортимент елочных украшений (по Ленинграду) // Игрушка. 1938. № 7. С. 20.

17. Об этом см., в частности: Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: Художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007. С. 140.
18. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 275.
19. Аболина Р.Я. Советское искусство периода развернутого строительства социализма (1933–1941). М., 1964. С. 7, 20.
20. Эти явления были общим место во всей художественной промышленности рассматриваемого периода (см.: Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика. С. 154–155).
21. Флерина Е. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей и материалов. М., 1937. С. 3.
22. На елке (в ДК пионера и школьника им. Павлика Морозова) // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 26.
23. На елке (в детсаду № 1 Фрунзенского района) // Там же. С. 27.
24. На елке (письмо в редакцию ученика 4-го класса школы ФОНО Вити Антонова (жакт № 46)) // Там же.
25. На елке (в Мособлстеклокерамсоюзе) // Там же.
26. На елке (торговля игрушками перед Новым годом) // Там же. С. 28–29.
27. Беседа с заведующим магазином № 8 Москоопкультторга тов. Ворониным // Там же.
28. О.Ч. О производстве елочных украшений. С. 25.
29. Новожилов М. Стеклодувные елочные украшения. С. 11; Клинские елочные украшения. С. 42.
30. Клинские елочные украшения. С. 43.
31. Советская игрушка. 1936. № 12. С. 24. Однако, как отмечала Г.А. Янковская, установить реальное место производства изделий декоративно-прикладного характера подчас было трудно: в товарной документации данные о принадлежности производства к системе ГУЛАГа заменялись гражданскими реквизитами, например, вместо штампа «Усольлаг» ставился штамп «Усольтрест» (Янковская Г.А. Повседневность художественной жизни провинциального города в годы сталинизма // Повседневность российской провинции. С. 232–233).
32. Игрушку — на общественный просмотр // Игрушка. 1937. № 3. С. 3.
33. Накануне новогодней елки. С. 3.
34. Наболевший вопрос // Игрушка. 1938. № 5. С. 2.
35. Березин Г. Истекли все сроки // Игрушка. 1939. № 1. С. 9.
36. Карпинская Н. Примерная программа новогодней елки // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. С. 12–13.
37. Улицкая М. Праздник елки // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 22.
38. Игрушка. 1939. № 10. С. 5.
39. Хроника // Игрушка. 1937. № 6–7. С. 32.
40. Хроника // Игрушка. 1938. № 1. С. 32.
41. Хроника // Игрушка. 1939. № 10. С. 31.
42. Мясоедова М. Маски для детей // Игрушка. 1939. № 10. С. 13–14.
43. Хроника // Игрушка. 1937. № 10. С. 32.
44. Цит. по: Хроника // Игрушка. 1938. № 2. С. 32.

45. Богдан В. Мимикрия в СССР. Франкфурт-на-Майне, б.г. С. 52. Цит. по: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 98.
46. Правда. 1937. 1 января.
47. Хроника // Игрушка. 1938. № 1. С. 32.
48. Перспективы предстоящей елки // Игрушка. 1939. № 10. С. 24.
49. Воспоминания Г.А. Сальниковой, 1932 года рождения // АА.
50. Фомин А. Дед Мороз оставил чекистов с носом (vvnews.info/print.aspx?a=11407).
51. Головатюк А. Итоги и перспективы // Игрушка. 1939. № 2. С. 22.
52. Интервью с О.А. Серегиной // АА.
53. Тетрадь по графомании бывшего ученика 1–10 классов шести разных школ Москвы, Омска и Колосовки: Автобиографические записки // Городок в табакерке. Ч. I. С. 314.
54. Воспоминания Г.А. Сальниковой // АА.
55. Шолпо В. Осколки зеркала // Казань. 1994. № 9–10. С. 125–126.
56. Хроника // Советская игрушка. 1936. № 8. С. 31–32; Шолпо В. Осколки зеркала. С. 127.
57. Там же. С. 128.
58. Производство игрушек должно быть расширено // Игрушка. 1938. № 8–9. С. 2.
59. Андреева Л. За большевистскую принципиальность // Игрушка. 1938. № 8–9. С. 6.
60. Игрушечникам — большевистское воспитание. С. 3.
61. Перспективы предстоящей елки. С. 24; Политическая задача игрушечников // Игрушка. 1938. № 6. С. 3.
62. Волхонский Е. Творчество стахановцев // Игрушка. 1939. № 1. С. 15.
63. Серия выпускалась уже позднее, на рубеже 1950–1960-х годов.
64. Менджерицкая Д.В. Игра // Воспитание ребенка в семье от трех до семи лет (Книга для родителей). М., 1950. С. 121.
65. Сакулина Н. Оформление новогодней елки // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. С. 49.
66. См.: Политическая задача игрушечников. С. 2–3; Сенько А. Производство игрушек — в новые районы // Игрушка. 1938. № 12. С. 6.
67. В 1960 году она была преобразована в Казанскую фабрику детской игрушки (ныне ООО «Фабрика игрушек "Тауен"»).
68. См.: Раевская С. Выставка кукол // Игрушка. 1939. № 3. С. 27. См. также: Набиуллина З. Чем дитя тешилось: Народная игрушка XII — начала XX вв. // Казань. 1995. № 9–10. С. 152–156.
69. Цит. по: Хроника // Игрушка. 1939. № 1. С. 32.
70. Таким виделся предвоенный новый год на рубеже 1940–1950-х годов (Осеева В.А. Васек Трубачев и его товарищи. М., 1961. С. 8).
71. Armstrong T. The Russian in the Arctic: Aspects of Soviet Exploration and Exploitation of the Far North. London, 1958. P. 25. Цит. по: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 229.
72. Наумов В. Три Казани // Казань. 1998. № 9–10. С. 44; Интервью с О.А. Серегиной // АА.
73. Воспоминания С.П. Киселевой. Цит. по: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 67.
74. Носов Н. Версты любви. С. 20.

75. Описание советских елочных игрушек дано на основании личной коллекции и по воспоминаниям автора, частной коллекции Людмилы Блатт (Казань), каталога «Елочные украшения. 1900–1970. Гид для коллекционера» (СПб., 2004) и частной коллекции Ким Балашак (Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. М., 2002). Обобщены также материалы интернет-сайтов: Christmas-collection.narod.ru/new-year-old-toy.html; www.sovetika.ru/gallery/thumbnails.php?album=182&page=2; igrushka.kz/vip62/eiistmod.php; www.christmasheaven.ru; blog.imhonet.ru/community/1385 и др.
76. Ильина Е. Елка в детском саду // Ильина Е. Елка в детском саду. М., 1937. С. 46.
77. Кудряшов К. Повесим Маркса к Ленину! // Аргументы и факты Москва. 2006. № 50 (700). 13 декабря.
78. Панова Н. Новогодняя елка: Сценарий праздника для детей 8–12 лет. М., 1940.
79. Там же. С. 8–10, 30.
80. Алексеев Г. Еще можно успеть! Игрушки к 20-летию Октябрьской революции // Игрушка. 1937. № 5. С. 16.
81. Дмитриева Н. Новинки к зиме // Игрушка. 1938. № 11. С. 23.
82. Есаулов И. Соцреализм и религиозное сознание // Соцреалистический канон. С. 51.
83. Паперный В. Культура Два. С. 88, 125–126.
84. Чуковский К. Елка. С. 5.
85. Трутнева Е. Дед Мороз // Мурзилка. 1943. № 2. С. 10.
86. Воспоминания Г.А. Сальниковой // АА.
87. Молчанов А.В. Нарисованная елка // Эстафета вечной жизни: Сборник воспоминаний уходящего поколения блокадников. СПб., 1995.
88. См.: Ковалев Б.Н. Советские дети и школьная политика национал-социалистов на оккупированной территории (1941–1944) // Deutscher Historisches Institut Moskau. Bulletin № 3. Kinder des Krieges / Дети войны. Materialien zum Workshop in Voronez, 11–13 März 2008. S. 77.
89. Все эти экспонаты были представлены на открывшейся в канун нового, 2010 года в Кельнском документационном центре национал-социализма выставке «Что за Святая ночь! Рождество в политической пропаганде». О ней см.: Хавронин А. Свастика на елочку. Указ. соч.; Королева Н. Рождество как средство политической пропаганды // www.dw-world.de/dw/article/0,,5018455,00/.
90. Базыкин С.С. Украшения и игрушки для елки // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 33–40; Быковская Е. Елочные игрушки-самоделки // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 22–23; Выкройки // Елка в детском саду. С. 80, 92–94; Чертежи и выкройки елочных игрушек // Елка: Сборник статей и материалов; Елочные самоделки // Мурзилка. 1937. № 11. С. 19; Гринберг В.Д. Наша елка. М., 1938; Сакулина Н. Оформление новогодней елки. С. 49–50; Буильский Ю. Готовьтесь к елке // Игрушка. 1939. № 10. С. 17; Деньшин А. Елка (Изготовление елочных самоделок). Киров, 1939; Игрушки-самоделки для елки. Куйбышев, 1942; Украсим елку // Мурзилка. 1943. № 11–12. С. 16–17; Бедаров Г. Как сделать елочную игрушку. Б.м., 1944 и многие др.
91. Елочные самоделки. С. 19.

92. См., например: Украсим елку! (Самоделки учеников московской школы № 43 Фрунзенского района). С. 16–17.
93. Душечкина Е.В. Русская елка. С. 155.
94. Токмакова И. Запрещенное Рождество: Воспоминания детства // Большая книга Рождества. С. 122–123.
95. Там же. С. 123.
96. Янковская Г.А., Ромашова М.В. Выездная сессия Международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (Пермский государственный университет, Пермь, 15–18 ноября 2008 года) // Вестник Пермского университета. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 119. На этот факт указывает и К. Келли (см.: Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. Лето (№ 8). С. 150).
97. Интервью с М.Л. Тузовым // АА.
98. Интервью с С.Г. Садыковой, 1937 года рождения // АА.
99. Интервью с Р.Х. Зантимировой, 1925 года рождения; Т.П. Кореевой, 1935 года рождения; Н.А. Матюгиной, 1943 года рождения // АА.
100. Правда. 1946. 11 февраля.
101. Россихина С.В. Производство игрушек в промысловой кооперации РСФСР // За советскую игрушку. Сб. 1. Б.м., 1948. С. 8–9.
102. Флерина Е.А. Педагогические требования к советской игрушке // За советскую игрушку. С. 2.
103. Россихина С.В. Производство игрушек в промысловой кооперации РСФСР. С. 8.
104. Она же. Куклы и предметы игры с куклами // Игрушка: Сборник статей. М., 1950. С. 19.
105. Она же. Производство игрушек в промысловой кооперации РСФСР. С. 9.
106. Интервью с Н.С. Альтшулер // АА. В частной коллекции Н.С. Альтшулер сохранились стеклянные елочные украшения, изготовленные Б.А. Арбузовым.
107. Это нашло отражение в ряде директивных и распорядительных актов советского правительства. См.: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами», «Об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (от 9 ноября 1946 года), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (от 21 июля 1948 года), «О мероприятиях по улучшению торговли» (от 20 ноября 1948 года) и др. (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 362).
108. См.: Ершова О.Г., Райкин Л. Игрушки (Практическое пособие для торгового работника). М., 1950; Справочник директора промтоварного магазина. М., 1951. С. 180; Изделия широкого потребления: Каталог. М., 1953 и др.
109. Наш новогодний репортаж // Огонек. 1950. № 1. Цит. по: Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. С. 37.

110. Как известно, московский «Детский мир» был открыт уже через год после окончания Великой Отечественной войны (см.: Москва послевоенная 1945–1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 61). См. также: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города. С. 349.
111. Интервью с Раисой Васневой, 1922 года рождения // АА; Кутуй Р. Белое пламя лунного тополя // Казань. 1993. № 1. С. 15.
112. Прокопьев Д. Игральные домики // Советская игрушка. 1936. № 5. С. 9.
113. Носов Н. Версты любви // Казань. 1995. № 1–2. С. 55, 61, 68.
114. Махров А. На радость детям // Для блага народа. Свердловск, 1954. С. 45.
115. Из воспоминаний женщины 1939 года рождения. Цит. по: Ромашова М.В. Вещи и слова советского детства 1940–1950-х гг.: Провинциальное измерение // Какорея. С. 214.
116. Воспоминания о детстве Х.Х. Тимербаева // АА.
117. Бойм С. Общие места. С. 58.
118. Производство елочных украшений и серебрение в артели «Культигрушка» Ленинграда // За советскую игрушку. С. 34.
119. Новые игрушки // Там же. С. 58.
120. Там же. С. 57.
121. Музыченко В. А у вас есть коллекция елочных игрушек? // Казанские ведомости. 2008. 15 января.
122. Дергачев Г. Мои домашние елки (Воспоминания далекого детства) (chitalnya.ru/users/Romantico-Izba).
123. В стихотворении О. Высоцкой «Дед Мороз», рисующем подготовку к детскому новогоднему празднику, читаем: «И на первом этаже, и на третьем этаже, на шестом и на одиннадцатом даже приготовлены уже и конфекты, и драже, и развешены уже картонажи» (Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. С. 11).
124. Давыдов В. Новый способ серебрения стеклянных елочных украшений // Игрушка. С. 42–45.
125. Интервью с Н.А. Федоровой, 1959 года рождения // АА.
126. На основании решения международной организации коллекционеров «Golden Glow» (англ. «Золотое сияние») старинными, то есть обладающими высокой художественной и коллекционной ценностью, елочными игрушками признаются все игрушки, произведенные до 1966 года включительно (изготовленные ручным полукустарным способом вплоть до перехода к массовому машинному трафаретному производству) (Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. С. 46).

ГЛАВА 5. *Советская елочная игрушка как текст: проблемы «написания», «прочтения» и интериоризации*

1. Баранов Д. Образы вещей (О некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212.
2. Об этом см.: Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 89–101.

3. Именно эта символичность способствовала устойчивому закреплению образа рождественской/новогодней елки в мировой литературе как символа духовного возрождения. Не останавливаясь специально на этом сюжете, можно привести только один, но очень показательный пример. Как известно, события последнего действия пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных» происходят в крещенский сочельник (19 января) 1919 года. Елена и Лариосик убирают елку; Лариосик вносит последний штрих — водружает на елочную верхушку рождественскую звезду. Теперь, по его словам, это «елка на ять». Пришедший поручик Шервинский сообщает об оставлении Киева Петлюрой и занятии его большевиками. Хотя в действительности эти события произошли несколько позже — 3–5 февраля 1919 года, — Булгаков погрешил против фактов (как он сам писал, «раздвинул сроки») и ввел рождественскую елку в четвертое действие пьесы (см.: Булгаков М. Дни Турбиных // Булгаков М. Театральный роман. М., 2009. С. 353–432).
4. Баранов Д. Образы вещей. С. 214.
5. Такая классификация текстовой информации была предложена И.Р. Гальпериным применительно к нарративным документам, но, вероятно, вполне может быть применена и при герменевтическом прочтении елочной игрушки как текста (см.: Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981).
6. Как отмечала по этому поводу американская исследовательница Дж. Бэкстер, именно материальная культура представляет собой наиболее плодотворную область для изучения детской социализации, поскольку «материальная культура, создаваемая и используемая детьми, несет в себе значения, даваемые им и детьми, и взрослыми» (Baxter J.E. The Archaeology of Childhood. P. 39).
7. Подробнее об этом см.: Дашкова Т. Проблема исследования женской телесности: Поиск языка описания (на материале советских журналов 1920–1930-х годов) // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 274–278. А также: Барт Р. Camera Lucida: Комментарий к фотографии. М., 1997; Подорога В.А. Непредъявленная фотография // Автобио-графии: К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1. М., 2001. С. 191–239; Ямпольский М. Демон и лабиринт. М., 1996 и др.
8. Богдан В. Мимикрия в СССР. С. 52–53. Цит. по: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 93.
9. Дергачев Г. Мои домашние елки. Указ. соч.
10. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: В 3-х т. Т. I. С. 192.
11. На елке (в клубе им. Красина) // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 27.
12. Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 10.
13. Тетрадь по графомании бывшего ученика 1–10 классов шести разных школ Москвы… С. 341.
14. На елке (в детсаду № 1 Фрунзенского района). С. 26.
15. На елке (в ДК пионера и школьника имени Павлика Морозова). С. 26.
16. Хроника // Игрушка. 1939. № 11–12. С. 48.

17. Об этом см. подробнее: Сальникова А.А. «Детское письмо» как опыт, как факт и как знание // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. № 15. М., 2008. С. 268–271.

18. В городских семьях таких журналов действительно выписывалось довольно много. Так, женщина 1932 года рождения вспоминает, что перед войной для нее выписывали ежегодно сразу несколько журналов, и обязательно — «Мурзилку», «Дружные ребята», «Юный натуралист» и «Затейник» (Воспоминания Г.А. Сальниковой // АА.).

19. Тараховская Е. Елка, елка, елочка… // Косминская И.Б. Праздники и развлечения // Воспитание ребенка в семье от трех до семи лет (Книга для родителей). М., 1950. С. 209.

20. Елка: Репертуарный сборник. С. 6–7.

21. Там же. С. 3; Михалков С. Елка // Там же. С. 14; Маршак С. Декабрь // Елка: Сборник художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946. С. 3.

22. Ильина Е. Елка в детском саду. С. 46.

23. См., например: Гроздова Е. Как украсить елку // Игрушка. 1937. № 10. С. 6.

24. Трутнева Е. Золотая звезда // Елка: Репертуарный сборник. С. 16.

25. Кононов А. Рассказы о Ленине. М.; Л., 1939. С. 37–38 и многие др.

26. О «елках Ильича» см. подробно: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 296–315.

27. См., например, «Букварь» С.П. Редкозубова и А.В. Янковской, выдержавший в период с 1938 по 1952 год семь переизданий.

28. Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система вещей: Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 380.

29. Зрелищно то, что притягивает внимательный взгляд, что несет в себе элемент необычности, непривычности, внеповседневности. См.: Зоркая Н. Зрелищные формы художественной культуры. М., 1981. С. 10.

30. Культ старчества и младенчества (при утверждении одних и тех же идеалов у всех возрастов), воплощая одновременно устремленность в «светлое будущее» и преклонение перед традициями, заложенными «отцами-патриархами» в лице советских лидеров, был, как известно, легитимирован постфигуративной «вертикальной» сталинской Культурой Два (см.: Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago; L., 1985. P. 114–118; Паперный В. Культура Два. С. 94 и др.). Его христианская традиционность весьма удачно соотносилась с новогодней (рождественской) традицией.

31. Флерина Е.А. Образная игрушка и методы ее подачи. С. 6.

32. Елочные игрушки. С. 27–28.

33. Моложавая Е. К оформлению комплексн ой игрушки // Советская игрушка. 1936. № 3. С. 12–13.

34. Базыкин С. Делать хорошие массовые игрушки // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 7.

35. Улицкая М. Праздник елки. С. 22.

36. Чуковский К. Елка. Указ. соч.

37. См.: Елка в детском саду. М., 1937; Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938; Елка: Художественный материал для детей дошкольного возраста. М., 1940; Панова Н. Новогодняя елка: Сценарий праздника для детей 8–12 лет.

М., 1940; Елка: Сборник художественных материалов для детей начальной школы. М., 1945; Елка: Сборник художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946; Елка: Репертуарный сборник. Ижевск, 1947 и др. О вербальной составляющей советского детского новогоднего ритуала см.: Леонтьева С. Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки. 2003. № 1.

38. См., например: Карпинская Н. Примерная программа новогодней елки. С. 10–14; Збарская Е. Примерная программа новогодней елки // Там же. С. 15–17; Костюмы к празднику новогодней елки // Там же. С. 51–61 и др.

39. Григорьев Н. Карнавальная игрушка // Игрушка. 1937. № 2. С. 22.

40. Bonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.

41. Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 13–14.

42. Sorochenko N.M. Pre-School Education in the USSR // G.L. Kline (ed.). Soviet Education. N.Y., 1957. P. 17. Цит. по: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 91.

43. Быковская Е. Елочные игрушки и их изготовление // Елка: Сборник статей и материалов. М., 1937. С. 42.

44. Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 9–21; Она же. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей и материалов. С. 3–10.

45. Флерина Е.А. Елка в детском саду // Сборник статей о проведении елки. С. 10–11. Библиографию методических материалов и праздничных сценариев по проведению новогодней елки в 1936–1945 годах см. также: Асташов А.Б., Гордеева И.А. Библиография по теме «Детский досуг (чтение, сказка, игрушки, музыка, праздники, кинематограф, театр)» (1918–1945 гг.) // Какорея. С. 356–358.

46. Дети — наше будущее. С. 76.

47. Об этом см.: Петровская Е.В. Антифотография. М., 2003. С. 17; Круткин В.Л., Власова Т.А. Исследования визуальных аспектов культуры. Ижевск, 2009. С. 35 и др.

48. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 28.

49. См., например: Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.

50. Булгаков М.А. Дни Турбиных. Указ. соч.

51. Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки. С. 13.

52. Новогодняя елка. С. 5; Елочные игрушки. С. 28.

53. Хроника // Игрушка. 1937. № 2. С. 32.

54. Россихина С.В. Куклы и предметы игры с куклами. С. 16.

55. См.: Овчинникова Е. Забавы знати. С. 20.

56. Там же. С. 22.

57. Улицкая М. Праздник елки. С. 22.

58. Там же. С. 23.

59. Ершова О. Елочный ассортимент. С. 24. О визуальном нарративе и его соотношении с нарративом вербальным см., в частности: Вишленкова Е.А. Визуальный язык описания «русскости» в XVIII — первой четверти XIX века // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 97–146.
60. Елочные игрушки. С. 27–28.
61. Там же. С. 28.
62. Хитрово Г. Игра в «театр» (На примере детсада № 83 Свердловского района города Москвы) // Игрушка. 1938. № 12. С. 14.
63. «Юный художник» — печатный орган ЦК ВЛКСМ, издававшийся с 1936 по 1941 год. В 1970-е годы издание журнала было возобновлено.
64. Янковская Г.А., Ромашова М.В. Выездная сессия Международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». С. 119.
65. Лабунская Г. О природе, о жизни, о своих мечтах… // Юный художник. 1936. № 1. С. 18.
66. Владимиров А. Счастливое детство // Юный художник. 1938. № 10. С. 22–23.
67. Лаврентьева З. Новогодняя елка. Акварель. Москва. 1939 // Юный художник. 1939. № 5. С. 10.
68. Рогинская Ф. Празднества в творчестве юных художников // Юный художник. 1939. № 5. С. 8.
69. Плигина Т. В детском парке зимой. Акварель. 1940 // Юный художник. 1940. № 6. С. 21.
70. Анчарова М. Сюрпризы Деда Мороза // Игрушка. 1939. № 2. С. 17.
71. Мурзилка. 1937. № 12. С. 2.
72. Мурзилка. 1938. № 12. С. 18.
73. См., например, акварель В. Левченко «На каникулах» (1948) из коллекции Института художественного образования РАО (Московское детство: Память поколений. М., 2008. С. 68).
74. Дети русской эмиграции. С. 163.
75. Там же. С. 35, 114, 429.
76. Там же. С. 47, 92, 206, 221, 263, 299, 415, 475.
77. Рабинович М. Несколько слов о творческой игре // Советская игрушка. 1936. № 3. С. 15.
78. Пастернак Б. Вальс со слезой // Пастернак Б. Стихотворения. М., 1990. С. 122.
79. См.: Бойм С. Общие места. С. 10.
80. Стихотворение написано участниками литературной студии Московского дома пионеров в 1939 году // Новогодняя елка. С. 10.
81. Интервью с Н.А. Федоровой // АА. Об этой же игре, принятой в их семьях, рассказали в интервью Г.П. Мягков и О.Л. Малышева.
82. Зеленина Т. Елка моего детства. С. 90.

ГЛАВА 6. *Красная звезда vs китайские шары. Советская елочная игрушка в современной России*

1. См.: Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58–66.
2. «Люди приспосабливались к каждой вещи, вещь становилась частью личности, привычным условием образа жизни, идентичности, символизирующим жизненный путь не только данного человека, но и его социального окружения. Вещи символизировали связь поколений,

выступали как часть эпохи, индивидуальной и коллективной биографии, являлись фундаментом привычного поведения, обуславливающим его интегрированность в быт» (там же. С. 59). Эти рассуждения вполне применимы и к елочной игрушке.

3. И сегодня среди ежегодно покупаемых россиянами 10 млн. елочных украшений значительную часть по-прежнему составляют китайские изделия, ведь именно Китай является ныне мировым лидером по производству елочных аксессуаров, экспортируя их более чем на 1,5 млрд. долларов в год (Елочная игрушка: Современные тенденции, мода, производство // christmas-collection.narod.ru/prr-history-old-toy4.html).
4. См.: Декоративно-прикладное искусство России // www.russianpresent.narod.ru.
5. Крупнейшими центрами по изготовлению отечественной стеклянной елочной игрушки оставались в тот период и остаются до сих пор клинское ОАО «Елочка» и московское ЗАО «Иней». В отличие от упрощенного метода «конвейерной штамповки», практически все изделия выдуваются здесь из стекла и раскрашиваются вручную. Особенно впечатляют шары, украшенные изысканной лаковой матовой и глянцевой росписью и блестящими присыпками в виде морозных узоров, снежинок, плавно изогнутых завитков и веточек, повторяющих традиционные орнаменты русской вышивки и кружева. Великолепны шары со сложной художественной росписью с изображением российских зимних пейзажей и новогодних персонажей, а также высокохудожественные фигуративные изделия, выполненные в стиле традиционных народных промыслов (Близнюк А. Новогодняя и рождественская игрушка // Наука и жизнь. 2003. № 12).
6. Цит. по: Кудряшов К. Повесим Маркса к Ленину! Указ. соч.
7. Об этом см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 75.
8. Возможными вариантами могли служить «белая» елка (елочное убранство в сочетаниях белого и золотого, белого и серебряного, белого и цвета шампанского), «синяя» елка, елка в шоколадной гамме и пр. Дизайнеры предлагали также оформить елку «гламурную» (розовые муаровые и бархатные ленточки и бантики, много блеска, стразы, драгоценные металлы, жемчужные бусы и другие ювелирные украшения) или «экзотическую» (от пышной и богатой «китайской» с лентами из красной тафты, разноцветными бумажными китайскими фонариками, красными и золотыми шарами и, конечно же, игрушками-животными — символами уходящего и наступающего года — до скромной и сдержанной «японской», украшенной бумажными изделиями в технике оригами), «фантазийную», на ветках которой расположились бы сувениры, привезенные из прошлых путешествий, или «шоколадную», оформленную наборами шоколадных елочных игрушек ручной работы, в стиле high tech с CD- и DVD-дисками, мышками, обрезками цветных кабелей, флеш-картами и футлярами для дисков, раскрашенными аэрозольными красками, или «постмодерн» с такими «нестандартными» елочными украшениями, как гнезда из лапши, гирлянды из пуговиц, шары, оклеенные денежными купюрами, кусочки бекона. А можно было просто все перемешать в свободном стиле фьюжн.

   Кстати, и сами елки могли выглядеть весьма необычно: это были и половинчатые ели, приставляемые к стене, и елки в виде шара, и очень модные инвертированные деревья, вися-

щие вниз макушкой, у которых украшались лишь нижние ветки, и стильные черные елки, украшенные существами из «потустороннего мира»: скелетами, вампирами, вурдалаками, монстрами всех мастей, декадансными черными шарами и траурными черными снежинками (описание елочных стилей дано про следующим изданиям и интернет-сайтам: Горбашова А. Здравствуй, дедушка Мороз! Ты скелетик нам принес? // Профиль. 2006. № 48 (509); Шоколадная лихорадка // Новые известия. 2009. 18 декабря; Елка: От классической до гламурной // art.thelib.ru/house/interior/elka_ot_klassicheskoy_do_glamurnoy_html; Елка в стиле casual: 10 нарядов для зеленой модницы // www.femmina.ru/articles/183-/; Happy New Year! — Стильная елка // newnewyear.livejournal.com/3852.html и др.).

9. Утверждают, что впервые искусственные ели появились в 1880-е годы в Германии, чтобы защитить от уничтожения хвойные леса, и были изготовлены из гусиных перьев, окрашенных в зеленый цвет (см.: Forbes B.D. Christmas: A Candid History. Berkeley, 2007. P. 121–122). Ветки их украшали искусственные декоративные красные ягоды, выполнявшие функцию подсвечников (Marling K.A. Merry Christmas! P. 58–62). Эти ели были мало похожи на настоящие и покупались плохо. В XX веке в США появились искусственные елки, изготовленные из грубой щетины, позднее — из алюминия (для такого дерева вообще не нужны были украшения — оно само все искрилось и сверкало) и, наконец, из поливинилхлорида (ПВХ) и других видов пластмасс (см.: Cole P. (ed.). Christmas Trees: Fun and Festive Ideas. San Francisco, 2002. P. 23; Hewitt J. The Christmas Tree. P. 33).
10. Старая елочная игрушка и коллекционирование // www.christmas-collection.narod.ru/prr-history-old-toy5.html.
11. Меленецъ Л. Історія ялинкової іграшки // www.malecha.org.ua/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=142.
12. От Деда Мороза с ружьем — до храма: История России в елочной игрушке // www.rian.ru/ny_mm/20081226/158160913.html.
13. Harding P. The Christmas Book. P. 11.
14. Жити завтра // www.donor.ua/.../index.php?module=articles.
15. Если верить Интернету, самая большая елочная игрушка была произведена в 2004 году в Санкт-Петербурге — синий шар из пенопласта и прорезиненной ткани с серебряным наполнением в виде снежинок, весивший почти тонну (см.: История елочной игрушки: Выставки, коллекционирование, исторический обзор // www.christmas-collection.narod.ru/pr-history-grate-catalog.html), а цена самой дорогой елочной игрушки составила 82 тыс. фунтов (rapps.ru/main.mhtml?Part=18&PubID=6007).
16. Близнюк А. Новогодняя и рождественская игрушка. Указ. соч. Однако западные дизайнеры при создании винтажных елочных украшений активно эксплуатируют не столько «советскую», сколько «русскую» тему. Так, например, в бутиках ряда крупных городов России в новогодне-рождественский сезон 2008/2009 года появилась винтажная «Императорская» (Russian Teaparty) коллекция елочных игрушек, созданная бельгийскими дизайнерами, как утверждалось в каталогах, «по мотивам русской истории». Среди представленных образцов присутствовали елочные украшения в виде царской короны и скипетра, в виде подковы

с заключенным в нее Иваном-царевичем верхом на Сером волке, в виде животных, одетых в роскошные придворные костюмы екатерининской эпохи, а также симпатичных старичков в коронах и красных кафтанах с пышными седыми окладистыми бородами и стройных барышень в венцах с золотыми ангельскими крыльями за спиной. Несмотря на несомненную тонкость, изящество и шик, присущие этим украшениям, «русского» на самом деле в них было немного: «красивость» полностью вытеснила и заменила собой достоверность, а псевдонациональные маркеры были порождены игрой дизайнерского воображения вкупе с господствующими в массовом западном сознании стереотипами. Хотя на эту самую достоверность никто особо, вероятно, и не претендовал.

17. О ней см.: Бойм С. Общие места. Указ. соч.; Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х // Век памяти, память века. С. 346–357; Agacinski S. Time Passing: Modernity and Nostalgia. N.Y., 2003; Boym S. Future of Nostalgia. N.Y., 2001 и др.
18. См.: Лехциер В.Л. «Опыт исчезновения…» // Mixtura verborum 2003: Возникновение, исчезновение, игра. Самара, 2003. С. 5; Серегина Н.М. Уходящая натура, или «эстетика исчезновения» // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): Проблемы изучения. Казань, 2008. С. 204–209 и др.
19. Файбисович С. Русские новые и неновые: Эссе о главном. М., 1999. С. 154. Цит. по: Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х. С. 352.
20. Абрамов Р. Поэтика повседневности семидесятых в фильме «Трамвай идет по городу»: Ностальгическое эссе // Визуальная антропология. С. 147.
21. Советские традиции, праздники и обряды. С. 118.
22. См. многочисленные тематические сайты, посвященные позднесоветской материальной культуре, в том числе и специально елочной игрушке, сайты о советском детстве (например, www.76-82.ru — «76-82. Энциклопедия нашего детства»), а также изображения и тексты, представленные в отечественной блогосфере: community.lifejournal.com/soviet_life («Предметы советской жизни в фотографиях, картинах советских художников и в ваших воспоминаниях»); community.lifejournal.com/ru_museum70 («Виртуальный музей 70-х») и др.
23. См.: Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 66–78.
24. См. список информантов (Раздел «Использованные источники и литература»). Автор выражает благодарность студентам исторического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, участвовавшим в проведении опроса и сборе воспоминаний, а также написавшим эссе о елках и елочных игрушках их детства.
25. Воспоминания О. Маруты-Сукало-Краснопольского // АА.
26. Интервью с Р.Г. Фазылзяновым, 1929 года рождения; Р.С. Хасановой, 1928 года рождения // АА и др.
27. Воспоминания В.И. Хабибуллиной, 1925 года рождения // АА.
28. Интервью с Р.Г. Фазылзяновым // АА.

29. Интервью с Б.С. Бухаловой (Корнишиной), 1927 года рождения // АА.
30. Интервью с В.И. Хабибуллиной // АА.
31. Интервью с Р.С. Хасановой, В.И. Хабибуллиной, В.С. Бухаловой; Н.Ш. Валеевой, 1929 года рождения // АА и др.
32. Воспоминания Л.К. Зарипова, 1915 года рождения // АА.
33. Интервью с В.И. Хабибуллиной // АА.
34. Интервью с анонимом, 1938 года рождения // АА.
35. Интервью с Ю.Н. Сочешковым, 1939 года рождения // АА.
36. Интервью с анонимом, 1936 года рождения // АА.
37. Там же; Интервью с М.Г. Сафиной, 1931 года рождения; Е.М. Семаревой, 1938 года рождения // АА и др.
38. Интервью с Ю.Н. Сочешковым // АА.
39. Интервью с Е.М. Семаревой; Р.Х. Измайловой, 1938 года рождения // АА.
40. Интервью с З.Н. Васиной, 1943 года рождения // АА.
41. Интервью с И.М. Бикмаметовым, 1948 года рождения // АА.
42. Там же.
43. Там же; интервью с Ю.И. Романовым, 1947 года рождения // АА.
44. Интервью с В.Н. Моисеевым, 1945 года рождения // АА.
45. Интервью с И.М. Бикмаметовым, З.Н. Васиной, В.Н. Моисеевым // АА.
46. Интервью с З.Н. Васиной, В.Н. Моисеевым; Т.Д. Рочевой, 1946 года рождения // АА.
47. Интервью с Г.П. Мягковым, 1946 года рождения // АА.
48. Интервью с И.М. Бикмаметовым // АА.
49. Там же; воспоминания анонима,1945 года рождения // АА.
50. Интервью с И.М. Бикмаметовым, З.Н. Васиной, Т.Д. Рочевой, В.Н. Моисеевым; А.С. Александровой, 1949 года рождения; Э. Сайфуллиной, 1940 года рождения; Н.Г. Прониным, 1949 года рождения; анонимом, 1947 года рождения // АА.
51. Интервью с В.Н. Моисеевым; анонимом, 1947 года рождения // АА.
52. Интервью с Е.А. Бушухиным, 1947 года рождения // АА.
53. Воспоминания Л.А. Земницкой, 1963 года рождения; интервью с Т.Н. Яшиной, 1966 года рождения; воспоминания Р.И. Волковой, 1955 года рождения // АА.
54. Интервью с О.Л. Малышевой, 1957 года рождения // АА.
55. Эссе А. Бурмистрова, 1989 года рождения // АА.
56. Эссе А.Е. Бушухиной, 1990 года рождения // АА.
57. Анкета О.Н. Егорова, 1989 года рождения; эссе М. Муалова, 1989 года рождения; Л. Павловой, 1989 года рождения; анкета Б.Г. Ахметшина,1989 года рождения; эссе Т. Джапарова, 1989 года рождения; анкета Н.Р. Гатауллина, 1989 года рождения; эссе М. Земницкой, 1989 года рождения // АА.
58. Эссе А. Архипова, 1990 года рождения // АА.
59. Анкета О.Н. Егорова; эссе Л. Павловой; анкета Т.Р. Бариева,1988 года рождения; эссе А.В. Тимофеевой, 1988 года рождения // АА.

60. Анкета О.Н. Егорова; эссе Л. Павловой; Г. Саетзяновой, 1990 года рождения; А.В. Крестьянинова, 1989 года рождения; анкета Э.И. Шарафиева, 1988 года рождения // АА.
61. Эссе Г. Саетзяновой; А.Е. Бушухиной; А.В. Крестьянинова; анкета Я.С. Зубаревой, 1988 года рождения; А.В. Парамузова, 1988 года рождения; Е.Н. Сорокиной, 1989 года рождения; Г.А. Ежова, 1989 года рождения; Л.Н. Кузягиной, 1988 года рождения; Л.В. Ижболдиной, 1988 года рождения; Д.И. Мазитова, 1989 года рождения // АА.
62. Эссе А. Бурмистрова // АА.

Использованные источники и литература

Источники

Неопубликованные источники: анкеты, воспоминания и эссе «Елка и елочная игрушка моего детства»

Список информантов (с указанием года и места рождения):

Абдуллина Зарина Зинуровна — 1990 г., г. Зеленодольск, Республика Татарстан (далее — РТ).

Абдулнасырова Фанзиля Нутфуловна — 1932 г., д. Большой Буртас Камско-Устьинского р-на РТ.

Аксанова Наиля Адгамовна — 1957 г., г. Казань.

Александрова Анна Сергеевна — 1949 г., д. Топкино Высокогорского р-на РТ.

Альтшулер Нина Семеновна — г. Казань.

Аноним — 1924 г., д. Верхние Шипки Заинского р-на РТ.

Аноним — 1935 г., с. Корноухово Рыбно-Слободского р-на РТ.

Аноним — 1936 г., г. Бор Горьковской (Нижегородской) обл.

Аноним — 1937 г., с. Давыдовка Лискинского р-на Воронежской обл.

Аноним — 1938 г., д. Тюрташево, Башкирия.

Аноним — 1945 г., д. Малтабарово Мензелинского р-на РТ.

Аноним — 1945 г., д. Мещеряки Буинского р-на РТ.

Аноним — 1947 г., г. Казань.

Аноним — 1958 г., г. Казань.

Аноним — 1964 г., г. Арск, РТ.

Аноним — 1988 г., г. Казань.

Аноним — 1989 г., г. Казань.

Аноним — 1989 г., г. Набережные Челны, РТ.

Архипов Александр — 1990 г., г. Казань.

Ахметшин Булат Газинурович — 1989 г., г. Казань.

Бакирова Элина Наилевна — 1989 г., г. Казань.

Бакирова Эндже Рашидовна — 1989 г., г. Буинск, РТ.

Бариев Тимур Ринатович — 1988 г., г. Казань.

Бариева Наталья Петровна — 1961 г., г. Казань.

Бехтерева Любовь Ивановна — 1953 г., г. Лиски Воронежской обл.

Бикмаметов Ильгизар Мустафович — 1948 г., г. Казань.

Бихузин Р. — 1989 г., место рождения не указано.

Бурмистров Антон — 1989 г., место рождения не указано.

Бухалова (Корнишина) Вера Степановна — 1927 г., с. Столбищи Столбищенского (ныне Лаишевского) р-на РТ.

Бушухин Евгений Александрович — 1947 г., г. Луцк Волынской обл.

Бушухина Анна Евгеньевна — 1990 г., г. Ташкент, Узбекистан.

Бушухина Флюра Нагимуллаевна — 1952 г., ст. Ак-Кавак Среднеазиатской ж.д.

Валеева Насиля Шафхутдиновна — 1929 г., д. Нижние Тиганы Алексеевского р-на РТ.

Валиуллина Ф.Ф. — 1932 г., г. Казань.

Васильева Нина Петровна — 1928 г., г. Казань.

Васин Александр Юрьевич — 1989 г., г. Казань.

Васина Зинаида Николаевна — 1943 г., г. Казань.

Васнева Раиса — 1922 г., в городе, место рождения не указано.

Волкова Раиса Ивановна — 1955 г., с. Елантово Шереметьевского р-на РТ.

Востриков Игорь Владимирович — 1989 г., г. Вятские Поляны Кировской обл.

Габдуллин Василь Фазуллович — 1964 г., д. Меннярово Актанышского р-на РТ.

Габдуллин Ильназ — 1990 г., г. Нижнекамск, РТ.

Гайнеева Ильсия Зайниповна — 1939 г., г. Казань.

Гайнуллина Миннегайша Гарифуловна — 1932 г., д. Большие Тарханы Тетюшского р-на РТ.

Гайнутдинова Айгуль Ильсуровна — 1989 г., г. Казань.

Гайнутдинова Рузлия Габдулловна — 1963 г., г. Казань.

Гатауллин Нияз Равилевич — 1989 г., г. Казань.

Гатауллина Гульшат Мухаматовна — 1959 г., г. Атня, РТ.

Гатина Зарина Салидаровна — 1989 г., г. Целиноград.

Гимадиев Ильдар — 1990 г., г. Нижнекамск, РТ.

Гимадиева Разина Габдулхаковна — 1960 г., д. Нижний Сунь Мамадышского р-на РТ.

Давлетьяров Линур Рашитович — 1989 г., место рождения не указано.

Денисова Надежда Михайловна — 1989 г., г. Нижнекамск, РТ.

Джапаров Тимур — 1989 г., место рождения не указано.

Егоров Олег Николаевич — 1989 г., г. Кокчетав.

Ежов Глеб Александрович — 1989 г., г. Казань.
Загидуллина Гульназ — 1989 г., с. Кукеево Рыбно-Слободского р-на РТ.
Зантимирова Р.Х. — 1925 г., в деревне, место рождения не указано.
Зарипов Данил Рашитович — 1989 г., г. Алма-Ата.
Зарипов Латып Касымович — 1915 г., д. Ильчибай Бирского уезда Уфимской губ.
Земницкая Любовь Алексеевна — 1963 г., г. Казань.
Земницкая Мария — 1989 г., г. Казань.
Зубарева Галина Владимировна — 1935 г., г. Казань.
Зубарева Я.С. — 1988 г., г. Казань.
Ижболдина Анна Александровна — 1936 г., д. Пелемеш Агрызского р-на РТ.
Ижболдина Лилия Васильевна — 1988 г., г. Сарапул, Удмуртия.
Измайлова Р.Х. — 1938 г., в деревне, место рождения не указано.
Исхакова Мадина Ильдархановна — 1936 г., с. Кукеево Рыбно-Слободского р-на РТ.
Киряева Гюзель Гайсовна — 1967 г., г. Кумертау, Башкортостан.
Киряева Ралина Маратовна — 1989 г., г. Кумертау, Башкортостан.
Ковенко Дмитрий Дмитриевич — 1989 г., г. Краснодар.
Кореева Екатерина Сергеевна — 1989 г., г. Казань.
Кореева Т.П. — 1935 г., в деревне, место рождения не указано.
Крестьянинов Артем Валентинович — 1989 г., г. Менделеевск, РТ.
Кузягина Людмила Николаевна — 1988 г., г. Казань.
Лабоскина М.А. — 1989 г., г. Казань.
Мазитов Данис Ильясович — 1989 г., г. Казань.
Малышева Ольга Леонидовна — 1957 г., г. Казань.
Марута-Сукало-Краснопольский Олег — 1914 г., г. Тетюши Казанской губ.
Матюгина Н.А. — 1943 г., в городе, место рождения не указано.
Миннеханов Н.Ф. — 1948 г., д. Бикасаз Сармановского р-на РТ.
Моисеев Вячеслав Николаевич — 1945 г., г. Казань.
Морева Ирина Александровна — 1989 г., место рождения не указано.
Морозов Роман — 1962 г., место рождения не указано.
Музлов Михаил — 1989 г., место рождения не указано.
Мухаметгалиев Марат Миннеханович — 1988 г., в деревне, место рождения не указано.
Мухаметгалиев Миннехан Валиевич — 1956 г., в деревне, место рождения не указано.
Мягков Герман Пантелеймонович — 1946 г., г. Ярославль.
Павлова Лилия — 1989 г., г. Фрунзе.
Парамузов Александр — 1988 г., Узбекистан.
Пиликова Е.В. — 1990 г., г. Зеленодольск, РТ.

Пронин Николай Гаврилович — 1949 г., г. Казань.

Романов Юрий Иванович — 1947 г., г. Казань.

Рочева Татьяна Дмитриевна — 1946 г., г. Клайпеда.

Садыкова Султанья Газизовна — 1937 г., в деревне, место рождения не указано.

Саетзянова Гульназ — 1990 г., г. Ижевск.

Сайфуллина Энза — 1940 г., с. Тумутук Азнакаевского р-на РТ.

Саколова Рушания Ахатовна — 1945 г., с. Атабаево Лаишевского р-на РТ.

Сальникова (Савина) Галина Анатольевна — 1932 г., г. Оренбург.

Сафина Марзия Гариповна — 1931 г., д. Большая Атня Арского р-на РТ.

Сахабутдинова Л.А. — 1952 г., д. Ак-Чишма Альметьевского р-на РТ.

Семарева Евдокия Михайловна — 1938 г., в деревне, место рождения не указано.

Семенов Геннадий Николаевич — 1937 г., г. Казань.

Серегина О.А. — 1926 г., г. Казань.

Сидорчук Любовь Петровна — 1951 г., рабочий кишлак Сюлюкта Ошской обл. Узбекской ССР.

Соловьева Клавдия Ивановна — 1933 г., д. Ильинск Малмыжского р-на Кировской обл.

Сорокина Елена Николаевна — 1989 г., с. Рыбная Слобода Рыбно-Слободского р-на РТ.

Сорокина Раиса Ивановна — 1934 г., с. Троицкий Урай Рыбно-Слободского р-на РТ.

Сочешков Юрий Николаевич — 1939 г., г. Казань.

Сулейманов Тимур Дамирович — 1988 г., г. Казань.

Тимербаев Х.Х. — 1940-е гг., г. Казань.

Тимофеева Алла Владимировна — 1988 г., г. Норильск.

Трофимова Евгения Александровна — 1989 г., г. Казань.

Тузов Михаил Леонидович — г. Казань.

Ульянов Владимир Михайлович — 1946 г., г. Мамадыш, РТ.

Фабрикова Людмила Ивановна — 1933 г., пос. Юдино (пригород Казани).

Фазлыева Айгуль Шамилевна — 1990 г., д. Большой Сардек Кукморского р-на РТ.

Фазылзянов Рафкат Габдулхакович — 1929 г., д. Кошлауч Атнинского р-на РТ.

Фатахов Тимур Талгатович — 1988 г., г. Казань.

Федорова Наталия Анатольевна — 1959 г., г. Казань.

Федотова Лидия Васильевна — г. Кулебаки Горьковской (Нижегородской) обл.

Французова Нина Ивановна — 1940 г., д. Аракчино (пригород Казани).

Хабибуллина Валентина Ильинична — 1925 г., д. Большие Поляны Воскресенского р-на Нижегородской обл.

Хайров Шявкат Исхакович — 1944 г., с. Старое Зеленое Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

Хайрова Лилия Ирековна — 1989 г., г. Набережные Челны, РТ.

Хайруллина Гузель Рашидовна — 1989 г., г. Казань.

Хасанова Диана Наилевна — 1988 г., г. Казань.

Хасанова Равия Садриевна — 1928 г., д.Черки-Гришино Буинского р-на РТ.

Хафизов Айнур Фирдавесович — 1988 г., д. Баландыш Тюлячинского р-на РТ.

Хафизова Эльмира Масгутовна — 1956 г., д. Средняя Мёша Тюлячинского р-на РТ.

Хидирова Мадина — 1989 г., место рождения не указано.

Шаймитова Лениза Мирасовна — 1988 г., д. Сикия Муслюмовского района РТ.

Шайхатдаров Н.Х. — 1946 г., ПГТ Нурлат, РТ.

Шамова Алла Сергеевна — 1989 г., г. Казань.

Шарафиев Эмиль Илхамутдинович — 1988 г., г. Казань.

Шарафутдинов Ф.Ф. — 1989 г., г. Казань.

Яшин Антон Олегович — 1989 г., пос. Мурунтау Бухарской обл., Узбекистан.

Яшина Тамара Николаевна — 1966 г., пос. Знаменка Кировоградской обл.

Опубликованные источники

Адо В. Вспоминая о прошлом… Записки русского интеллигента // Казань. 2000. № 7. С. 34–60.

Алексеев Г. Еще можно успеть! Игрушки к 20-летию Октябрьской революции // Игрушка. 1937. № 5. С. 16.

Андреев Л. Ангелочек // Андреев Л. Рассказы. М., 1977. С. 36–46.

Андреева Л. За большевистскую принципиальность // Игрушка. 1938. № 8–9. С. 6.

Анчарова М. Сюрпризы Деда Мороза // Игрушка. 1939. № 2. С. 17–18.

Ауслендер С. Святки в старом Петербурге // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 159–166.

Базыкин С. Делать хорошие массовые игрушки // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 6–8.

Базыкин С.С. Украшения и игрушки для елки // Елка: Сборник статей о проведении елки. М., 1936. С. 33–40.

Бедаров Г. Как сделать елочную игрушку. Б.м., 1944.

Березин Г. Истекли все сроки // Игрушка. 1939. № 1. С. 9.

Бибанова Е.Г. О маленьких детях большой Москвы. М.; Л., 1926.

Блок А. Сусальный ангел // Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М.; Л., 1960. С. 133.

Бойкот японских и немецких игрушек // Игрушка. 1939. № 2. С. 30.

Браун-Гербо А. Ассортимент елочных украшений (по Ленинграду) // Игрушка. 1938. № 7. С. 19–20.

Буильский Ю. Готовьтесь к елке // Игрушка. 1939. № 10. С. 17

Булгаков М. Дни Турбиных // Булгаков М. Театральный роман. М., 2009. С. 353–432.

Бусыгин Е.П. Счастье жить и творить. Казань, 2007.

Быковская Е. Елочные игрушки и их изготовление // Елка: Сборник статей и материалов. М., 1937. С. 42–49.

Быковская Е. Елочные игрушки-самоделки // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 22–23.

В боях за социализм (Информация с мест) // Юные безбожники. 1931. № 1. С. 8–9.

В Музее дятьковского хрусталя открылась выставка «Рождественские окна» // URL: <http//: www.news.nashbryansk.ru/2009/12/18/chronicles/rozhdestvenskie-okna>

В.В. Из дневника педагога // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 4–8.

Вакурова А. Вспомним свою историю // Юные безбожники. 1932. № 10. С. 10.

Василевский И. Дед Мороз на школьной елке (Сценка) // Елка: Репертуарный сборник. Ижевск, 1947. С. 3–9.

Виртуальный музей 70-х // community.lifejournal.com./ru_museum70

Владимиров А. Счастливое детство // Юный художник. 1938. № 10. С. 22–24.

Волхонский Е. Творчество стахановцев // Игрушка. 1939. № 1. С. 15.

Всероссийская городская перепись 1923 года. М., 1925.

Выкройки // Елка в детском саду. М., 1937. С. 80–94.

Высотская О. Дед Мороз // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938. С. 11.

Гаи М. Пионерские антирождественские частушки // Юный безбожник. 1931. № 11–12. С. 24–25.

Головатюк А. Итоги и перспективы // Игрушка. 1939. № 2. С. 22–23.

Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король // Гофман Э.Т.А. Крейслериана: Новеллы. М., 1990. С. 106–150.

Григорьев Н. Карнавальная игрушка // Игрушка. 1937. № 2. С. 22–23.

Гринберг В.Д. Наша елка. М., 1938.

Гроздова Е. Как украсить елку // Игрушка. 1937. № 10. С. 6–7.

Давыдов В. Новый способ серебрения стеклянных елочных украшений // Игрушка. М., 1950. С. 42–45.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866 // slovari.yandex.ru/dict/dal/
Два школьных праздника // Народное образование. 1908. № 9.
Деньшин А. Елка (Изготовление елочных самоделок). Киров, 1939.
Дергачев Г. Мои домашние елки (Воспоминания далекого детства) // chitalnya.ru/users/Romantico-Izba
Дети — наше будущее. М., 2007.
Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997.
Детский праздник // Орловский вестник. 1898. № 8.
Диккенс Ч. Рождественская елка // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. XIX. М., 1960. С. 393–411.
Дмитриева Н. Новинки к зиме // Игрушка. 1938. № 11. С. 23.
Елка: Сборник художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946.
Елка: Сборник художественных материалов для детей начальной школы. М., 1945.
Елка: Художественный материал для детей дошкольного возраста. М., 1940.
Елка в частной воскресной школе // Рязанский листок. 1902. № 32.
Елочные игрушки // Игрушка. 1939. № 10. С. 27–28.
Елочные самоделки // Мурзилка. 1937. № 11. С. 19.
Елочные украшения. 1900–1970. Гид для коллекционера. СПб., 2004.
Ершова О. Елочный ассортимент // Игрушка. 1936. № 7. С. 24.
Ершова О.Г., Райкин Л. Игрушки (Практическое пособие для торгового работника). М., 1950.
Желиховская В. Как я была маленькой. СПб., 1891.
Жизнь крестьянских детей в 1890-х годах: Воспоминания учеников церковно-приходских школ // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 17–30.
Жити завтра // www.donor.ua/.../index.php?module=articles
Забытый участок // Игрушка. 1939. № 1. С. 1–3.
Загоскин Н.П. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань, 2005.
Зарубежная хроника // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 31.
Збарская Е. Примерная программа новогодней елки // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938. С. 15–17.
Зеленина Т. Елка моего детства. Архангельск, 2006.
Зощенко М. Елка // Зощенко М. Рассказы для детей. М., 2009. С. 50–56.
Игрушечникам — большевистское воспитание // Игрушка. 1938. № 12. С. 1–3.

Игрушки-самоделки для елки. Куйбышев, 1942.
Игрушку — на общественный просмотр // Игрушка. 1937. № 3. С. 2–3.
Изделия широкого потребления: Каталог. М., 1953.
Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме // Бартрам Н.Д. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 61–143.
Ильина Е. Елка в детском саду // Ильина Е. Елка в детском саду. М., 1937. С. 46–47.
Интервью с А.В. Беловой // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 201–226.
Кабо Е. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М., 1928.
Катаев В. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // Катаев В. Избр. произв.: В 3-х т. Т. II. М., 1977.
Карпинская Н. Примерная программа новогодней елки // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938. С. 12–13.
Кинг С. Мертвая зона. М., 2002.
Кононов А. Рассказы о Ленине. М.; Л., 1939.
Костюмы к празднику новогодней елки // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938. С. 51–61.
Куприн А.И. Жизнь. Рождественская сказка // Куприн А.И. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. I. М., 1970. С. 373–376.
Куприн А.И. Тапер // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. II. М., 1957. С. 467–480.
Кутуй Р. Белое пламя лунного тополя // Казань. 1993. № 1. С. 8–26.
Лабунская Г. О природе, о жизни, о своих мечтах… // Юный художник. 1936. № 1. С. 15–19.
Лихачев В. Рождественские ночи (Из Арно Гольца) // Нива. 1908. № 51. С. 895.
Макарова С. Зимние вечера: Рассказы для маленьких детей. СПб., 1905.
Мамин-Сибиряк Д.Н. Около нодьи // Мамин-Сибиряк Д.Н. Емеля-охотник: Рассказы, повесть. Казань, 1982. С. 76–82.
Маршак С. Декабрь // Елка: Сборник художественных материалов для детей дошкольного возраста. М., 1946. С. 3.
Маршак С.Я. Песня о елке // Маршак С.Я. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. I. М., 1968. С. 122.
Махров А. На радость детям // Для блага народа. Свердловск, 1954. С. 45–55.
Менджерицкая Д.В. Игра // Воспитание ребенка в семье от трех до семи лет (Книга для родителей). М., 1950. С. 113–132.
Михалков С. Елка // Елка: Репертуарный сборник. Ижевск, 1947. С. 14.

Моложавая Е. К оформлению комплексной игрушки // Советская игрушка. 1936. № 3. С. 10–14.
Молчанов А.В. Нарисованная елка // Эстафета вечной жизни: Сборник воспоминаний уходящего поколения блокадников. СПб., 1995.
Москва послевоенная 1945–1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000.
Московское детство: Память поколений. М., 2008.
Мясоедова М. Маски для детей // Игрушка. 1939. № 10. С. 13–14.
На елке // Советская игрушка. 1936. № 1. С. 26–29.
Набоков В. Другие берега. Романы. М., 2000.
Набоков В. Прохожий с елкой (1925) // Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 178.
Набоков В. Рождественский рассказ // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти т. Т. II. СПб., 2008. С. 416–421.
Набоков В. Рождество // Круг: Поэтические произведения. Рассказы. Л., 1990. С. 30.
Наболевший вопрос // Игрушка. 1938. № 5. С. 2–3.
Накануне новогодней елки // Игрушка. 1937. № 10. С. 3–4.
Наумов В. Три Казани // Казань. 1998. № 9–10. С. 39–51.
Ни одной школы, ни одного пионеротряда без журнала «Юный безбожник» // Юные безбожники. 1931. № 1. С. 33.
Новогодняя елка // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста. М., 1938. С. 5–8.
Новые игрушки // За советскую игрушку. Б.м., 1948. С. 51–58.
Носов Н. Версты любви // Казань. 1994. № 9–10. С. 4–25; 1995. № 1–2. С. 49–69.
О.И., Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война. Киев, 1915. С. 97–108.
О.Ч. О производстве елочных украшений // Советская игрушка. 1936. № 7. С. 25.
Обследование сел и находившихся в них детских садов по Воронежской области, 1930 г. // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 334–338.
Огнев Н. (Розанов М.Г.) Дневник Кости Рябцева. М., 1989.
Осеева В.А. Васек Трубачев и его товарищи. М., 1961.
Отчет по губернскому городу Казани за 1844 год. Казань, 1845.
Очерки кустарной промышленности Пермской губернии. Пермь, 1896.
Панова Н. Новогодняя елка: Сценарий праздника для детей 8–12 лет. М., 1940.
Пантелеев Л., Белых Г. Республика ШКИД. Шкидские рассказы. М., 1998.
Пастернак Б. Вальс со слезой // Пастернак Б. Стихотворения. М., 1990. С. 122.
Перспективы предстоящей елки // Игрушка. 1939. № 10. С. 24.
Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005.

Победоносцев К. Рождество Христово // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 523–525.

Покровская А. Домашняя жизнь московских детей // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 12–15.

Политическая задача игрушечников // Игрушка. 1938. № 6. С. 2–3.

Порядок проведения школьных каникул // Правда. 1932. 25 декабря.

Последние новости. 1932. 26 декабря // old.russ.ru/ist_sovr/express/1932_52_pr.htm/

Постышев П.П. Давайте организуем детям к новому году хорошую елку! // Правда. 1935. 28 декабря.

Предметы советской жизни в фотографиях, картинах советских художников и в ваших воспоминаниях // URL: <http://community.lifejournal.com/soviet_life>

Производство елочных украшений и серебрение в артели «Культигрушка» Ленинграда // За советскую игрушку. Сб. 1. Б.м., 1948. С. 33–34.

Производство игрушек должно быть расширено // Игрушка. 1938. № 8–9. С. 1–4.

Прокопьев Д. Игральные домики // Советская игрушка. 1936. № 5. С. 9–10.

Против рождественских сказок — за учебу // Юные безбожники. 1932. № 11–12. С. 1–3.

Рабинович М. Несколько слов о творческой игре // Советская игрушка. 1936. № 3. С. 15.

Раевская С. Выставка кукол // Игрушка. 1939. № 3. С. 27.

Редкозубов С.П., Янковская А.В. Букварь. М., 1938–1952.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968.

Рогинская Ф. Празднества в творчестве юных художников // Юный художник. 1939. № 5. С. 8–10.

Рождественский альманах-реклама / Изд. А.В. Ястребского. Казань, 1899.

Россихина С.В. Куклы и предметы игры с куклами // Игрушка: Сборник статей. М., 1950. С. 16–31.

Россихина С.В. Производство игрушек в промысловой кооперации РСФСР // За советскую игрушку. Сб. 1. Б.м., 1948. С. 8–10.

Сакулина Н. Оформление новогодней елки // Елка: Сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. М., 1936. С. 49–50.

Сведения о торговых домах, действующих в России в 1892 году. СПб., 1893.

Свентицкая М.Х. Наш детский сад (Из опыта дошкольной работы детского городка имени III Интернационала при Наркомпросе в Москве). М., 1924.

Сенько А. Производство игрушек — в новые районы // Игрушка. 1938. № 12. С. 6–7.

Симонов К. «Плюшевые волки…» // Симонов К. Стихи. Пьесы. Рассказы. М., 1949. С. 200.

Скрябина Е. Страницы жизни. М., 1994.
Смирнова В. Чей праздник: Рассказ для октябрят // Юные безбожники. 1931. № 10. С. 30–31.
Сочинения учеников Калужских школ Первой опытной станции Наркомпроса (1922–1930) // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 275–294.
Спасская Г. Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребенок. М., 1923. С. 53–63.
Справочник директора промтоварного магазина. М., 1951.
Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939.
Станюкович К.М. Елка // Станюкович К.М. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. I. М., 1977. С. 173–179.
Стасов В.В. Дуга и пряничный конек // Русская старина. 1877. № 4.
Стахановское движение — залог нового социалистического подъема // Советская игрушка. 1935. № 5. С. 1–2.
Сухомлина А.В. Воспоминания дочери народовольца, 1962 // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 84–99.
Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980.
Тараховская Е. Елка, елка, елочка… // Косминская И.Б. Праздники и развлечения // Воспитание ребенка в семье от трех до семи лет (Книга для родителей). М., 1950. С. 209.
Терещенко А.В. Быт русского народа: В 7-ми т. Т. VII. СПб., 1848.
Тетрадь по графомании бывшего ученика 1–10 классов шести разных школ Москвы, Омска и Колосовки: Автобиографические записки // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 309–327.
Тихомиров Д.И., Тихомирова Е.Н. Букварь. М., 2007 (репринтное издание).
Токмакова И. Запрещенное Рождество: Воспоминания детства // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 121–124.
Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 // slovari.yandex.ru/dict/ushakov/article/ushakov/09/us1113108.htm?text
Толстой А. Детство Никиты // Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. III. М., 1958. С. 151–251.
Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987.
Торгово-промышленная Россия: Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899.

Труды Комиссии по использованию кустарной промышленности в России. Вып. 1–15. СПб., 1879–1886.

Трутнева Е. Дед Мороз // Мурзилка. 1943. № 2. С. 10.

Трутнева Е. Золотая звезда // Елка: Репертуарный сборник. Ижевск, 1947. С. 16.

Украсим елку // Мурзилка. 1943. № 11–12. С. 16–17.

Улицкая М. Праздник елки // Елка: Сборник статей о проведении елки. М., 1936. С. 22–24.

Учительница. Отражение войны в жизни детей // Русская школа. Сентябрь — декабрь 1915 г. Т. III. С. 5–8.

Учтем уроки антирождественской кампании // Юные безбожники. 1932. № 3. С. 19–20.

Федосюк Ю.А. «Утро красит нежным светом...»: Воспоминания о Москве. М., 2004.

Флерина Е.А. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей о проведении елки / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. М., 1936. С. 9–21.

Флерина Е. Елка в детском саду // Елка: Сборник статей и материалов. М., 1937. С. 3–10.

Флерина Е.А. Образная игрушка и методы ее подачи // Советская игрушка. 1936. № 8. С. 6–8.

Флерина Е.А. Педагогические требования к советской игрушке // За советскую игрушку. С. 2–5.

Хитрово Г. Игра в «театр» (На примере детсада № 83 Свердловского района города Москвы) // Игрушка. 1938. № 12. С. 14–15.

Хроника // Советская игрушка / Игрушка. 1936. № 8. С. 31–32; 1937. № 2. С. 32; № 6–7. С. 32; № 10. С. 32; 1938. № 1. С. 32; № 2. С. 32; 1939. № 10. С. 31; № 11–12. С. 48.

Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1971.

ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 3. М., 1929.

Чертежи и выкройки елочных игрушек // Елка: Сборник статей и материалов. М., 1937.

Чехов А.П. Ванька // Чехов А.П. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М., 1970. С. 108.

Чехов А.П. Елка // Чехов А.П. Соч.: В 18-ти т. Т. III. М., 1975. С. 146–147.

Чуковский К. Елка // Мурзилка. 1944. № 12. С. 5.

Школьные праздники в деревне // Вестник Рязанского губернского земства. 1912. № 11–12.

Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 449–458.

Шмелев И. Лето Господне. М., 1991.

Шоколадная лихорадка // Новые известия. 2009. 18 декабря.
Шолпо В. Осколки зеркала // Казань. 1994. № 9–10. С. 111–128.
Шурма Д. Елка // Волжский вестник. 1899. № 20.
Щепинский А. По поводу московской выставки детского рисунка // Искусство и жизнь. 1916. № 5. С. 11–13.
Щербаков В. Конкурс «Наша Родина» // Юный художник. 1940. № 6. С. 20–22.
Янтиков Антон. «Война кончилась (Как будет после окончания войны)»: Сочинение // Левитин С. Крестьянские дети и война // Русская школа. Сентябрь — октябрь 1915 г. № 9–10. С. 80.
Ярославский Е. Борьба за преодоление религии. М., 1935.
76-82. Энциклопедия нашего детства // www.76-82.ru
Bonner E. Mothers and Daughters. N.Y., 1993.
Broido V. Daughter of Revolution: A Russian Girlhood Remembered. L., 1998.
Lugovskaya N. A Diary of a Soviet Schoolgirl. 1932–1937. Moscow, 2003.
Turnerelli E. Kazan et ses habitants / Турнерелли Э. Казань и ее жители. Казань, 2005.
Wylie I.A.R. My German Year. L., 1910. P. 68.

Литература

Аболина Р.Я. Советское искусство периода развернутого строительства социализма (1933–1941). М., 1964.
Абрамов Р. Поэтика повседневности семидесятых в фильме «Трамвай идет по городу»: Ностальгическое эссе // Визуальная антропология: Городские карты памяти. М., 2009. С. 143–169.
Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М., 1977.
Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
Асташов А.Б., Гордеева И.А. Библиография по теме «Детский досуг (чтение, сказка, игрушки, музыка, праздники, кинематограф, театр)» (1918–1945 гг.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 356–358.
Базыкин С. Против религии! // Игрушка. 1937. № 8. С. 3.
Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003.
Баранов Д. Образы вещей (О некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212–227.

Барт Р. Мифологии. М., 2000.
Барт Р. Система вещей: Статьи по семиотике культуры. М., 2003.
Барт Р. Camera Lucida: Комментарий к фотографии. М., 1997.
Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 133–154.
Белова А.В. «Женское детство» в дворянской культуре России 18 — середины 19 века // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб., 2008. С. 23–46.
Близнюк А. Новогодняя и рождественская игрушка // Наука и жизнь. 2003. № 12.
Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001.
Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002.
Боруцкий В.И. Кустарный игрушечный промысел Московской губернии // Игрушка. Ее история и значение. М., 1912. С. 198–236.
Василенко В.М. Богородская деревянная резная игрушка // Советская игрушка. 1935. № 3. С. 18–20.
Вишленкова Е.А. Визуальный язык описания «русскости» в XVIII — первой четверти XIX века // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 97–146.
Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. Казань, 2008.
Власова Н. Народная деревянная игрушка // Игрушка. 1937. № 1. С. 14–17.
Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974.
Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.
Галанин С.Ф. Газетная реклама. Казань, 1999.
Галанин С.Ф. Казань и казанцы: Реклама второй половины XIX века. Казань, 2008.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Глагол С. Русская народная игрушка в XIX веке // Игрушка. Ее история и значение. М., 1912. С. 65–84.
Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58–66.
Горбашова А. Здравствуй, дедушка Мороз! Ты скелетик нам принес? // Профиль. 2006. № 48 (509).
Гюнтер X. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 281–288.
Дашкова Т. Идеология в лицах: Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920-х — 1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: Форум немецких и российских культурологов. М., 2002. С. 103–130.

Дашкова Т. Проблема исследования женской телесности: Поиск языка описания (на материале советских журналов 1920–1930-х годов) // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 274–278.

Деканова М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX — первой трети XX в.: Центр и провинция. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самара, 2009.

Декоративно-прикладное искусство России // URL: <http:www.russianpresent.narod.ru>.

Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.

Елка в стиле casual: 10 нарядов для зеленой модницы // www.femmina.ru/articles/183-/

Елка: От классической до гламурной // art.thelib.ru/house/interior/elka_ot_klassicheskoy_do_glamurnoy_html

Елочная игрушка: Современные тенденции, мода, производство // christmas-collection.narod.ru/prr-history-old-toy4.html

Ермаченко И.О. «В Харбине все спокойно»: Повседневные межкультурные контакты в зеркале городской газетной хроники (начало XX в.) // Повседневность российской провинции: История, язык и пространство. Казань, 2002. С. 75–99.

Есаулов И. Соцреализм и религиозное сознание // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 49–56.

Жукова Е.В. Новогодняя игрушка (Народный промысел деревни Данилово) // http://www.bogorodsk-noginsk.ru

Завьялова И.В. Семейная коллекция казанских дворян Ильиных // Казанский посад в прошлом и настоящем: Сборник статей. Казань, 2002. С. 179–184.

Зайцева Н.Л. Попытка создания семейного архива: Детские воспоминания родственников // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: В 2-х ч. Ч. II. М., 2006. С. 213–221.

Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

Зоркая Н. Зрелищные формы художественной культуры. М., 1981.

Иван Иванович Овешков // Советская игрушка. 1935. № 4. С. 12–15.

Иванов Е.В. Новый год и Рождество в открытках. СПб., 2000.

Игрушка — радость детей. М., 1912.

Игрушки дореволюционной России // Игрушка. 1939. № 2. С. 28–29.

Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб., 2007.

История елочной игрушки: Выставки, коллекционирование, исторический обзор // www.christmas-collection.narod.ru/pr-history-grate-catalog.html

История Казани: В 2-х кн. Кн. 1. Казань, 1988.

История московской елки // ny.myclub.ru/else/tree02.shtml
Исупов К.Г. Детскость // Культурология: Энциклопедия: В 2-х т. Т. I. М., 2007. С. 559–560.
Как провести рождественский пост, рождество и святки. М., 1997.
Кашаева Ю.А. «Друг без друга они существовать не смогут»: Социальные отношения среди кустарей Пермской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб., 2008. С. 231–252.
Кей Х. Куклы, игры и игрушки. М., 2003.
Келли К. «Папа едет в командировку»: Репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Учебный текст в советской школе: Сборник статей. СПб.; М., 2008. С. 154–179.
Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. Лето (№ 8). С. 141–185.
Клинские елочные украшения. Мелихово, 2006.
Кнабе Г.С. Вещь как феномен культуры // Музеи мира. М., 1991. С. 111–141.
Ковалев Б.Н. Советские дети и школьная политика национал-социалистов на оккупированной территории (1941–1944) // Deutscher Historisches Institut Moskau. Bulletin № 3. Kinder des Krieges / Дети войны. Materialien zum Workshop in Voronez, 11–13 März 2008. S. 70–79.
Козули // Ru:wikipedia.org/wiki/Козули/
Кондаков И.В. Детство как убежище, или «детский дискурс» советской литературы // Какорея: Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 138–166.
Королева Н. Рождество как средство политической пропаганды // www.dw-world.de/dw/article/0,,5018455,00/
Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008.
Котылева И.Н. Советский календарь 1920-х годов: Манипуляции запоминанием и забыванием // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 332–347.
Круткин В.Л., Власова Т.А. Исследования визуальных аспектов культуры. Ижевск, 2009.
Кудряшов К. Повесим Маркса к Ленину! // Аргументы и факты Москва. 2006. № 50 (700). 13 декабря.
Лебина Н. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
Леонтьева С. Детский новогодний праздник: Сценарий и миф // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 242–256.
Лехциер В.Л. «Опыт исчезновения...» // Mixtura verbonem 2003: Возникновение, исчезновение, игра. Самара, 2003. С. 3–9.

Лихачева С. Рождество у англичан // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 215–232.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М., 1994.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.

Малышева С.Ю. Советский провинциальный город: Время отдыха (досуг жителей Казани в довоенное время) // Повседневность российской провинции: История, язык и пространство. Казань, 2002. С. 119–130.

Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Российский провинциальный город 1920-х гг.: Визуализация «советскости» // Визуальная антропология: Городские карты памяти. М., 2009. С. 121–142.

Меленецъ Л. Історія ялинкової іграшки // www.malecha.org.ua/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=142

Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М., 1988.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка «Совдепии». СПб., 1998.

Музыченко В. А у вас есть коллекция елочных игрушек? // Казанские ведомости. 2008. 15 января.

Набиуллина З. Чем дитя тешилось: Народная игрушка XII — начала XX вв. // Казань. 1995. № 9–10. С. 152–156.

Нарожная С. Рождественские пирамиды // Антикватория. 2004. № 1. С. 102–103.

Новожилов М. Стеклодувные елочные украшения // Советская игрушка. 1936. № 6. С. 11–12.

Нюрнбергское Рождество // www.dw-world.de/dw/article/0,,4509179,00.html; emigration.russie.ru/news/9/11959_1.html

Овечкин Е.Г. Игрушка как феномен культуры и средство духовного развития // www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2000/txt/ovechkin.php

Овчинникова Е. Забавы знати // Игрушка. 1937. № 4. С. 18–19.

Оршанский Л.Г. Игрушки: Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. М.; Пг., 1923.

Оршанский Л.Г. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России // Игрушка: Ее история и значение. М., 1912. С. 3–64.

Осокина Е. Частное предпринимательство в период наступления экономики дефицита (на примере потребительского рынка предвоенных пятилеток) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. СПб., 2000.

От Деда Мороза с ружьем — до храма: История России в елочной игрушке // www.rian.ru/ny_mm/20081226/158160913.html
Паперный В. Культура Два. М., 1996.
Петровская Е.В. Антифотография. М., 2003.
Писахов С.Г. О козулях (1927) // www.velib.com/book.php?avtor=P=343_1&book=5860_1_1
Подорога В.А. Непредъявленная фотография // Авто-био-графии: К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1. М., 2001. С. 91–239.
Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М., 1887.
Прокопьев Д. О елке // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 21–22.
Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.
Республика Татарстан: Памятники истории и культуры: Каталог-справочник. Казань, 1993.
Рождественская елка // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 657–665.
Рождество в Дрездене // www.decorbells.ru/travel_dres_w.htm
Рождество во Франции // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 279–285.
Ромашова М.В. Вещи и слова советского детства 1940–1950-х гг.: Провинциальное измерение // Какорея: Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 207–216.
Российский гуманитарный энциклопедический словарь / Под ред. П.А. Клубкова. М., 2002 // slovari.yandex.ru/dict/rges/article/rg2/rg2-0211.htm?text
Россияне в Азии. 1997. Вып. 4.
Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. М., 2002.
Русское православие: Вехи истории. М., 1989.
Салова Ю.Г. Игровое пространство советского ребенка-дошкольника в 1920-е годы // Какорея: Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 114–123.
Сальникова А.А. «Детское письмо» как опыт, как факт и как знание // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. № 15. М., 2008. С. 266–290.
Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
Самая дорогая елочная игрушка // rapps.ru/main.mhtml?Part=18&PubID=6007
Свердлова Л.М. На перекрестке торговых путей. Казань, 1991.
Сенькина А.А. Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs новое // Учебный текст в советской школе: Сборник статей. СПб.; М., 2008. С. 26–47.

Серегина Н.М. Уходящая натура, или «эстетика исчезновения» // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): Проблемы изучения. Казань, 2008. С. 204–209.
Сизинцева Л.И. Хронотоп провинциала // Русская провинция: Культура XVIII–XX вв. М., 1992.
Словарь по общественным наукам: Глоссарий.ру // EDI-Press&WebMission,2000-2006 // slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/268/268_361.HTM?text
Смирнова Т.М. Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 — начало 1920-х гг. // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: В 2-х ч. Ч. I. М., 2006. С. 255–299.
Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник. Киев, 1988.
Соколова Э.В. Дом-музей Ф.И. Шаляпина // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 232–239.
Старая елочная игрушка и коллекционирование // www.christmas-collection.narod.ru/prr-history-old-toy5.html
Стравинская М. Меры украшения // Власть. 2006. № 51 (705). 25 декабря.
Строганов М. [Рец.] Е.В. Душечкина. Русская елка. Указ. соч. // Новое литературное обозрение. 2004. № 65 // magazines.ru/nlo/2004/65/book38-pr.html
Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 9–72.
Тагирджанова А. Татарские детские дома в городе на Неве в 1920-е гг. // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2009. № 2. С. 62–68.
Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 89–101.
Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995.
Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001.
Усманова А. Женщины и искусство: Политики репрезентации // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие. Харьков; СПб., 2001. С. 465–492.
Фараджев К. Педология А. Залкинда и миф о преобразовании человека // Залкинд А.Б. Педология: Утопия и реальность. М., 2001. С. 5–18.
Фомин А. Дед Мороз оставил чекистов с носом // vvnews.info/print.aspx?a=11407
Хавронин А. Свастика на елочку // www.svobodanews.ru/content/article/1907610.html
Черкасский Я. Маленький мир на большой войне // Русская Германия. 2008. № 51 // http://www.rg-rb.de/2008.51/swi1.shtml

Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале статистики. М., 1998.
Швидченко Е. (Быстров Б.) Рождественская елка: Ее происхождение, смысл, значение и программа. СПб., 1898.
Шипулина Н.Б. Игра и игрушка в сфере повседневной культуры // Studia culturae: Альманах. Вып. 2. СПб., 2002.
Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. 2000. №1–2. С. 66–78.
Ямпольский М. Демон и лабиринт. М., 1996.
Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: Художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.
Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сборник статей. Челябинск, 2004. С. 346–357.
Янковская Г.А. Повседневность художественной жизни провинциального города в годы сталинизма // Повседневность российской провинции: История, язык и пространство. Казань, 2002. С. 226–237.
Янковская Г.А., Ромашова М.В. Выездная сессия Международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (Пермский государственный университет, Пермь, 15–18 ноября 2008 года) // Вестник Пермского университета. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 114–121.
Agacinski S. Time Passing: Modernity and Nostalgia. N.Y., 2003.
Baxter J.E. The Archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture. N.Y.; Toronto; Oxford, 2005.
Bennett T., Joyce P. (eds.) Material Powers: Cultural Studies, History and the Material Turn. Sidney, 2010.
Bonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.
Boym S. Future of Nostalgia. N.Y., 2001.
Calvert K. Children in the House: The Material Culture of Childhood in America, 1600–1900. Boston, 1992.
Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago; L., 1985.
Coe R. When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven; L., 1984.
Cole P. (ed.). Christmas Trees: Fun and Festive Ideas. San Francisco, 2002.
Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum // http://www.dw-world.de
Forbes B.D. Christmas: A Candid History. Berkeley, 2007.
Frank St.P. Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siecle Russia // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, N.J., 1994. P. 74–107.

Happy New Year! — Стильная елка // newnewyear.livejournal.com/3852.html
Harding P. The Christmas Book: A Treasury of Festive Facts. L., 2007.
Hewitt J. The Christmas Tree. N.Y., 2007. P. 12.
Husband W. «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia. 1917–1932. Illinois, 2000.
Kirschenbaum L. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia: 1917–1932. N.Y., 2001.
Kopytoff Y. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). The Social Life of Things. Cambridge, 1996.
Lejeune M.K. Compendium of Symbolic and Ritual Plants in Europe. Ghent, 2002.
Lillehammer G. The World of Children // Sofaer Derevenski J. (ed.). Children and Material Culture. N.Y., 2000. P. 17–26.
Mand A. Urban Carnival, Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350–1550. 2005.
Masters A. The Doll as Delegate and Disguise // Journal of Psychohistory. 1986. V. 13, No. 3. P. 293–308.
Mergen B. Made, Bought, and Stolen: Toys and the Culture of Childhood // West E., Petrik P. (eds.). Small Worlds: Children and Adolescents in America: 1850–1950. Lawrence, 1992. P. 86–106.
Miles C.A. Christmas Customs and Traditions: Their History and Significance. N.Y., 1976.
O'Konnor K. Culture and Customs of the Baltic States. Westport, 2006.
Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.
Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies. Aberystwyth, 2009 // www3.interscience.wiley.com/journal/118718.685
Rietschel G. Weihnachten in Kirche, Kunst und Volksleben. Bielefeld; Leipsic, 1902.
Shoemaker A.L. Christmas in Pennsylvania: A Folk-Cultural Study. Mechanicsburg, PA, 1999.
Sidgwick A. Home Life in Germany. L., 1908.
Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts: Kunst, Kitch und Kuriositäten. München, 1993.
Sutton-Smith B. Toys as Culture. N.Y., 1986.
Tille A. Die Geschichte der deutschen Weihnacht. Leipsic, 1893.
Weber-Kellerman I. Das Weihnachtsfest: Eine Kultur und Sozialgeschichte der Weihnachtszeit. Luzern; Frankfurt/M., 1978.
Weintraub S. Silent Night: Remarkable Christmas Truce of 1914. N.Y., 2001.
Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995.

На с. 236: Собака-космонавт Лайка. Папье-маше, ручная роспись. Касимов, 2000-е гг.

Оглавление

Алла Сальникова
История елочной игрушки,
или Как наряжали советскую елку

Дизайнер обложки *С. Тихонов*
Редактор *А. Красникова*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *Е. Сярая*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
"НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ"»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626
а/я 55,
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 15. Тираж 2000.
Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46
Заказ № 2641.

В центре исследования доктора исторических наук **Аллы Сальниковой** находится советская елочная игрушка, хотя большое внимание уделено и ее предшественницам — игрушкам дореволюционным. Как наряжали советские елки? Как и из чего делали украшения? Как их использовала власть и как относились к ним дети и взрослые? И что произошло с елочными игрушками после распада СССР?

ЕЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ ТАИНСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ ПРЕВРАЩАЮТ ОБЫЧНОЕ ДЕРЕВО В ВОЛШЕБНУЮ СКАЗКУ. ОДНАКО СКАЗКА ЭТА ВСЕГДА БЫЛА ТЕСНО СВЯЗАНА С ЖИЗНЬЮ, КОТОРАЯ ПРОЧИТЫВАЛАСЬ В ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКЕ КАК В ОТКРЫТОЙ КНИГЕ.

ISBN 978-5-86793-835-2
9 785867 938352

